

6

2015

РОССИЯ
ВМЕСТЕ
XXX

Страницы истории

Валентина Марьина

Густав Гусак: Словакия,
Чехословакия, СССР. Взгляд
из 1945 года и не только _____ **86**

Жорес Медведев

Опасная профессия
(окончание) _____ **110**

Пути духовных исканий

Владимир Мильков

Древнерусские представления
об ином мире (окончание) _____ **134**

Редакционная почта

Дина Аманжолова

Новое о феномене сталинизма
и еврейском вопросе в СССР _ **162**

Актуальный архив

Нина Хайлова

Люди из примечаний.
Максим Максимович Ковалевский –
австрийский пленник _____ **172**

Contents in English look at the page 196

РОССИЯ XXI

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., почетный доктор социологии Саутгемптонского Университета (Великобритания), чрезвычайный и полномочный посол в отставке, руководитель Центра Европа–США, Институт Европы РАН, преподаватель РГГУ;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Киянская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Средневековья и Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Куриленкова А.А.;
Петрова И.Н.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, геополитики, отечественной и зарубежной истории, социологии, экономики, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России. Редколлегия оставляет за собой право отбора рукописей для публикации. Рукописи рецензируются Экспертным советом. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, место работы и должность – на русском и английском, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи (на русском и английском языках).

Аннотацию (500–900 знаков с пробелами) (на русском и английском языках).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова (на русском и английском языках).

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Справочный аппарат, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ.

Объем статьи, включая справочный аппарат, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в двух–трех номерах журнала.

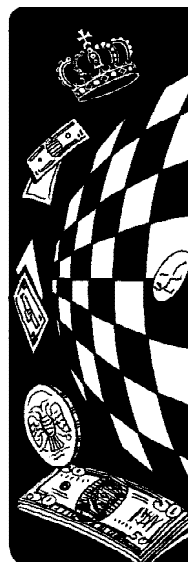
Статья представляется в редакцию на электронном (MS Word) и бумажном (1 экз., подписанный автором) носителях.

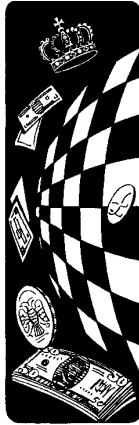
Чтобы понять причины, сперва мы должны понять следствия...
Следует определить, проанализировать и организовать «что» и «как», прежде чем мы сможем адекватно проникнуть в суть «почему».

Альфред Кребер

**Лучшее государственное устройство
для любого народа — это то,
которое сохранило его как целое.**

Мишель де Монтень

Сергей Кургинян

САМОСОХРАНЕНИЕ

ВЫЗОВ ВРЕМЕНИ

УДК
327

Статья посвящена проблеме выживания современной России в глобальном мире, тем вызовам, которые представляют собой соединение факторов внешней и внутренней политики страны. Она должна не только сохраниться, но и обрести новое место в современном военно-политическом, религиозном, культурном контексте, исполнить свое назначение. Главной темой публикации является политика РФ на Ближнем Востоке и аналитика расклада сил и группировок в этом регионе земного шара.

The article is devoted to the problem of modern Russia's survival in the global world, to the challenges that present combination of the country's foreign and domestic policy factors. Russia has not just to survive. Russia has to gain a new place in the current military-political, religious, cultural context and to fulfill its prescription and assignment. The principal theme of the article is the RF policy in the Middle East and analysis of relation of forces and groupings in this region of the globe.

Ключевые слова: Ближний Восток; Россия; Европа; ислам; политический процесс; война; беженцы; государство.

Key words: Near East; Russia; Europe; Islam; political process; war; refugees; state.

E-mail: ecc@ecc.ru

**Трансформация Европы:
эффект «котла»**

Я хочу обратить внимание на некую цепь недавно случившихся событий, которую, к сожалению, очень мало обсуждают. Если я при этом буду вводить в контекст какие-то понятия,

напрямую с этим не связанные, то сделаю это потому, что (увы или к счастью) все в мире взаимосвязано. Нет обособленных событий, которые не влияли бы на процессы, происходящие в мире, причем некоторые связи носят далеко не случайный характер.

Мне, например, до сих пор не вполне ясно, случайной ли является связь между событиями на Ближнем Востоке, порождающими большие волны беженцев, и реакцией Европы на это явление. Ответственные за войну на Ближнем Востоке планировали или нет такие мощные потоки мигрантов и реакцию Европы? Верно ли, что в данном случае в «огороде бузина, а в Киеве дядька» или все-таки проективное мышление связывает между собой рождение этих больших масс беженцев, их неизбежное движение в Европу и политическую трансформацию Европы?

Мне кажется все же (делаю акцент на слове «кажется»), что это проективный процесс. То есть те, кто провоцирует это гигантское количество беженцев, которое неизбежно движется в Европу, может быть, в существенной степени для того и создают процессы на Ближнем Востоке, чтобы трансформировать Европу. У меня возникает такой образ процесса, что Европа – это «кастрюлька», в которой лежат всякие «овощи», «мясо» и все прочее, а нужна «конфорка», чтобы на ней изготовить «суп». Поэтому включают «конфорку», то бишь беженцев, которые сами по себе не появятся, и нужно запустить большой процесс, чтобы они появились. «Конфорка» горит, на нее ставят европейскую «кастрюлю» с «овощами», «мясом» и всем остальным. В результате возникает некий «суп».

В связи с этим я вспоминаю одну вполне публичную историю, которая случилась уже после распада СССР, но прямо по горячим следам распада, где-нибудь в самом начале 1992 года, мне так кажется по времени. Меня пригласили на какое-то публичное мероприятие, проводимое фондом Горбачева и возглавляемое тогда Горбачевым. А я умел особо злить Михаила Сергеевича. Он заводился, когда я начинал организовывать соответствующие импульсы, ему адресованные. Не могу проще сказать, но именно организовывать некие импульсы, месседжи. Я построил свое выступление именно таким способом. Михаил Сергеевич сильно разозлился, он в таких случаях покрывался даже пятнами, и

сказал: «Умный ты человек, Сергей Ервандович, и даже что-то понимаешь в происходящем. Но, когда ты еще был младшим научным сотрудником и ковырялся в своей геофизике, я уже побывал в одном из главных городов Европы, где меня принимали 22 очень могущественных и очень умных человека. И они мне сказали: "Михаил Сергеевич, Европа мертва, и она не оживет, пока не закипит "русский котел"».

Я цитирую это высказывание, поскольку при этом присутствовало человек семьдесят и многие из них еще живы, они могут подтвердить мою правоту, наверное, есть и стенограмма. Я на это ответил: «Михаил Сергеевич, но они же Вам не сказали, что именно должно свариться-то в этом котле – борщ, уха или что-то еще. Там такое может вареве получиться, как у макбетовских ведьм, которые тоже что-то там варили...» – «Ну ладно, ладно, это у тебя ассоциации, образы, я тебе сказал, ты проинформирован».

Что сказал, по сути, Горбачев? Он сказал, что в Европе нечто было «нарезано», а Россия нужна была как некая «конфорка», которую надо зажечь, и тогда сварится новый европейский «суп», иначе все будет мертвое, ничто новое не возникнет. По-другому его слова нельзя интерпретировать, а за точность передачи фразы я отвечаю.

Сейчас Европа по-прежнему мертва, и кто-то хочет там «сварить» нечто, включив теперь уже ближневосточную «конфорку» и создав тот самый «европейский котел» в расчете на то, что в нем что-нибудь «закипит». Что там должно «закипеть»? Каков круг людей, которые могут в принципе что-то такое замыслить и обладают возможностями это осуществить? Есть ли сейчас на планете «герои» (в данном случае, безусловно злые), которые могут так мыслить? И одновременно способны это организовать? Не знаю. И пока не пойму это до конца, я не могу придать своему утверждению иной статус, нежели статус гипотезы, достаточно простой и одновременно достаточно эксцентричной. Тем не менее мне кажется, что эта гипотеза правдоподобна. Не надо обольщаться этим правдоподобием, но что-то в этом, безусловно, есть.

Взаимосвязь факторов

Если это так, то давление беженцев на Европу неизбежно будет разогревать антимигрантские настроения. Иначе быть не может. Если с этим давлением Европа не справится, то все центристские и умеренно-левые партии полетят кувыркком под откос. Их программы вызывают только разочарование. Напротив, притягательными стано-

САМОСОХРАНЕНИЕ

вятся программы либо правые, либо ультраправые. Предположим, что власть в Европе получают правые или ультраправые партии. Правые – ладно, правые, консервативные... они умеренные, но они тоже проблему не решат и даже не сформулируют никаких проектов, осуществимых или воспринимаемых населением как осуществимые, которые эту проблему рассосут. Потому что такие проекты достаточно чудовищные, а умеренные правые так же уважаемы, как умеренно-левые или центристы. В условиях такого кризиса повестка дня потребует прихода к власти каких-то совершенно других сил. Сначала эти силы могут быть как чуть-чуть более левые, так и чуть-чуть более правые. Но рано или поздно неминуемо окажется, что все это расщепляется на так или иначе социалистическую и фашистскую дилемму.

И в этом смысле фашистские тенденции получают, естественно, некую фору. Они оказываются предпочтительнее, ибо что скажет какая-нибудь социалистическая, пусть даже резко социалистическая, группа об отношении к иммигрантской проблеме? Ну, скажет, что все дело в том, что буржуазия не способна справиться с ситуацией, поэтому все и возникает. Это будет правдой, но кто ее услышит? А что скажут фашисты? Они скажут, что «"чурок" надо мочить» и что «мы готовы это осуществить». Вот это поддержат. Я считаю, что, пока конфорка еще только включилась, огонь слабый, суп трудно разогреваемый и поэтому говорить о чем-то подобном еще не приходится. Но пройдет время, конфорка будет работать, и если огонь окажется более мощным и воду разогреют, то суп сварят. Это довольно простое занятие.

Когда его сварят, какая будет Европа? Все эти разогревания ультра-национализмов порождают цепь взаимных претензий. У каждой из европейских стран есть претензии к соседней. И все эти ультранационализмы... они же не только антииммигрантские, они еще и как-то должны подчеркивать идентичность. Сильно подчеркивая идентичности, адресуясь к историческому прошлому, невозможно создать даже очень рыхлое, ничем не обоснованное, европейское единство. У него нет корней. Нет единого языка.

На латыни говорить? Рим? Что должно быть корнем? В Европе корни очень разные. Всякая апелляция к этим корням создает центробежные тенденции. В результате либо Германия в очередной раз поглотит Европу, либо Европа будет развалена. Когда она будет развалена, по отношению к ней будет реализовано то, что обычно называется стратегией сдерживания.

Что такое «сдерживание»? Это выявление в регионах неких растущих сил, которые в принципе способны бросить вызов США. Эти силы надо своевременно подавлять, – вот что такое в чистом виде концепция сдерживания. Она была сформулирована Кеннаном в его «Длинной телеграмме» (см.: [7; 8]), которую я уже ранее обсуждал в связи с холодной войной.

Эта концепция существовала и до Кеннана, и после него, и Россию, когда она выделилась из состава СССР, продолжали сдерживать. Ее сдерживали в Чечне, добивали до конца, потому что в любом своем виде, будучи не просто региональной державой, а слишком крупным образованием, она, опомнившись, бросает вызов Соединенным Штатам.

Конечно, им бросает вызов Европа, а также Юго-Восточная Азия, прежде всего в лице Китая. На эти вызовы нужно найти ответы, нужно осуществить то или иное сдерживание. Значит, возможно, что весь этот ближневосточный странный котел порожден только одним – желанием США сдерживать Европу. Создать ей еще пару–тройку лишних проблем, при которых она определенным образом трансформируется, а будучи трансформированной, не сможет существовать как сверхрегиональное образование – огромное, бросающее вызов США. А в принципе она могла бы стать таким образованием. Или даже в каком-то смысле обречена была стать им, если бы продолжала развиваться и укрепляться.

Может быть, это так или – еще хуже: те, кто это все подогрывает, хотят, чтобы некий икс «съел» всю Европу, став радикально правым, и заварилось нечто, по отношению к чему 1939–1941 годы покажутся детской забавой.

Я говорил об этом много лет назад и сейчас вижу все больше подтверждений тому, что говорил. В любом случае, этот пример нужен хотя бы для того, чтобы показать, что такое взаимосвязь факторов. Что никогда нельзя увлекаться тем, чтобы каждый фактор рассматривать в отдельности, игнорируя взаимосвязи. Я понимаю, что есть риск до такой степени все связать друг с другом, что могут возникнуть бредовые конспирологические картины, в которых утонет реальность. Надо быть близко к факторному анализу, но без системного анализа все же обойтись нельзя.

Нация и национализм

Перед тем как обсудить некую конкретику, повторю то, о чем говорил не раз и что сейчас явно имеет место. В странах Северной Африки и Ближнего Востока есть националисты и исламисты-халифатисты, и больше там никого нет.

Там нет мощной либеральной, либерально-космополитической, либерально-просвещенной прослойки. Ее нет. Это порождено как генезисом этих государств (они недавние образования), так и их спецификой: все они – части арабского мира, вернее, части двух халифатов – арабского и османского, продукты неких распадов. Кроме того, это государства, которые могут либо признать, что они никогда никого не догонят, либо начать догонять (догоняющая модернизация).

Националисты – это прежде всего те, кто признает светские нации в арабском мире: сирийскую, египетскую, тунисскую и так далее. А ведь это большая проблема нащупать там нации. Их легко нащупать в Иране, в Ираке уже намного труднее, а в Северной Африке – тем более. Националисты пытаются это сделать, очень часто их попытки требуют того, чтобы они чуть-чуть адресовались к исламу, но больше всего – к доисламской древности. Тот же Ясир Арафат, пытаясь создать палестинскую нацию (совсем проблемное образование, не так ли?), адресовался к чему? Проходит празднество, где выносят Баала, и Арафат оказывает ему респект. А как иначе-то?

Как нацию вообще построить? Ведь нацию очень трудно построить на универсалистской религии, все равно нужно понять, чем французский католицизм отличается от испанского, чтобы воевать, а ведь воевали Франция и Испания очень долго. Проще всего понять, чем протестантизм отличается от католицизма, но разные католицизмы тоже надо было как-то маркировать – германским, французским, испанским началами. Возникали соответствующие священные места, соответствующие святые, соответствующие апелляции к дохристианской истории – невозможно было без этого обойтись. И Муссолини, конструируя итальянскую нацию, никак не мог обойтись без Рима и римской идентичности. Но скажут, что Муссолини – фашист и негодяй. А Гарибальди, а все остальные? Они тоже к чему-то должны были апеллировать.

Значит, внутри национализма всегда есть некое обоснование и нагнетание того, что не может быть взято только из ислама, а именно: утверждение «мы – сирийцы!», «мы – египтяне!»

Конечно, в национализме есть существенный исламский момент, но поскольку это тот момент, который должен быть связан с доисламским, то речь должна идти прежде всего о суфизме. Суфии не боятся связать доисламское прошлое с исламом. Второй праведный халиф Умар Ибн Аль-Хаттаб однажды, целуя камень Каабы, сказал: «Я знаю, что ты только камень, incapable сделать добро или причинить зло. Если бы я не

видел, как тебя целует посланник Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует, то не стал бы целовать тебя» [3].

Сравните это с тем, как «Исламское государство» обещает разрушить Каабу и все остальное. Для салафитского, фундаменталистского ислама все языческое – чудовищная вещь, которую нельзя вспоминать.

Трудный вопрос, очень трудный – о корнях. Можно ли совсем от них оторваться, существует ли чистота универсальной религии? Но если она и существует, то она требует и взывает универсального государства, каковым для ислама является халифат. Такой ислам не может существовать без халифата. Чистый, накаленный, фундаменталистский ислам взывает халифата. И я много раз говорил: ради бога, стройте его на здоровье в пределах тех национальных исламских государств, которые вы хотите объединить. Это будет такое же объединение, как объединение Европы, но гораздо более прочное, потому что будет стоять на фундаменте накаленной исламской веры.

Но вся беда заключается в том, что любое нагревание халифатистского начала никогда не останавливается именно потому, что религия бурлит, она живая в отличие от христианства на Западе, да и того, что происходит у нас.

Хотелось бы, чтобы и в христианстве страсти духовной было больше, не правда ли? Чтобы преобладали не такие чуть-чуть знаковые моменты, а чтобы там действительно жила настоящая страсть – та, которая наполняла готические соборы в XII–XIII веках от Рождества Христова. Не потому, что хочется войны цивилизаций, а потому, что любая духовная страсть лучше, чем прозябание, мертвость, бесценность, вся постмодернистская каша.

Итак, прекрасно могло бы все происходить, если бы и арабские, и исламские государства добровольно в рамках диалога, аналогичного тому, который породил объединенную Европу, создали бы объединенный арабский или объединенный исламский мир.

Так ведь пытались же много раз это сделать! И Гамаль Абдель Насер пытался, и другие на совсем иных основаниях стремились к тому же. Во-первых, это не получается. Уже поработало светское начало, не хватает бывшей универсальной страсти. Во-вторых, прощу прощения, и с универсальными страстями даже в исламе (хотя в исламе с этим лучше, чем где бы то ни было) было недостаточно хорошо.

Потому что Османская империя – это Османская империя, и совсем убить в ней турецкое начало невозможно. Или тюркское. А арабский халифат – это арабский халифат. Кажется, что все хороши, всех можно

объединить и все правоверные – правоверные, однако арабы чуть-чуть правовернее других. И два халифата пытаются выяснять, какой из них лучше. И на это все накладывается раскол между суннитами и шиитами. В главном шиитском государстве – Иране – безумно крепки и глубоки национальные корни, персидскому государству много тысячелетий, оно древнее, мощное, культурное и все время хочет как-то соединить себя с исламом. И соединяет. Выдающийся исследователь Анри Корбен подробно рассказывает, как именно в шиитском суфизме, не в суннитском, а в шиитском, востребованы все доисламские персидские варианты. Это невероятно интересная история, на которую мне сейчас не хочется отвлекаться [2].

Итак, никогда это объединение не случилось, с одной стороны, по названным выше причинам, а с другой стороны, как только об этом начинают говорить, вспоминают, что когда-то Испания была частью арабского халифата, а в России ислам – вторая по численности приверженцев религия. И начинается экспансия на те территории, на которых без огромных войн, без истребления населения халифат утвердиться не может.

Они даже не ограничиваются тем, чтобы на первом этапе спаять ядро этого халифата и как-то договориться между собой, а потом уже начать экспансию – они сразу ее начинают! Сразу.

Поэтому весь этот халифатизм, естественно, не может не беспокоить. Не ислам как великая религия нас беспокоит, мы ее беспредельно уважаем, не исламские духовные импульсы, построенные во многом на антагонизме с западным миром, нас беспокоят, – мы сами построены на этом антагонизме. Нас беспокоит геополитика, беспокоит то, что христианская страна, каковой по сути мы являемся со всеми оговорками об уважении к религиям народов, ее населяющих (никто же не оспаривает, что это мир миров, сложнейший русский космос с русским тем не менее и православным ядром, это так по факту), этот мир миров немедленно начинает взрываться от соприкосновения с мощными радикальными халифатистскими волнами.

И возникают далеко идущие разговоры, особыми любителями которых являются наши теоретики радикального ислама, которые говорят, что Россия – это всего лишь душа, а есть дух, а дух – это ислам и что дух должен подчинить душу. И начинается очень многое из того, что угрожает целостности нашей страны и нашим ценностям. Я, например, человек совершенно светский, понимаю, насколько эти ценности обусловлены православием, христианством, насколько они являются в этом смысле несовместимыми с тем, что дует с Юга.

Очень хочется со всем этим жить в мире, не воюя, не конфликтуя, а как-то гармонизируя отношения. Никогда в России не возникнет исламофобия. Все, кто будет такое здесь насаждать, враги России. Но радикальный напор, конечно, опасен, а в каком-то смысле и смертельно опасен.

Представлять события так, что напора нет, а есть просто некий «терроризм», можно лишь для политкорректности. Но это же не так! Мы вновь попадаем в ту же историю, в которую попадали в 2001 году и в последующие годы, когда Джордж Буш-младший опрометчиво сказал, что он крестоносец, потом сам испугался последствий и говорил лишь о терроризме и антитеррорстической коалиции. Конечно же, речь идет не только о терроризме, речь идет о терроризме, который определенным образом идеологически обоснован, и терроризм здесь широко применяемое средство, а цель связана с идеологией. И отрицать ее, как говорится, ради политкорректности можно лишь недолго, рассуждая о том, что война идет с салафитами, с радикальным исламизмом и так далее.

Сейчас мы повторяем то же самое. Потому что обоснованно боимся, как огня, всякого конфликта цивилизаций и любой демонизации великой мировой религии – ислама. И уходим в сторону названия «террорист». Это нам кажется безопасным. И это правильно с точки зрения официоза. Но я хочу называть вещи своими именами.

Радикальный исламизм

Речь идет о другом. Оно смертельно опасно для тех, на чьи территории посягает. Это опасно для России, смертельно опасно для всех суфиев, пытающихся прорасти национальные корни на Северном Кавказе, в Средней Азии – где угодно. Их кладбища растаптывают, их святыни сносят. И для умеренных деятелей ислама это тоже смертельно опасно. Это некая сила, которая хотела бы для начала уничтожить две трети собственного ислама, чтобы потом двигаться дальше.

Она, безусловно, возвращена Западом, это можно доказать. Это гомункулы, которые вылезают из неких «колб». Эти «колбы» подробно описаны (См.: [5]). Но никогда еще не возникало такой силы, как «Исламское государство». Не будем вспоминать о временах арабского завоевания Испании или наступления Османской империи на Австрию или на Россию. За последние столетия никогда такой опасности не возникало. Всякая попытка поставить это в один ряд с Бен Ладеном, Аль-Каидой и прочими просто смешна.

Сирийская армия – это худо-бедно 200–250 тысяч человек. Сколько бы их ни убили на данный момент и сколько бы ни было дезертиров – это никак не меньше 200 тысяч. Это хорошая армия. Не отличная, но хорошая. Никакого сравнения с Ливией или даже с Египтом нет. У нее алавитское ядро². Есть и другие слагаемые, которые входят в эту армию. Существует, например, черкесский модуль и др. Но главное – очень воинственное сплоченное ядро. Эти люди понимают, что радикальный исламизм, ими ненавидимый, смертельно для них опасен. Либо они, либо этот исламизм. Они будут сражаться насмерть.

Техники у них очень много. По численности армия не самая крупная в мире и не входящая даже в десяток крупнейших армий, а вот по технической вооруженности... Чуть-чуть устаревшая техника, но вряд ли можно считать, что у «Исламского государства» техника вся супер-пупер и что она способна уничтожать технику сирийцев. В наступательных боях преимущество для того, чтобы брать позиции, должно быть 3 к 1. Нельзя, имея такую же армию, как у противника, брать города. И вообще прорывать оборону противника, желающего сопротивляться. Это означает, что только на сирийском направлении воюет ну никак не меньше 400 тысяч человек. А есть еще йеменское направление и Северная Африка. Это огромная сила. И полукомические сокращения масштабов этой силы, выдаваемые за реализм, просто непонятно зачем делаются, – это вне всякой логики.

Ядро «Исламского государства» – его армии, – конечно, иракские военные, пришедшие туда, а также различного рода радикальные исламистские террористические структуры, которые объединяются. Но есть и оболочки у этого ядра, оно не существует в голом виде. Денег много, их очень много. Нефть, конечно, стоит на месте №2. На первом месте – наркотики и терроризм, как таковой, – готовность оказывать разнообразные террористические услуги, спонсорская помощь. Беспощадная новая организация сетевой структуры.

В любом случае, денег, особенно после того, как в сферу контроля попала еще и нефть, «как грязи», как говорят в таких случаях. Регион нищий, взбаламученный, диссоциированный на племена, этнические и региональные группы. Набрать людей, да еще под знамя Аллаха, дав им совсем немного денег, вообще проблемы нет. За 100 долларов в месяц придут и будут стрелять, а стрелять умеют все. Писать – нет, а стрелять –

---

² Алавиты, или нусайриты, – одна из сект шиитов, радикальная, обособленная от всего остального.

все. Значит, пушечного мяса всегда огромное количество. 20 тысяч долларов в год на одного, двадцать миллионов на тысячу. И сколько на миллиард?

Кроме того, ведь не только деньги привлекают, есть еще и религиозный накал и энтузиазм. Они уже контролируют огромные территории, как нож в масло в них входят, сметая регулярную армию. Все понимают, что конструировали это американцы. Все уже называют лагерь Кэмп-Букка, где американцы вместе содержали офицеров армии Саддама Хусейна и радикальных халифатистских проповедников и где и создавалось – при явной американской поддержке – военно-идеологическое ядро «Исламского государства». Британская газета *The Guardian* 11 декабря 2014 года опубликовала эксклюзивное и основательное исследование ИГИЛ, в котором взяла интервью у старших командиров ИГИЛ. Один из командиров ИГИЛ Абу Ахмад подтвердил, что Соединенные Штаты, открыв подобную тюрьму, предоставили им уникальную возможность [6].

Ясно, что американцы оставляют в регионе большое количество оружия. Если эта волна организованного радикализма станет еще сильнее, она накроет собой любую другую исламистскую радикальную структуру. Любую! Нет уже никакого фундаментального противоречия ИГ с Аль-Каидой, нет его, все. Потому что, когда Аль-Каида увидит, что есть сила в 10 раз больше, чем у нее, она «ляжет» под это и будет внутри интриговать. А не «ляжет», так рассыплется, потому что все радикальные боевики пойдут туда, где центр силы.

Это уже явление мирового масштаба! А на подходе и другие слагаемые. Процесс разогревается и разогревается. Он начинает захватывать и захватывать позиции. И что, все остальные сидят, сложа руки, и страсть в них не просыпается? Просыпается, просыпается. И в желтом исламе, самом многочисленном, она просыпается именно в таком радикально-исламистском варианте. Талибы уже – по крайней мере, их часть – идут на договор. Значит, это сила, которая постепенно собирается, собирается, собирается и собирается. И тут нам говорят: «Ах, ох, Афганистан, то-се».

Все, что было сказано про Афганистан и уже стало общим местом, сказано было врагами СССР. Это лживые сказки о том, как мы помешали братскому народу нормально жить. Там уже начинался ровно такой же процесс. Еще более опасный, потому что на первых порах этой разгоряченности Хомейни готов был дружить с суннитами против коммунистического безбожного режима, он подумывал об этом. Это было недолго, но с этого начиналось.

Вспомним, в какое время все это одновременно вспухало исламистской страстью. Пакистан, Иран и, наконец, Афганистан, там уже началась резня, которая могла привести к власти только радикальный исламизм. Взрыв в Средней Азии был гарантирован на 83-й год, максимум 84-й. Одновременный антисоветский взрыв на Западе: Польша, то-се. Вспомним, как синхронизированы были процессы в нашем «южном подбрюшьи» и «Солидарность». Мы оказывались растянуты между этими двумя центрами, и у нас происходил бы не такой распад страны, как имел место, а нечто совсем другое, гораздо более кровавое и страшное.

В момент, когда (и тут не надо из песни выкидывать слова) глава КГБ СССР Владимир Крючков, который всегда считал это наиболее крупным делом своей разведжизни, нашел Наджибуллу и стало ясно, что тот справляется, мы решили афганскую проблему и могли уходить. Не так, как уходили в 1989, а иначе. А могли оставаться. Но разговор о том, что там мы не решили хоть одну из задач, – просто наглая ложь, мы решили там все задачи, которые были поставлены. Советская армия справилась с этим неизмеримо лучше, чем другие армии мира.

Мы действительно там строили новую жизнь, мы могли ее построить тогда, правда, с большими трудностями для себя. И построив ее, опершись по-настоящему на здоровые силы прежде всего в пуштунском мире и в сопряженных мирах – таджикском и других, – мы могли бы взять Афганистан под свой контроль мягко, с дозированным военным присутствием или с постепенным сокращением этого присутствия.

А такой контроль обезопасил бы нас на очень и очень долгий период. И не нас одних. Все, что в таких случаях нельзя делать, это ввести оккупационную армию, не имея поддержки населения и барахтаясь просто в безопорном оккупационизме, лишенном всех остальных политических слагаемых. В «гидропонике», в «оккупационистской гидропонике». В ней нельзя барахтаться.

Тогда нами многое было сделано. Эта радикально-исламистская дуга была рассечена в Афганистане, в регионе сменились приоритеты. Мы наладили достаточно глубокие отношения с Ираном, последователи Хомейни не так жестко ориентированы, как Хомейни на раннем этапе. У нас действительно возникла дружба с Ираном, и, слава богу, это один из решающих геополитических факторов. Поэтому говорить: «Ах-ах-ах, Афганистан – это ужас, влезли, глупость, коммунистическая геронтократия, безумие», – просто нечестно. Эти песни пелись в перестройку, они остались на слуху, но это лживые песни.

Прежний мир

Теперь о Сирии. Сирия всегда строила с нами доброжелательные отношения, но смотрела в сторону Запада. Особенно это касалось отца Асада.

Он великолепно держал баланс в интересах сирийского народа, ориентируясь и на Францию, и на Англию, и, естественно, на Соединенные Штаты, и на нас. Человеком он был мощным, никакого однозначного тяготения к России не испытывающим, но готовым строить прочный союз с Россией. Сына своего он направил на Запад и сделал все возможное, чтобы тот превратился в абсолютно западного человека.

Никаких оснований и у американцев, и уж тем более у французов пренебрегать таким фактором, как прозападная ориентация Асада-сына, не было. Зачем они стали с ним разбираться – это совершенно отдельный вопрос. Он не исламист – это все понимают. Он не коммунист, не русист, он очень сложный политик, гораздо более мягкий, чем его отец. Не столь точный, но в чем-то вполне достойный своего отца, который, конечно, был политиком выдающегося масштаба.

Асад и, что гораздо важнее, алавиты, а также все группы, которые к ним примыкают, в данном случае находятся под давлением невероятно мощной силы. Но ведь Асад одновременно абсолютно ненавидим Западом. Не может быть случайным, что «Исламское государство» хочет его казнить и что Запад говорит: «Раздавим гадину». И само это «Исламское государство», повторю, было создано Западом, продолжает им финансироваться, американцами в первую очередь. Эта война с ИГИЛ – такой комический спектакль, что-то вроде как «машина скорой помощи идет – сама режет, сама давит, сама помощь подает».

Создали американцы «Исламское государство» не случайно, потому что уже давно заняты только созданием радикального исламизма. Я не зря назвал радикальный исламизм врагом исламской веры, гомункулом, выращенным в соответствующих колбах. Одна из них, если говорить о «Братьях-мусульманах», – колба имени лорда Кромера, который был протектором над зоной Суэцкого канала и очень мудро строил эту халифатистскую организацию. Другие колбы имеют других Вагнеров, не Фаустов в данном случае, а Вагнеров, по сути. Мы все прекрасно понимаем, как это сконструировано и как это используется. Поэтому разговоры о том, что Америка воюет с «Исламским государством», достаточно анекдотичны. Хочет она воевать – пусть воюет. Но она воевать не будет. И тут возникает вопрос «почему?»

Вспомним, что сказала Кондолиза Райс после того, как Буш объявил, что он крестоносец и будет воевать с радикальным исламом? Говорят, что ему папа за это сильно врезал, он время от времени оказывал на него грубое физическое воздействие не только за алкоголизм, но и за другие вещи. А главное, элита США сказала: «Назад!» Что сказала Кондолиза Райс после этого? [1] Она фактически сказала, если раскрыть смысл ее заявления, что мы радикальнейшим образом меняем всю политику, которую проводили предыдущие 60 лет на Ближнем Востоке. Все, кто 60 лет был нашими друзьями, становятся нашими врагами. Все, кто был врагами, становятся друзьями.

Не она одна так говорила, это было повторено всеми ключевыми фигурами администрации Обамы. И очень скоро стало двухпартийным консенсусом: все меняем. Израильтяне, египтяне и все прочие похолодели, когда это услышали. Можно было бы считать, что это просто пустые слова, если бы не лихорадочная подготовка к этим изменениям и осуществление всех этих «революций» – арабских весен. Американцы не могли не понимать, что, кроме национализма и исламизма, там больше ничего нет. И что, уничтожая национализм, они активизируют исламизм, а также всякую племенную, хаотическую архаику.

Демократия являлась только средством этой активизации. Глава одной из проблемных стран африканского континента, в которой с трудом удалось навести порядок, говорил одному моему хорошему знакомому: «Я потратил (не помню точно сколько) несколько десятков лет на то, чтобы собрать нацию, теперь американцы требуют демократию, значит, все снова распадется на пятнадцать племен, которые будут враждовать друг с другом». Неужели глава данного проблемного африканского государства все понимал, а американцы не понимают? Все все понимают.

Когда было сказано, что атакуются силы национального догоняющего Модерна (а другого Модерна быть не может), догоняющего развития, если кому-то не нравится слово «Модерн», стало понятно, что объявляется война Модерну как таковому. То есть архитектуре мира, основанной на нации, национальном суверенитете, и национальном государстве, и идее развития, а также гуманизме, существующем в самых разных вариантах, не только в светском, – исламском, христианском, языческом и каком угодно еще, без которого невозможно развитие.

Это атакуют повсюду. И наплевать Западу на то, в какой степени прозападными являются лидеры. Мубарак и Бен Али были абсолютно прозападными, Каддафи стремительно налаживал отношения с Западом, каялся

за все, делал все, что Запад хочет, Асад абсолютно прозападный. Им на это плевать!

Есть еще одна деликатная черта в происходящем, но она, так сказать, носит скорее характер неких низменных добавок к чему-то стратегическому. Конечно же, это правда, что Хусейн дал одному американскому президенту деньги в долг, чтобы сына его, который в дальнейшем стал президентом, спасти от некоторых проблем в каком-то из тexasских банков. И, конечно же, все знают, что Каддафи давал деньги в долг. Известно, что, когда конкретным лидерам государств дают деньги в долг, те потом очень хотят «зачистить» тех, кто ссудил им деньги. Это естественное желание для ковбойской, а также других грабительских культур. Но это маленькая конкретная прибавка к главному – к тому, что архитектура мира, основанная на национальном государстве, национальном суверенитете, нации, развитии и гуманизме отменена. И об этом говорят настолько ясно, что потрясает то, что этого не слышат.

Разве я придумал «недееспособность» вестфальской системы – ее кризис, крах, а не крупнейшие американские идеологи? А что такое вестфальская система? Это система национальных государств. А “crisis of national states” – разве я заговорил об этом?

Все сигналы поданы: такой мир не нужен, потому что в нем Соединенные Штаты теряют лидерство. Возникает вообще много проблем. Главная проблема заключается в том, что мир, который был основан на Модерне, на прежней культуре, стареет и удерживать его безумно трудно.

Другая важная причина состоит в том, что если в рамках философии, допускающей развитие для всех, начнется развитие всего человечества, да бог с ним всего человечества, – Китая, и каждый китаец потребует то же, что имеет каждый американец, – коттедж, две машины, электроэнергию, бензин под это дело и зарплату, то мир рухнет.

А предложить всему миру что-то другое невозможно. И американцу уже нельзя предложить ничего другого. А есть еще Индия и Вьетнам. И они не должны двигаться по пути догоняющей модернизации, который считался основным и по которому шли все диктаторы, поддерживаемые ранее американцами, плевать они хотели на то, демократичны они или нет.

Почему вдруг такое изменение? Потому что в стратегическом плане, в ядре этой элиты, которая вообще непрозрачная, действительно принято решение о том, что эта модель завершена. Нельзя больше ее использовать. И касается это, конечно, прежде всего, Китая.

Опасность архаизации

А что можно противопоставить этой модели? Исламистское безумие, выращенное из колбы? Оно-то все сметет. У него нет идеи развития, зато есть идея регресса, архаики, Средне-

вековья, в лучшем случае. Если эта волна обрушится на все мирные очаги, где не застой, не медленный спад производства, а рост на 6–7% (на 5%, неважно), то эти очаги будут сметены. В Пакистане не задействован потенциал развития по-настоящему. Индия – это страна с крупнейшим исламским населением. Слава богу, оно существенно суфийское, как и в Пакистане. Но это же временные вещи. Мы же видим, как режут суфиев в Ливии, Сирии, на Северном Кавказе. Индонезия, Малайзия – на очереди.

Тогда, действительно, можно создать архаическую периферию мира. Все эти волны должны ударить по Китаю, и мы знаем, что творят американцы с уйгурской проблемой. Но по Китаю-то ладно, – по России. По России гораздо проще этим ударить.

Вот масштаб беды, масштаб головной боли. При этом американцы рассказывают и показывают картинки, как они по кому-то бьют. И ничего при этом не делают. Вообще ничего. Это все разрастается у них на глазах, они ахают, охают и на самом деле внутренне, наверное, хлопают в ладоши.

Как мы должны вести себя в этой ситуации? Мы должны выбирать наших союзников. Первый наш союзник, союзник №1 – это, конечно, Иран. Может, кому-то это не нравится, но этого требуют наши фундаментальные интересы в данном мире. Кроме того, Иран смягчается, как мы все знаем. Вся иранофобия известного типа, по поводу атомной бомбы и прочего, сродни безумию. Быстро надо договариваться с Ираном. Принимать его статус великой региональной державы и все сделать, чтобы он в этом статусе укреплялся. Безусловных союзников вообще не бывает, но это надо поддерживать.

Иран не может договориться с талибами, Иран не может договориться с «Исламским государством». Шиитский Иран не сможет договориться с этими фанатичными безумцами. Он уже понял, что не станет лидером исламского радикализма. Поверьте мне, никаких для этого оснований нет. Еще есть какие-то слабые потуги, я все это наблюдал с близкого расстояния. Пока речь идет о том, что надо уничтожить сионистскую чуму, все орут в едином восторге. Как только речь о том, что придет Махди, большая часть аудитории замолкает и начинает недовольно рычать.

Все уже понятно, Иран – национальная региональная держава высшего класса. И Иран – это шиитская, не случайно шиитская, глубочайше шиитская, так сказать, исламская держава, в которой есть память о Персидской империи. Она укоренена в суфийском шиизме.

Все это для нас сейчас хорошо. Если бы Иран хотел идти по пути халифатизма и всего, что ему сопутствует, он бы поддержал «Исламское государство», а не Асада, а он поддерживает Асада, в том числе наземными военными операциями. Значит, этот союзник есть.

Хезболла не должна беспокоить никого, включая тех, кого она больше всего беспокоит. Потому что это прежде всего проблема Ливана и ее вполне возможно вместе решить. Сейчас вопрос об общем враге, и лучше иметь дело с Хезболлой, которая получила необходимый ей очень локальный геополитический сектор и находится под контролем Ирана, чем иметь дело с «Исламским государством». Всем лучше, Израилю в том числе. Гораздо лучше.

Египет все понимает. Израиль в существенной степени понимает и скоро поймет полностью. Страх суннитских королевств перед шиитским Ираном и его экспансией можно погасить. Проблема Турции крайне не проста, и все понимают, что турецкие войска являются частью войск так называемого «Исламского государства». По крайней мере, эксперты это понимают с полной очевидностью. Но и эту проблему можно попытаться решить.

Кто не хочет этого и не будет это поддерживать? Ну, конечно, Америка. Все ставки людей, которые говорили, что наша операция в Сирии против «Исламского государства» смягчит наши отношения с Соединенными Штатами, были безумными, они держались на добро-совестном у одних и недобросовестном у других заблуждении. Никогда этого не будет. Наша война с «Исламским государством» – это война наша и наших союзников. Очень скоро к этим союзникам подключится Китай. Мне представляется, что обязательно подключится. Что будет делать Индия – это вопрос отдельный, там достаточно сложные отношения. Но Китай подключится, потому что ему нужен Иран как источник энергетических ресурсов и по многим другим причинам.

Эта альтернативная коалиция есть не только коалиция против «Исламского государства». Это коалиция стран, которые всерьез решили защищать национально-государственные суверенитеты, нации, национальные государства, развитие и все прочее. И Иран в числе этих государств.

**Мироархитектурные
основания**

Я еще раз подчеркиваю, что эту архитектуру мира защитить трудно, потому что она дряхлеет. Нет национально-буржуазного драйва, который был в XIX столетии, нет его, он устает, этот огонь гаснет. А когда он гаснет,

зажигается просто черное фашистское пламя. Единственная возможность, как я считал и считаю, это искать все лучшее в коммунизме, резко это развивать, выдвигать проект Сверхмодерна и начинать зажигать другой огонь, настоящий, молодой.

Но это будущее, и его за три года не зажжешь. Значит, все, что сейчас можно делать, – это защищать мироархитектурные основания, построенные на национальных государствах, национальном суверенитете, нации, развитии, гуманизме, что и есть Модерн. Неизбежен союз всех, кто хочет союза Сверхмодерна с Модерном, против Контрмодерна и Постмодерна.

Помимо всего прочего, это неизбежная миссия консервативного буржуазного национально-государственного сознания и лидеров, обладающих этим сознанием. Нет ничего другого. Это просто следствие их внутренней логичности, большей интеллектуальной свободы, чем есть у лидеров Запада, отсутствие скованности какими-то дурацкими штампами и политкорректностью, которые есть на Западе.

Чего мы добились в Сирии? Мы в Сирии действительно даем отпор «Исламскому государству». Но сейчас мы добились в Сирии того, чего не имели никогда – ни при старшем Асаде, ни при Асаде 4–5 лет назад. Мы в Советском Союзе такого не имели из-за тогдашней многовекторной политики. Сейчас безумцы орут: «Зачистить Асада! Зачистить Асада!» А мы его спасаем. Естественно, что Асад сам входит с нами коалицию. Значит, у нас появляются такие позиции на Средиземном море, которых не было никогда. Те, кто говорил: «Давайте сделаем это все с Сирией для того, чтобы помириться с американцами», – были либо люди с упрощенным сознанием, либо люди, науськиваемые провокаторами от политологии. Но все, кто говорил: «Давайте укрепим позиции на Ближнем Востоке», – с которого мы никогда не уходили и уйти не можем – «на Средиземном море», – вот они были правы. Мы их укрепили, мы их в сумасшедшей степени укрепили.

Как я утверждал, утверждаю и буду утверждать, эксцессы на Украине начались с Сирии. Вдруг чудака Керри, очень сильно связанный с Ираном, сказал: «Если Асад сдаст химическое оружие, так можно бы с ним и повременить» [4]. За это уцепился Лавров и все остальные. Путин взял это в

качестве доктрины, предложил ее и переиграл Обаму. И американцы тогда это восприняли как огромное собственное поражение и решили: «Ничего. Путин выиграл в Сирии, теперь мы выиграем на Украине. Ну как вам?» Мы ответили Крымом и Донбассом, и теперь все опять возвращается в Сирию. Это кольцо, по которому идет процесс, и его невозможно разорвать.

Что мы хотели по результатам Второй мировой войны? Мы хотели базы на Средиземном море, хотели базы в Ливии. И некие позиции в проливах. Нам их обещали и не дали. Мы не можем уйти с Ближнего Востока, не хотим, мы перестаем быть державой, если с него уходим. Не будем говорить о том, как именно это связано с вопросом о ценах на нефть. Это то низменное, что не преобладает в этом деле.

Теперь на повестке дня стоит вопрос об Ираке. Понимает ли Ирак, что его бросают в качестве кровавой жертвы «Исламскому государству»? Весь Ирак, который этого не хочет, – на нашей стороне. Он понимает, что мы что-то можем сделать, американцы – нет, потому что они подыгрывают «Исламскому государству». Шиитский Ирак, безусловно, просто ждет поддержки Ирана. Китай, я повторяю, рано или поздно в этот процесс включится. Идет фактически передел всего Ближнего Востока. Это серьезно. Говорить о том, что мы, оперируя таким способом, играем «по маленькой», невозможно. Это большая игра. Произошла колоссальная эскалация этой большой игры, колоссальная.

На Украине происходит в каком-то смысле то же самое. Как в Сирии мы не хотим оккупации и брать на себя то, что следует делать Асаду, и говорим: «Нет. Пусть сражается сирийская армия, которую мы укрепим». Так и на Украине. Наша роль должна ограничиваться помощью Донбассу в рамках международного права. Потому что оккупационистская «гидропоника» оборачивается крахом. Крах неизбежен, когда мы вмешиваемся до такой степени, что уже не сможем выйти из игры, и ничего не получим в результате. Ну, оккупировал Израиль какие-то территории и что? Он их сейчас отдает. У него же лучшие позиции в международном сообществе, чем у нас, но он отдает.

Кроме того, есть одно обстоятельство, на котором я все время настаиваю. Сегодняшнее Российское государство, сегодняшняя российская элита, сегодняшнее российское общество чудовищно повреждены.

Пока не возникнет в обществе и элите новая молодая генерация, которая поймет, какие же ошибки были в советском проекте, и займется их исправлением, страна должна жить. Как долго это продлится, неизвестно.

САМОСОХРАНЕНИЕ

Наша страна должна жить, потому что, если она рухнет, при всех ее кошмарных несовершенствах, мы новую не построим, просто не будет ничего. Будут на территории маленькие кусочки различных суверенитетов, и будет американский протекторат над всем этим. Отчасти китайский, отчасти американский – неважно. Мы не можем отдать это государство, мне оно нравится ничуть не больше, чем самым яростным его критикам, но это не значит, что мы его можем отдать.

Стоит жить и работать, понимая все сложности момента, понимая все несовершенство существующего государства, понимая то, что ничем другим ты его сейчас не заменишь. Понимая, что в этом своем виде оно может очень по-разному себя вести – все это понимая, по поводу всего этого страдая, но веря в то, что народ, который все-таки не погиб после таких ударов, которые были по нему нанесены, сбросит морок потребительства, вернется к своей человеческой сущности. И тогда мы действительно построим новый мир, который не будет миром постмодернистско-контрмодернистского нацизма.

В противном случае человечество ждут страшные времена. Главное – этого не допустить, а этого не допустить может только обновленная Россия. Удастся ли ее обновить в нужной степени? Это медленный мучительный процесс, в котором чувство реальности должно сочетаться с пониманием того, что у нас есть идеалы и мы знаем, куда мы стремимся. Мы стремимся к великому российскому будущему.

Библиографический список

1. Кондолиза Райс: «Мы надеемся, что российское руководство сделает ответственный выбор» // Русская служба «Голоса Америки», США. 19.09.2008. URL: <http://inosmi.ru/world/20080919/244116.html> (дата обращения: 06.12.2015).
2. Корбен А. История исламской философии. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 360 с.
3. Нима Исмаил Наууаб. Хадж – путешествие всей жизни: ритуалы Авраама. Ч.2 // The Religion of Islam. URL: www.islamreligion.com/ru/articles/468/viewall/ (дата обращения: 06.12.2015).
4. Пессин А. Керри: удара по Сирии не будет, если Асад сдаст химоружие // Голос Америки. 09.09.2013. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/syria-kerry/1746106.html> (дата обращения: 06.12.2015).
5. Политическое цунами: Аналитика событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке / Под ред. С.Кургиняна. М.: ЭТЦ, 2011. 288 с.
6. Chulov M. Isis: the inside story // The Guardian. 11.12.2014. URL: <http://www.theguardian.com/world/2014/dec/11/-sp-isis-the-inside-story> (дата обращения: 06.12.2015).
7. Telegram, George Kennan to George Marshall [“Long Telegram”], February 22, 1946 // Foreign Relations of the United States. 1946. Vol.6. P.696–709.
8. X. (George F. Kennan). The Sources of Soviet Conduct // Foreign Affairs. 1947. July. P.566–582.

...всего более должна быть Россия свободна от ненависти к Германии, от порабощающих чувств злобы и мести, от того отрицания ценного в духовной культуре врага, которое есть лишь другая форма рабства. Хочется верить, что всего этого не будет, но нехорошо закрывать себе глаза на эти возможности.

Н.А. Бердяев

**Россия не может определять себя,
как Восток, и противопоставлять себя
Западу. Россия должна сознавать
себя и Западом, Востоко-Западом,
соединителем двух миров,
а не разделителем.**

Н.А. Бердяев

Игорь Максимычев

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У ГЕРМАНО- РОССИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА?

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

УДК
327.56

Состояние германо-российских отношений играет определяющую роль для формирования международной атмосферы на европейском континенте. Так было в первые послевоенные годы, так обстоит дело и сейчас. В условиях, когда не реализован проект Большой Европы, включающей Российскую Федерацию в общеконтинентальное сотрудничество, от характера взаимоотношений Москвы и Берлина, являющегося фактической столицей Евросоюза, напрямую зависит благополучие всех стран континента. Растущая террористическая угроза лишь подчеркивает эту связь. После атаки террористов на Париж Франция образовала вместе с Россией основу широкой международной антитеррористической коалиции. Основной вопрос состоит в том, когда ФРГ присоединится к такой коалиции. Соответствующие решения как будто приняты, но трудность, прежде всего, в том, что до сих пор Берлин ориентировался исключительно на Вашингтон, который отнюдь не спешит с участием в разгроме ИГИЛ.

Condition of Russian-German cooperation plays defining role in formation of international atmosphere in Europe. That was true for the first post-war years and remains to be true nowadays. In conditions when project of the Big Europe that involves the Russian Federation in transcontinental cooperation is not yet realized well-being of all European countries directly depends on character of relations between Moscow and Berlin that, in fact, is the capital of the European Union. Growing threat of terrorism only accentuates this connection. Upon terrorist attack in Paris France in cooperation with Russia has formed the basis of a wide international antiterrorist coalition. The principal question is: when the Federal Republic of Germany will join the coalition. Respective decisions seem to be made but the first and greatest difficulty consists of the fact that so far Berlin was geared exclusively to Washington and the USA does not hurry with taking part in ISIS routing.

Ключевые слова: Россия; ФРГ; США; международный терроризм, ИГИЛ; антитеррористическая коалиция; Большая Европа; объединение Германии.

Key words: Russia; FRG; the USA; international terrorism; ISIS; antiterrorist coalition; Big Europe; unification of Germany.

E-mail: igormaxim@mtu-net.ru

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У ГЕРМАНО-РОССИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА?

Год от Рождества Христова 2015 выдался щедрым на юбилеи и символические даты. В качестве отправной точки для всестороннего осмысления итогов долгого пути, пройденного человечеством после катастрофы Второй мировой войны, было бы достаточно 70-летия великой Победы, потребовавшего исторического анализа возникших после 1945 года реальностей и умения оценивать перспективы дальнейшего развития. В ряду знаменательных годовщин было также 70-летие создания Организации Объединенных Наций, перед которой все это время стояла и продолжает стоять сегодня фундаментальная задача укрепления глобальной безопасности и поддержания мира во всем мире. Но и это не все – исполнилось четверть века со дня восстановления в центре Европы единого германского государства, на долю которого по логике событий, практически «автоматом», выпала особая роль в определении судеб европейского континента. Ни ГДР, ни «старая» ФРГ не могли претендовать на сопоставимую функцию ни по своим размерам, ни по политическому значению. Мешало их вхождение в противоположные военно-политические блоки, что вело к взаимной нейтрализации. После возникновения единой Германии немецкие игры с ничейным результатом закончились.

Впрочем, полной свободы рук немцы не получили и после этого. Германия осталась «полуоккупированной» страной: она продолжает служить оперативной базой вооруженных сил США, нацеленных на Европу, Северную Африку и Ближний Восток. На германской территории находятся 228 военных объектов США (в том числе таких мощных, как гигантская авиабаза в Рамштайне), избавиться от которых немцы не смогут, даже если очень захотят. Хорошо это или плохо с общечеловеческой точки зрения – вопрос в принципе открытый: обе мировые войны Германия затеяла, будучи как раз великой европейской державой, обладавшей неограниченной «свободой рук». Но с точки зрения формирования германской внешней политики, а стало быть, в огромной степени и позиций Евросоюза, не подлежит сомнению, что в сложившейся ситуации конечный внешнеполитический «продукт» не может носить чисто европейского характера. Итоговая линия по необходимости будет однобоко «америкоцентричной»: ФРГ должна следовать за США, в какие авантюры те ни пускались бы. Любое отклонение от проамериканской линии вызывало до сих пор не только интенсивное ответное давление Вашингтона, но и непреодолимое сопротивление изнутри самой Германии. Немцы настолько привыкли выполнять американские команды, что перспектива плавания без американского лоцмана вызывает у германских шкиперов и матросов неудержимую панику.

Террористическая атака, обрушившаяся 13 октября на Париж, возможность ее повторения, чрезвычайное положение во Франции и других евро-

пейских центрах вызвали серьезные сдвиги в мироощущении интегрированной части Европы и прежде всего во французской политике. Снизилась готовность следовать американской «стратегии» симулирования противодействия ИГИЛ. В поисках реальных союзников Франция сблизилась с Россией, на самом деле ведущей войну возмездия против исламских террористов. Сомнения в эффективности поведения США проявились также в Германии. Но, несмотря на демонстративно тесные отношения между ФРГ и Францией (у истоков их союза стояли Шарль де Голль и Конрад Аденауэр, однако политиков такого формата было бы напрасно искать среди нынешних деятелей), Берлин не спешит следовать примеру Парижа.

Между тем идея сотрудничества с Россией в антитеррористической борьбе приобрела массу сторонников среди простых граждан ФРГ – стоит только ознакомиться с размещенными в интернете откликами читателей на соответствующие материалы СМИ. Так, в опубликованных 21 октября 2015 г. электронной версией «Зюддойче цайтунг» подборках мнений участников открытой дискуссии на тему «Какие шансы предоставляет новый альянс России с Западом?» практически нет голосов, ставящих под вопрос эффективность взаимодействия с Российской Федерацией (зато много критики в адрес США и лично Барака Обамы). Обращает на себя внимание реплика читателя, гласящая: «Если ты подружишься с американцем, то это пойдет на пользу твоему кошельку; если ты подружишься с русским, то это пойдет на пользу твоим сердцу и душе». К этой реплике другой читатель саркастически добавил: «А если ты подружишься с европейцем, то это забьет тебе голову проблемами» [3].

Провал миссии Олланда в США не требует подробных объяснений. Американцы просто не способны учитывать чьи-либо тревоги и заботы, кроме своих собственных. Для Вашингтона в мире существует только он сам. А вот трудности, с которыми столкнулись французские усилия мобилизовать интегрированную Европу на борьбу с международным терроризмом, являющимся общим врагом и первопричиной нашествия беженцев, менее понятны.

Одна из главных причин разнобоя в подходах лидеров Евросоюза к проблеме заключается в конечном счете в том, что воссоздание единой Германии не привело к преодолению раскола европейского континента. «Большая Европа» с полноправным участием Советского Союза являлась одной из важнейших предпосылок согласия Москвы на ликвидацию ГДР и была неоднократно и торжественно обещана Советскому Союзу. В принципе общеевропейская конструкция была бы благодеянием для всего континента, обеспечив европейцам коллективный шанс занять на глобальной «шахматной доске» место, соответствующее их историческому опыту и весу. Она полностью отвечала бы и германским интересам: в этом случае

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У ГЕРМАНО-РОССИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА?

Германия гарантированно получала бы подлинную самостоятельность и могла бы без задних мыслей наслаждаться общим признанием своей роли одного из лидеров всего континента. Продавленное США включение воскрешаемой Германии в НАТО убило концепцию «Большой Европы», зацементировало раскол континента, породило миф об одержанной Западом «победе» в холодной войне и стимулировало американскую претензию на единоначалие в мире, преждевременно названном «постконфронтационным».

Разумеется, и без создания «Большой Европы» присоединение ГДР прибавило ФРГ влияния на континенте и в мире. Даже в отсутствие общеконтинентального сплочения Германия, как экономически самая сильная и политически самая устойчивая страна интегрированной части Европы, стала не только ее мотором, но и верховодом. Безусловная преданность заокеанскому боссу обеспечила ей ту выгоду, что изобретенная в послевоенный период западными соседями ФРГ система сдержек и противовесов немецкому влиянию пришла в упадок. До самого последнего времени Франция довольствовалась ролью послушного аккомпаниатора германского солиста (изменится ли ситуация сейчас и насколько, покажет будущее). Намечающийся выход Великобритании из Евросоюза может лишь закрепить положение, при котором не Брюссель, а Берлин является подлинной столицей Евросоюза.

При этом необходимо видеть, что немецкое главенство в ЕС усиливает не столько европейские, сколько американские позиции в мире. Перспектива «европеизации» внешней политики Германии относится пока, судя по всему, к области фантастики. Между тем прирост влияния Германии на состояние дел на континенте означает одновременное расширение ее ответственности за будущее Европы. В историческом аспекте такая ситуация не представляет ничего нового. В 1914 и 1939 годах немцы уже брались за то, чтобы определять судьбы континента и его жителей – оба раза с катастрофическими результатами. Сегодня от них требуются действия иного свойства: необходимо предотвратить грозящие катастрофы.

В первую очередь именно на германские плечи ложится обязанность найти путь к преодолению последствий инициированных США, Великобританией (и Францией) гражданских войн на Ближнем Востоке и в Северной Африке, которые привели к бедствиям, связанным с нашествием беженцев из этого региона на Евросоюз. ФРГ не уйти от ответственности за нормализацию обстановки вокруг Украины, к развязыванию внутривосточного конфликта в которой Берлин так опрометчиво приложил руку. Хочется немцам или нет, но им придется разбираться с глобальной угрозой порожденного политикой Запада исламского терроризма, с которым возглавляемые США «коалиции» никак не могут совладать и который

уже пришел в Европу. Венчается весь этот конгломерат катастроф перспективой полного обрушения российско-германского сотрудничества, жизненно важного для обеих стран и для всей Европы.

Германские элиты либо вообще не способны осознать это, либо отказываются размышлять в подобных категориях. Однако рано или поздно им придется осознать реальный масштаб грозящей катастрофы. Международный разбой в странах Северной Африки и Ближнего Востока, учиненный Западом во главе с США и Великобританией под лозунгами повсеместного насаждения демократии, долгое время оставался для немцев экзотикой, не имеющей к ним прямого отношения, хотя бундесвер и участвовал в военных действиях в тех краях (в частности, в Афганистане). Но в один прекрасный день обстановка в разгромленных государствах региона сделала их полностью непригодными для обитания, чаша терпения людей переполнилась, и они двинулись туда, откуда к ним пришла беда, – в Европу, более доступную, чем лежащие за океаном США. Двинулись не за подачками, не для того, чтобы побольше заработать, а за компенсацией за свою разрушенную жизнь. Как показали теракты в Париже, под прикрытием потока беженцев в Евросоюз проникают и террористы из ИГИЛ.

Таких иммигрантов интегрированная Европа еще не знала. Их не удастся просто вышвырнуть за ворота в случае, когда выяснится, что они «не подходят» по тем или иным критериям, установленным брюссельскими бюрократами. Уже сейчас на границах Евросоюза вспыхивают конфликты между беженцами и гражданами стран, в которые они стремятся, а также между самими беженцами. Начинается стрельба и поножовщина. Вызывают сочувствие обе стороны: и лишившиеся внезапно родины люди иной цивилизации, иных климатических зон, жизненных правил, и рядовые европейцы, которым грозит в чужом пиру похмелье. А что будет в том неминуемом случае, когда власти стран Евросоюза начнут массово высылать людей обратно в их разрушенные до основания города и деревни, находящиеся под властью потерявших человеческий облик террористов?

Есть только один путь к исправлению ситуации – уничтожить терроризм и созданные им квазигосударственные структуры, восстановить на местах национальную государственность, расчистить путь к возвращению людей в освобожденные районы и помочь им возродить элементарные основы жизнеобеспечения. Этим как раз занята сейчас в Сирии Россия, что так претит проамериканским коалициям. Поливать в этих условиях грязью и клеветническими измышлениями Российскую Федерацию и ее руководителей, чем сегодня изо всех сил развлекаются политики и СМИ Германии, значит демонстрировать непоколебимую преданность интересам США, вступающую в прямое противоречие с

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У ГЕРМАНО-РОССИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА?

германскими национальными интересами. Интересно, как долго может длиться подобное раздвоение?

Припадки политической шизофрении плюс скоропостижная потеря памяти налицо и в отношении Германии к украинскому кризису. Германские политики и СМИ дружно делают вид, что никогда и не было засвидетельствованного подписями министров иностранных дел Германии, Польши и представителя МИД Франции соглашения между легальным президентом Украины и майданной оппозицией, сводившегося к практически продиктованной Западом капитуляции властей страны перед напором улицы, взявшей говорить от имени «всего народа». Установленный этим соглашением порядок передачи власти был немедленно, в тот же день, под смехотворным предлогом нарушен вооруженными толпами, принявшимися за охоту на президента, которого они собирались убить, исходя из принципа: «Нет человека, нет проблемы». Вместо того чтобы осудить государственный переворот, превративший в мусор данные Януковичу гарантии безопасности в обмен на отказ от подавления силой антиконституционного бунта, Берлин и Париж вслед за организовавшим все это Вашингтоном приветствовали насильственный захват власти пронацистски настроенными элементами крайне правого толка, чья программа была пронизана ненавистью к России.

И здесь корни нынешних бед уходят в события четвертьвековой давности.

В памяти всех, кто в сознательном возрасте был свидетелем германского объединения, должно было отложиться упорство, с которым даже обычно сразу уступавший Западу М.С.Горбачев настаивал на невключении «большой ФРГ» в НАТО. Совместными усилиями США и части «перестройщиков» удалось сломить сопротивление Москвы, но проблема осталась: западная военная организация, смыслом существования которой было ведение войны (пусть «холодной», но все же войны) против Востока устояла, укрепилась и расширилась за счет присоединения ГДР. Казенный восторг по поводу вступления в «постконфронтационный период» не выдержал сопоставления с реальностями. Как и следовало ожидать, НАТО не удовлетворилась достигнутым и после завершения вывода Западной группы войск из Германии в 1994 году приступила к продолжению расширения альянса на Восток.

Сколько раз Россия пыталась убедить своих западных партнеров в опасности запускаемых ими процессов милитаризации континента, сколько раз протестовала, предупреждала – все было напрасным. От нас отмахивались, как от надоедливой мухи. Тонем строгого учителя, вразумляющего тугодумных учеников, нам твердили: «Все хотят в НАТО, потому что там хорошо; НАТО лишь выполняет пожелания восточноевропейцев,

и это – демократично». Как будто альянс принял обязательство зачислять в свои ряды всех, кому вздумается, лишь бы натовские базы придвигались поближе к новой, оголенной российской границе. О правах России и ее озабоченности угрозами своей безопасности на европейском направлении никто не должен был даже заикаться – все, что предпринимал Запад, было «святым» и «неприкасаемым». России не разрешалось «свое суждение иметь» о процессах, происходивших на ее границах. Крепло впечатление, что волею Запада, прежде всего США, Россия была навечно включена в категорию «лузеров», «проигравших», тех, кто обязан до скончания веков беспрекословно повиноваться «победителям». К числу последних причислил себя и кое-кто из германских политиков, считающих, что май 1945 года был перечеркнут октябрем 1990.

Бесцеремонность, с которой Запад под пропагандистским прикрытием требований о дальнейшей «демократизации» России наращивал военный потенциал на подступах к ее жизненным центрам, не могла не привести к кризису. Тщетность наших предостережений подкрепляла вывод о бесперспективности надежд на решение проблемы «по-хорошему». Наш голос превращался в вокальные упражнения вопиющего в пустыне. Но, какие бы трудности ни переживала Россия, не в ее традициях надолго допускать, чтобы с ней говорили свысока. В услужение кому бы то ни было она не шла и не пойдет. Это можно расценивать как положительный или как отрицательный фактор, но это данность, с которой придется считаться всем. И если давление извне превышает определенный градус, российская реакция становится жесткой. На самый крайний случай у нас есть опыт чрезвычайной мобилизации всех сил, благодаря которой мы выстояли в Великой Отечественной войне. Вряд ли такое развитие доставит кому-нибудь удовольствие, но капитуляции России ждать не следует.

Партнерские, то есть равноправные и равновыгодные, отношения между Германией и Россией после 1990 года заставили себя долго ждать, хотя ФРГ никогда не скупилась на посулы. Когда Гельмут Коль уговаривал М.С.Горбачева не препятствовать ФРГ в деле поглощения ГДР, он обещал, что в этом случае маленького немецкого товарища Советскому Союзу заменит большой германский друг. Однако с «большой дружбой» дело как-то не заладилось, если не считать широковещательных деклараций и коммюнике. Политическая карьера М.С.Горбачева закончилась через год после исчезновения ГДР. С Б.Н.Ельциным у Коля действительно были тесные алкоголь-банальные отношения, однако они мало что конкретно значили для связей между странами. Несмотря на все наши протесты люфтваффе браво участвовала в натовских бомбардировках Югославии. При том, что это противоречило и договору «два плюс четыре», заменившему мирный договор с Германией (его ФРГ очень не хотела, опасаясь

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У ГЕРМАНО-РОССИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА?

слишком суровых ограничений для себя), и договору о добрососедстве с Россией – в тексте обоих договоров значатся уверения Германии, что с ее земли будет «исходить только мир» [1, с.13, 77].

Лишь в начале XXI века обозначились сдвиги в направлении доверительного общения между Германией и Россией. Возникла общеевропейская констелляция, обещавшая нашему континенту не на словах, а на деле завершение «холодной войны» и движение к Большой Европе. Это была франко-германо-российская тройка, неформальная консультативная площадка для поддержания порядка и стабильности на континенте. Хотя отставка Герхарда Шредера с поста федерального канцлера привела к временному параличу тройки, эта концепция до сих пор сохранила свою эффективность: пути к преодолению украинского кризиса ищет именно тройка под псевдонимом «нормандский формат».

Внешняя политика СССР, а затем и Российской Федерации всегда придавала первостепенное значение отношениям с Германией. Сформулированный в первые послевоенные годы тезис о том, что судьбы Европы зависят прежде всего от того, как будут относиться друг к другу русские и немцы, лежал в основе европейской политики СССР до самого конца. Ей удалось почти невозможное: в кратчайшие исторические сроки, вопреки кошмарному опыту нацистской оккупации, в русском сознании был возрожден позитивный образ немца. Огромную роль при этом сыграло существование ГДР, которая воспринималась как дружественная нам Германия. Как раз в сфере отношений с ГДР впервые после войны русский смог назвать немца другом, товарищем и братом.

Впоследствии подобное переосмысление коснулось и ФРГ, естественно, после того, как она перешла к «новой восточной политике», провозглашившей своей целью сотрудничество с СССР. Этот моральный аванс позволил М.С.Горбачеву дать согласие на такое германское урегулирование, которое многими в России тогда и сейчас расценивается как предательство ГДР и прелюдия к развалу Советского Союза. Позитивная основа отношений русских и немцев пережила конец СССР и кризисы последующих лет.

На этом фоне как беспримерная катастрофа выделяются разрушительные для российско-германских отношений результаты десятилетней деятельности преемников Герхарда Шредера. Достойн занесения в книгу рекордов Гинесса факт, что за считанные месяцы сведен к нулю накопленный многолетними усилиями обеих сторон капитал взаимных симпатий, пущен в распыл резерв взаимного доверия русских и немцев. Кажется, осталось совсем немного до того момента, когда им, как три четверти века назад, придется смотреть друг на друга через прорезь прицела.

В настоящий момент немцы достигли своей исторической цели – они ведут за собой интегрированную Европу. Но отдают ли они себе отчет в

том, куда они ее ведут? Мы сплошь и рядом имеем дело с «большой ФРГ» атлантической закваски, а не с европейской Германией, извлекающей уроки из двойного краха рейха. Мир на европейском континенте сегодня и завтра по-прежнему зависит в огромной степени от взаимопонимания русских и немцев. Можно ли и нужно ли рисковать благополучием Европы во имя тевтонской преданности заокеанским творцам глобального «управляемого хаоса»? Вот над чем следует задуматься людям, в чьих руках сегодня будущее Германии. Если признаки возможности участия бундесвера в совместных действиях России и Франции рука об руку с регулярной сирийской армией против террористов ИГИЛ и их приспешников найдут реальное воплощение, то надо признать, что эволюция германской внешней политики идет в правильном направлении. Хотелось бы только, чтобы стали поскорее видны реальные результаты позитивных мыслительных процессов в немецких верхах.

* * *

И, наконец, еще одна грустная дата: 19 августа 2015 года умер Эгон Бар, один из немногих политических аналитиков послевоенного периода, кто умел заглядывать за горизонт и разрабатывать государственную линию поведения в соответствии с перспективами завтрашнего дня. Пресса ФРГ писала: «Его поносили и проклинали, его чествовали и прославляли: имя Эгона Бара постоянно оспаривали со всех сторон. Как ближайший сотрудник Вилли Брандта, он формировал германскую восточную политику – часто скрытно. Он был германским патриотом, хотя его политические противники постоянно утверждали противоположное на всем протяжении его жизни» [2]. Имя Эгона Бара было известно и в России – и тоже с неоднозначной оценкой, хотя он никогда не скрывал, что является последовательным сторонником тесного сотрудничества между немцами и русскими. Я нередко был свидетелем того, как он в ходе публичных дискуссий защищал Россию от несправедливых нападок русофобов всех национальностей и оттенков.

В последние годы он редко выступал в роли «медийной персоны», привлекающей внимание телевидения и газетчиков, но никогда не прекращал напряженной работы над анализом ситуации в Европе и в мире. Я знаю, о чем говорю, потому что именно в это время имел честь интенсивно общаться, обмениваться мнениями, дружить с ним. Автор стратегии «изменения через сближение», Эгон Бар заложил основу для развития нормальных, коллегиальных, дружественных отношений между нашими странами. Связанная с его именем «новая восточная политика» ФРГ создала предпосылки для триумфального успеха германского единства в 1990

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У ГЕРМАНО-РОССИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА?

году. Однако он был далек от того, чтобы поддаться «победному» головокружению. Он продолжал считать трагическим упущением тот факт, что преодоление германского раскола не удалось синхронизировать с устранением раскола Европы, на чем тогда последовательно настаивала партия Эгона Бара, СДПГ. Он по-прежнему исходил из фундаментального значения российско-германских отношений для мира и стабильности в Европе. Для него «единая Европа» без теснейшей связки с Россией была политическим и экономическим нонсенсом.

Он тяжело переживал нынешний кризис в отношениях между Европейским Союзом и Россией, между Берлином и Москвой и считал их скорейшую нормализацию единственным способом обеспечить благополучное будущее континента. Всем нам – и русским, и немцам – будет очень не хватать Эгона Бара, который всегда был «впередсмотрящим» для наших обеих стран. Утешает лишь то, что в политическом классе Германии не перевелись еще люди, мыслящие, как он, и готовые действовать в соответствии со своими убеждениями.

Политическое наследие Эгона Бара не дает угаснуть надежде на то, что, в конце концов, возобладает здравый человеческий рассудок и мы сообща нащупаем путь к превращению Европы в континент мира. Состоявшееся в конце октября возобновление работы Петербургского диалога, прерванной в прошлом году по воле Берлина, возглавившего антироссийский парад санкций Евросоюза, подает что-то вроде позитивного сигнала в этом смысле. Но главное не в том, чтобы обмениваться декларациями, а в том, чтобы слышать друг друга и достигать согласия, на основе которого можно было бы строить совместную политику. После терактов в Париже это у России как будто стало получаться с Францией. Возьмут ли немцы на этот раз пример с французов?

Библиографический список

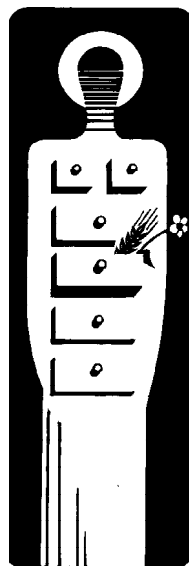
1. Германо-советские договоры. Бонн: Ведомство печати и информации, [1990].
2. Günsche K.-L. Zum Tode Egon Bahrs: Wegbereiter der Einheit // Spiegel Online. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/egon-bahr-ist-tot-willy-brandts-engster-vertrauter-a-1048965.html> (дата обращения: 01.11.2015).
3. Welche Chancen stecken in der neuen Allianz Russlands mit dem Westen? // Süddeutsche Zeitung. URL: <http://www.sueddeutsche.de/politik/ihr-forum-welche-chancen-stecken-in-der-neuen-allianz-russlands-mit-dem-westen-1.2744493> (дата обращения: 06.12.2015).

**Образование — то, что остается после
того, когда забывается все, чему учили.**

Альберт Эйнштейн

**Человек не может по-настоящему
усовершенствоваться, если не помогает
усовершенствоваться другим.**

Чарльз Диккенс

Михаил Киселев

«ОТВОРИТЬ ВХОД К БЛАГОПОЛУЧИЮ ДАРОВАННЫМ ПРИРОДНЫМ»?

СОСЛОВНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ПРОЕКТОВ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕФОРМ
И.И.ШУВАЛОВА И М.В.ЛОМОНОСОВА
НА РУБЕЖЕ 50-Х – 60-Х ГОДОВ XVIII В.¹

РЕСУРСЫ НАЦИИ

УДК
94(470)"16/18"

В статье рассматривается решение проблемы встраивания образовательных учреждений в сословное общество империи, предложенное в проектах образовательных реформ на рубеже 50-х – 60-х гг. XVIII в. И.И.Шуваловым и М.В.Ломоносовым, придерживавшихся противоположных взглядов. Для Ломоносова образовательные учреждения должны были стремиться обучать наукам одаренных детей, вне зависимости от их сословной принадлежности. По мнению Шувалова, система школ и гимназий должна была быть предназначена только для дворянских детей. Это связывалось с тем, что именно им по рождению предназначалось управлять государством.

The article deals with the solution of the problem of integration of educational institutions in a estate society of Russian empire, proposed in the projects of I.I.Shuvalov and M.V.Lomonosov at the turn of 50–60-ies of XVIII c. Shuvalov and Lomonosov in 1760–1761 were in a situation of confrontation. For Lomonosov educational institutions should strive to teach gifted children, regardless of their social status. According to Shuvalov, the planned system of schools and gymnasiums was intended only for the children of the nobility, because they were supposed to govern due to their noble birth.

Ключевые слова: И.И.Шувалов; М.В.Ломоносов; история образования; история Российской империи.

Key words: I.I.Shuvalov; M.V.Lomonosov; history of education; history of Russian empire.

E-mail: strateg-mk@rambler.ru

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 14–18–01873 «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.».

История непростых взаимоотношений И.И.Шувалова (1727–1797), фаворита императрицы Елизаветы Петровны, и М.В.Ломоносова (1711–1765), одного из самых выдающихся российских ученых и писателей, неоднократно становилась объектом изучения. Как правило, основное внимание уделялось сотрудничеству Шувалова и Ломоносова при создании Московского университета [См.: 59, с.7–8; 9, с.26–30; 42; 10; 47], а также в сфере литературной деятельности [См.: 12; 41]. Через призму взаимоотношений этих людей историки также рассматривали попытку масштабной образовательной реформы, связанной с проектом, поданным Шуваловым в Сенат 3 ноября 1760 г.

П.С.Биллярский еще в 1865 г. отметил, что одно из положений проекта И.И.Шувалова было им обдуманно, «может быть, при участии Ломоносова» [13, с.285]. Однако в рамках советской традиции, для которой был характерен своеобразный культ М.В.Ломоносова, за последним стало признаваться гораздо большее влияние на шуваловский проект 1760 г. Так, в академическом издании трудов Ломоносова отмечалось: «весьма вероятно, если не прямым автором, то инициатором этого проекта был Ломоносов» [14, с.903]. Е.К.Азаренко без каких-либо оговорок написал, что «Ломоносов... в 1760 г. вместе с Шуваловым внес предложение в Сенат об учреждении в крупных городах университетов и повсеместно гимназий» [2, с.54]. Схожим образом С.Л.Пештич писал про «проект М.В.Ломоносова и И.И.Шувалова от 17 ноября об организации гимназий и школ в России» [43, с.58]. В то же время М.И.Радовский высказался осторожнее: «Руководство Ломоносова учебным делом Академии способствовало тому, что Сенат занялся вопросами об учреждении гимназий и начальных училищ по всей стране. Вопрос этот был поднят И.И.Шуваловым несомненно под влиянием частого общения с Ломоносовым, которого по многим основаниям следует считать если не автором, то инициатором... проекта» [48, с.136]. У Т.А.Лукиной были основания предполагать, что автором названного проекта «был М.В.Ломоносов» [34, с.128]. В 1985 г. Е.В.Анисимов не исключал, что «инициатива создания гимназической системы принадлежала Ломоносову, а реализация планов была начата Шуваловым» [4, с.102]. Однако через два года историк писал о данной реформе как о попытке реализовать «замысел Шувалова–Ломоносова» [5, с.78]. Ю.Д.Марголис и Г.А.Тишкин указывали: «нет никаких сомнений, что если не прямым автором, то инициатором этого проекта был Ломоносов» [35, с.113]. По мнению Г.И.Смагиной, «весьма вероятно, что если не автором, то инициатором этого проекта был Ломоносов» [52, с.41]. См. также: 53, с.39;

М.В.Ломоносов.
Портрет, гравированный
Х.-А. Вортманом (1757 г.)

55, с.153]². Т.С.Буторина, подводя своеобразный итог, констатировала: «именно Ломоносова считают автором "Проекта об учреждении гимназий и школ в 'больших' и 'малых' городах" (1760)» [16, с.6].

Однако, несмотря на такое единодушное исследование, следует отметить, что к настоящему времени так и не найдены документы, которые бы свидетельствовали о каком-либо участии М.В.Ломоносова в подготовке и реализации шуваловского проекта 1760 г. Представляется, что данный вопрос нуждается в дополнительном изучении. При этом следует указать на следующее обстоятельство. Как отметил С.В.Рождественский в 1912 г.,

предлагаемая в этом проекте «новая система образования должна была служить, главным образом, интересам дворянства» [50, с.197]³. Соответственно, если одним из авторов проекта был Ломоносов, то возникает дополнительный вопрос о социальной основе идейных предпочтений и деятельности великого русского ученого. В данном случае уместно вспомнить рассуждения Г.А.Гуковского о деятелях науки и литературы недворянского происхождения (В.К.Тредиаковский, А.И.Дубровский, К.А.Кондратович, М.В.Ломоносов), находившихся на государственной службе в России XVIII в.: «Их профессия заключалась в изготовлении од и торжественных речей, в пропаганде правительственных взглядов, а не в отвлеченном культивировании истины и морали, не в стремлении возглавить общество на правах его мозга и воли... Они пошли на службу чуждому им делу, чуждому классу, видя в этом классе гегемона в политике и в культуре и не зная других возможностей строить культуру» [19, с.12]. Если Ломоносову было безразлично, над чем он должен был работать, будь то ода императрице или подготовка образовательной системы только для дворянства, то он вполне подошел бы под описание Гуковского. Однако не сле-

² В статье 2008 г. историк написала, что «в 1760 г. с "Проектом об учреждении гимназий и школ в России" выступили И.И.Шувалов и М.В.Ломоносов» [54, с.210].

³ На дворянскую сущность этого проекта указывали и другие авторы [24, с.36]. См. также: [25, с.55–56; 37, с.656–657].

«ОТВОРИТЬ ВХОД К БЛАГОПОЛУЧИЮ ДАРОВАНИЯМ ПРИРОДНЫМ?»

дует исключать и иного варианта. Несмотря на зависимое положение, выходцы из недворян могли обладать собственными общественными взглядами, не совпадавшими с представлениями выходцев из дворянства. Более того, в своей деятельности, насколько им позволяли обстоятельства, они пытались воплотить в жизнь свои – отличные от дворянских – представления об общественном устройстве. Чтобы понять, был ли великий русский ученый простым исполнителем воли вельможи, или же отстаивал свои собственные взгляды по вопросам развития образования, необходимо проанализировать соответствующие проекты Шувалова и Ломоносова рубежа 1750-х – 1760-х гг., обратив особое внимание на проблему сословного статуса учащихся.

Как известно, первый полноценный опыт сотрудничества на ниве просвещения И.И.Шувалова и М.В.Ломоносова был связан с организацией университета в Москве. Еще до подачи доклада в Сенат о необходимости учреждения университета, Шувалов летом 1754 г. сообщил о своем намерении Ломоносову «словесно», а затем, спустя некоторое время, ознакомил его с проектом («черновым доношением») доклада Сенату. Ломоносов с энтузиазмом отреагировал на проект Шувалова и подготовил для последнего «мнение о учреждении Московского университета кратко вообще». Помимо прочего, он писал, что «при Университете необходимо должна быть Гимназия, без которой Университет, как пашня без семян» [33, т.Х, с.508, 513, 514]. Как отметила еще в 1953 г. Н.А.Пенчко, по мнению Ломоносова должна была быть одна гимназия, где надлежало учиться вместе представителям разных сословных групп. Шувалов принял идею о создании гимназии при университете, однако посчитал необходимым, чтобы дворяне учились отдельно от представителей более низких по статусу сословных групп⁴. Ломоносов, активно помогавший Шувалову в подготовке соответствующих нормативных документов для Московского университета и гимназий (штатов и регламентов), хотя и не разделял такую позицию, был вынужден ее учесть, не вступая в конфликт со своим влиятельным покровителем. В итоге в 1755 г. при Московском университете было создано две гимназии – одна для дворян, а другая – для «разночинцев»⁵. Таким образом, элемен-

⁴ [42, с.28–29]. См. также: [10, с.121–122; 28, с.60–61].

⁵ [46, т.14, №10346. С.286]. – Под «разночинцами» понимались недворяне, которые имели право поступить в гимназию, т.е. представители всех сословных групп, кроме крепостных крестьян. При этом крепостной крестьянин, получив вольную, также мог учиться в гимназии для «разночинцев» [Ср.: 18, с.110].

ты конфликта из-за разных взглядов между Шуваловым и Ломоносовым наметились еще в 1754–1755 г. Заметим, что при столкновении с менее влиятельной персоной Ломоносов мог действовать более решительно. Так, например, в июле 1756 г. инспектор Академической гимназии К.Ф.Модерах утверждал: «важнейшим недостатком Гимназии является то, что благородное юношество с детьми самых подлых людей в одних классах сидят и обучаются. Пока сей камень притыкания не будет отдален, Гимназия не сможет придти в цветущее состояние». Ломоносов самым решительным образом протестовал против такого утверждения. Впоследствии, став руководителем Академических университета и гимназии, Ломоносов уволил Модераха (1761), назначив на его место С.К.Котельникова, который по происхождению был солдатским сыном [29, с.85, 117; 27, с.108–112].

С 1755 г. И.И.Шувалов сосредоточился на организации деятельности Московского университета. Помимо прочего, были приняты правовые акты, встраивавшие учебу «недорослей из шляхетства» в Московском университете в систему дворянской службы [46, т.15, №10812, с.181. См. также: 51, с.44–48]. В 1758 г. – в дополнение к гимназиям при Московском университете – были учреждены дворянская и разночинская гимназии в Казани. Их торжественное открытие состоялось 21 января 1759 г. Занятия в дворянской начались с 25 января, а в разночинской – с 10 мая. Как и московские, они были подчинены университетскому куратору Шувалову [46, т.15, №10860, с.242; 7, с.60–61].

Однако параллельно с «шуваловской деятельностью» М.В.Ломоносов получил возможность самостоятельно реализовывать свои образовательные идеи в рамках Академии наук в Петербурге. Это стало возможным благодаря тому, что 13 февраля 1757 г. он был назначен членом присутствия ее Канцелярии, т.е. стал одним из руководителей Академии. 24 марта 1758 г. президентом Академии наук графом К.Г.Разумовским ему было поручено «иметь особое прилежное старание и смотрение, дабы в Академическом, Историческом и Географическом собраниях, таже в Университете и в Гимназии все происходило порядочно» [31, с.263. 289]. «Университет и Гимназия» – это образовательные учреждения Петербургской академии наук, формально учрежденные еще в 1725 г. вместе с самой академией. Другим распоряжением Разумовский предписал Ломоносову создать регламенты для данных университета и гимназии [33, т.IX, с.553]. В результате Михаил Василь-

«ОТВОРИТЬ ВХОД К БЛАГОПОЛУЧИЮ ДАРОВАНИЯМ ПРИРОДНЫМ?»

евич фактически мог претендовать на роль заместителя Разумовского⁶, который нередко отсутствовал в Петербурге.

В течение весны 1758 г. М.В.Ломоносов подготовил регламент для Академической гимназии. Хотя и с рядом условий, но предусматривалась возможность поступления в учебное заведение любого мужчины, вне зависимости от его сословного происхождения, включая и крепостных крестьян. При этом все дети должны были обучаться вместе. Принимая во внимание возможные сложности, которые могут возникнуть при обучении в одних классах дворян и бывших крепостных, Ломоносов счел необходимым поместить в проект следующее: «Крепостные крестьяне не должны приниматься, если только их господа... не отпустят их на волю. Против этого не должны быть предубеждены обучающиеся в упомянутой Гимназии юные дворяне, ибо науки являются путем к дворянству, и все идущие по этому пути должны смотреть на себя как на вступающих в дворянство. А затем все принятые и не принадлежащие к дворянству должны в отношении обращения с ними, как и в смысле одежды, быть на том же положении, какое подобает принадлежащим к дворянству». Также Ломоносов подготовил регламент для Академического университета. 17 сентября 1759 г. Канцелярией Академии наук было решено «сочиненные... Ломоносовым регламенты Университету и Гимназии рассмотреть прилежно г[осподам] профессорам г[осподи]ну Миллеру, Фишеру, Брауну и Модераху» [33, т.IX, с.482–483, 540].

При обсуждении проекта некоторые сотрудники Академии наук высказали возражения [См.: 29, с.96–98]. Так, И.Э.Фишер в «примечаниях» на ломоносовский проект регламента Академической гимназии возражал против приема выходцев из крепостных. На это Михаил Васильевич счел возможным высказать следующее: «Удивления достойно, что не впал в ум г[осподи]ну Фишеру, как знающему латынь, Гораций и другие ученые и знатные люди в Риме, которые были выпущены на волю из рабства, когда он толь презренно уволенных помещичьих людей от Гимназии отвергает; не вспомнил того, что они в Риме не токмо в школах с молодыми дворянами, но и с их отцами за одним столом сидели, с государями в увеселениях имели участие и в знатных делах поверенность» [33, т.IX, с.543]. Таким

⁶ Как писал М.В.Ломоносов в 1760 г., хлопоча о должности вице-президента Академии наук, «граф Кирила Григорьевич, конечно, не может моим в вице-президенты произведени-ем... быть недоволен, затем что и так поручил мне главное правление ученых департаментов, и только недостает титула, которого его сиятельство дать мне собою не может» [33, т.X, с.544].

образом, в Академической гимназии, в противоположность гимназиям при Московском университете, Ломоносов предусматривал одинаковое обучение для представителей всех сословий, включая и бывших крепостных.

Согласно ордеру К.Г.Разумовского (19 января 1760 г.), несмотря на то, что «регламенты для Университета и Гимназии» были созданы М.В.Ломоносовым в 1758 г., «дело сие от несогласных мнений претерпевает остановку». Констатировалось, что «Ломоносов между тем, поступая с позволения **его сиятельства** (т.е. Разумовского; подчеркнуто нами. – М.К.), привел своим старанием Гимназию во много лучшее состояние перед прежним». Ордером указывалось, что президент Академии наук «поручил учреждение и весь распорядок Университета и Гимназии... по сочиненным от него регламентам, полагаясь на его знание и усердие и уповая, что он в произведении до цветущего состояния оных двух департаментов по должности сына отечества со всяким прилежанием и усердием поступать будет» [33, т.IX, с.553–554]⁷. 14 февраля 1760 г. Разумовский и Ломоносов подписали определение о переустройстве Академического университета, которым было решено «о испрошении привилегии университетской взнесь в учрежденную при дворе е.и.в. Конференцию при реляции формуляр с пунктами». Кроме того, Академические университет и гимназия получили новые штаты, предусматривавшие увеличение финансирования в полтора раза. Это обосновывалось тем, что эти учреждения «к распространению наук и к размножению ученых россиян в отечестве нужнее прочих академических департаментов» [33, т.IX, с.560, 561].

17 февраля 1760 г. из Канцелярии Академии наук, за подписью К.Г.Разумовского и М.В.Ломоносова, было направлено на имя Елизаветы Петровны представление. Согласно документу, «дабы российские дворяне и разночинцы, также и иностранные наук любители... охотою на

⁷ С.М.Соловьев полагал, что М.В.Ломоносов добился такого решения Разумовского, «конечно, под влиянием И.И.Шувалова» [56, стб.211]. Каких-либо доказательств в обоснование такой позиции историк не привел. Схожим образом рассуждает Е.В.Анисимов. По его мнению, поддержка И.И.Шувалова «вынуждала Разумовского и его креатуру в Академии – Г.Н.Теплова считаться с интересами Ломоносова. В 1757 г. Ломоносов становится членом канцелярии, затем берет на себя управление Географическим департаментом Академии, а в 1761 г. возглавляет гимназию и университет» [5, с.82]. Свидетельств о том, как проходило такое «вынуждение», Анисимов не приводит. На наш взгляд, не отрицая влияния Шувалова, не стоит недооценивать и покровительственного отношения к Ломоносову самого К.Г.Разумовского. Именно последний принимал официальные решения, направленные на поддержку основных начинаний Ломоносова.

«ОТВОРИТЬ ВХОД К БЛАГОПОЛУЧИЮ ДАРОВАНИЯМ ПРИРОДНЫМ?»

своем содержании самопроизвольно обучались... Академическая канцелярия признает за необходимое дело иметь привилегию за собственноручным в.и.в. подписанием». Для утверждения университетской привилегии, которую он сам и подготовил, Ломоносов решил задействовать неформальные связи. В письмах от 17 и 20 апреля 1760 г. ученый просил И.И.Шувалова о содействии, отмечая, что это «дело весьма вам нетрудное и только стоит вашего слова» [33, т.IX, с.565; т.X, с.540].

«Представить... престол, на котором сидит Российский язык... Подле сидящего Российского языка три нагие грации... Перед сим тронем, на другой стороне стоят в куче разные чины и народы, Российской державе подданные, в своих платьях. Наверху, над всем сим ясно сияющее солнце, которое светлыми лучами и дышащими зефирами прогоняет туман от Российского языка. В середине солнца – литера Е под императорскою короною»: фронтиспис «Российской грамматики» М.В.Ломоносова по его проекту (1755 г.)

Рассчитывая на скорое утверждение привилегии, М.В.Ломоносов стал готовить для государыни «Слово благодарственное... императрице Елисавете Петровне... на торжественной инаугурации Санктпетербургского университета говоренное 1760 года». Текст начинался следующим

восклицианием: «Новым благодеянием ободряет науки Всемилолюбивейшая Самодержица наша, слушатели! Воздвигнутый многим своим иждивением Парнасс Санктпетербургский ограждает преимущественными узаконениями, утверждает свободный восход на степени ученых достоинств, снабдевает чрез науки неблагородных благородством, увеличивает благородных». В другом наброске к этому «Слову» так планировалось описать деятельность Елизаветы Петровны в области образования: «Печется увеличить благородство в благородных, ибо что есть превосходнее, как преимущество, от дворянства возвышенное и крашенное основательным учением? Снабдить обещевает благородством неблагородных и тем отворить вход к благополучию дарованиям природным». Текст ломоносовской привилегии для Академического университета пока не найден. Однако, как явствует из сохранившегося плана, в ней, помимо прочего, должна была содержаться следующая норма: «Чтобы по здешним законам назначить пристойные ранги и по генеральной таблицы на дворянство дипломы» [33, т.VIII, с.677, 686; т.IX, с.539]. Получение неблагородными благородства по итогам обучения и в результате присвоения университетом определенной ученой степени для Ломоносова было не художественным образом, а конкретным правовым актом, связанным с приобретением диплома на дворянство [Ср.: 3, с.64].

Следует отметить, что в рассуждениях о получении «благородства» М.В.Ломоносов обыгрывал положение из проекта штата Московского университета. Согласно его 26-му пункту, «науки не терпят принуждения, и между благороднейшими упражнениями человеческими справедливо счисляются». Такое утверждение приводилось в обоснование запрета на прием в университет и гимназию людей, находившихся в крепостной зависимости. В соответствии с этим пунктом, если помещик желал отдать крепостного в университет или в гимназию, то он должен был отпустить его на волю [46, т.14, №10346, с.292]. Ломоносов же решил использовать образ *благородных* наук для того, чтобы сделать *благородными* недворян. В результате получалось, что если для дворян «учение» вело лишь к возрастанию их *природного*, т.е. связанного с происхождением, *благородства*, то неблагородным оно должно было приносить новый социальный статус. По ломоносовской логике универсальное благо, производимое науками, было доступно способным юношам вне зависимости от сословного происхождения. Должное овладение науками через образование делало человека носителем этого блага, чего и оказывалось достаточным для приобретения дворянского звания.

«ОТВОРИТЬ ВХОД К БЛАГОПОЛУЧИЮ ДАРОВАНИЯМ ПРИРОДНЫМ?»

Поданная в Конференцию привилегия была одобрена и затем контрассигнована вице-канцлером М.И.Воронцовым «к подписанию» императрицей только к началу 1761 г. В письме от 15 февраля 1761 г. М.В.Ломоносов обратился к вице-канцлеру за содействием в получении императорской подписи. Он передал ему «просительные стихи к всемплодивейшей государыне», которые днем ранее отдал И.И.Шувалову. Ломоносов выражал надежду, что «через общее ваше ходатайство» его стихи «подадут случай к желаемому успеху», т.е. к утверждению привилегии [33, т. IX, с. 555; т. X, с. 298, 555]. Стихи открывались обращением к Елизавете Петровне: «Богиня, Дщерь Божеств, науки основавших». Ученый полагал, что после подписания документа

*Возследуют и нам в учениях успехи
И славной слух, когда Твой университет
О имени Твоем под солнцем процветет,
Тобою данными красясь вечно правы
Для истинной красы Российския державы.
И юношество к нам отовсюду притекут
К наукам прилагать в Петрове граде труд [33, т. VIII, с. 691–692].*

Это обращение не принесло ожидаемых плодов. Летом 1761 г. М.В.Ломоносов несколько раз ездил в Петергоф, где с 13 июня по 19 августа пребывала императрица. Однако его просьбы не возымели эффекта, и привилегия так и не была подписана Елизаветой Петровной [31, с. 364]⁸. При этом, как несколько прямолинейно отмечает Е.В.Анисимов, «Ломоносов хорошо понимал: императрица не могла найти времени, чтобы подписать бумаги, потому что этого не хотел сам Шувалов» [5, с. 78].

Как показывают проекты 1750-х гг., согласно представлениям М.В.Ломоносова, возможность получить образование должна была определяться не сословным статусом, а наличием способностей к наукам, вне зависимости от происхождения. При этом получение соответствующего образования должно было приносить неблагородному юноше дворянство. Такой путь – получение наследственного дворянского статуса через научную карьеру – Ломоносов проделал сам и, соответственно, желал распространить и на других способных детей неблагород-

⁸ Переживания от этой административной неудачи получили выражение в melancholic-ных стихах про кузнечика, которые озаглавлены так: «Стихи, сочиненные на дороге в Петергоф, когда я в 1761 году ехал просить о подписании привилегии для Академии, быв много раз прежде за тем же» [33, т. VIII, с. 736].

ного происхождения. Неслучайно в письме к И.И.Шувалову от 17 апреля 1760 г. он заявлял, что его «единственное желание состоит в том, чтобы привести в вожденное течение Гимназию и Университет, откуда могут произойти многочисленные Ломоносовы» [33, т.Х, с.539]. Пользуясь покровительством таких сановников, как Шувалов, К.Г.Разумовский, М.И.Воронцов, ученый в 1750-е гг. стремился наладить деятельность учебных заведений, в которых недворяне могли не только учиться наравне с дворянами, а и получить посредством образования дворянство.

Однако ломоносовский проект оказался незавершенным, не получив официального утверждения со стороны императрицы. Конечно, к рубежу 50-х – 60-х гг. XVIII в. М.В.Ломоносов в рамках Академии наук смог получить административные ресурсы для реализации своего образовательного проекта. Однако в такой деятельности он стал слишком самостоятельным и начал претендовать на формирование собственной образовательной политики, чего, например, не было при создании Московского университета. Если в 1754–1755 гг. Ломоносов играл роль помощника И.И.Шувалова, то при реорганизации Академических университета и гимназии он оказывался конкурентом в сфере образовательных инициатив для других государственных деятелей. По мнению Е.В.Анисимова, ломоносовские «независимые суждения и взгляды на развитие наук в России не давали оснований надеяться на то, что Ломоносов будет послушным исполнителем воли своих меценатов в Академии» [Ср.: 5, с.78, 82]. Соответственно Шувалов, который в 1760 г. оказался заинтересованным в реализации своего собственного проекта, направленного всецело на реформу дворянского образования, мог сыграть негативную роль в судьбе образовательных проектов Ломоносова.

Следует отметить, что во второй половине 1750-х гг. М.В.Ломоносов и И.И.Шувалов не были единственными государственными деятелями, выступавшими с инициативами в сфере образования. Так, граф П.И.Шувалов выступал с инициативами в сфере военного образования, в результате чего в 1758 г. была создана Соединенная артиллерийская и инженерная школа, находившаяся в его подчинении [См.: 11]. 25 октября 1759 г. по инициативе гоф-маршала барона К.Е.Сиверса при императорском дворе был учрежден Пажеский корпус, предназначенный для воспитания и обучения пажей, набираемых из дворянских детей [См.: 36, с.23–30]. Тем не менее самая масштабная попытка была предпринята в 1760–1761 гг. именно И.И.Шуваловым, для которого на это время пришелся пик политического влияния [См.: 40, с.455; 23,

«ОТВОРИТЬ ВХОД К БЛАГОПОЛУЧИЮ ДАРОВАНИЯМ ПРИРОДНЫМ?»

с.32–34]. Как свидетельствовал австрийский посол Мерси Аржанто, «Иван Шувалов пользуется таким могуществом и влиянием, которых истинное значение трудно определить, как по отношению их силы, так и общих зависящих» от него «правительственных распоряжений» [Цит. по: 60, с.771].

И.И.Шувалов.
Портрет кисти А.П.Лосенко (1760 г.)

Опираясь на свое возросшее влияние, И.И.Шувалов выступил с новой масштабной инициативой в сфере образования. В свой день рождения, 1 ноября 1760 г. вельможа завершил доношение, которое лично подал в Сенат через два дня. В нем он заявлял: «Первое блаженство... государства состоит в достойных и способных людях, следственно, и воспитание должно почитаться за первое государственное попечение; от него зависит иметь достойных людей к правлению дел государственных и во все части, составляющая онаго благополучие. Оно устанавливает наше сердце, волю, склонность, нрав и обычай; одним словом, приготовляет нас к добру, или злу, и от него много зависит быть полезным, или вредным своему отечеству» [17, с.114]. При этом Шувалов отмечал, что «главное препятствие в достижении способных людей, по моему мнению, состоит в том, что дворянские дети в таких летах, когда должно приготовляться, чтоб быть годными к службе, в оную вступают, имея многие способы происходить по случаю, а не по достоинству». Именно для исправления такого положения была необходима реформа дворянского образования. В проекте этой реформы предлагалось «дворянским детям... до осмнадцати лет... учиться в Кадетском корпусе, в здешнем и Московском Университете и в других установленных школах, и потом, по безпристрастном экзамене, определить в службу по склонности и достоинству». Шувалов не исключал и варианта с домашним образованием, при условии сдачи соответствующего экзамена («при вступлении в службу должен был из учрежденных мест учения подать аттестат о своем знании»)⁹. По итогам обучения, «смотря по достоинству», дворян-

⁹ Домашнее образование к этому времени частично контролировалось Московским университетом и Петербургской Академией наук. По указу от 5 мая 1757 г. «иностранных

ские дети должны были получать «обер-офицерския чины». Новая система должна была распространиться на вступление не только в военную службу, но и в гражданскую. Так как существовавших учебных заведений было недостаточно, по проекту следовало «в знатных... городах учредить Гимназии, в которых бы обучали нужные Европейские языки, и первыя основаниа наукам». В гимназиях следовало, «пользуясь склонностями молодых людей, всевать в них добронравие и знание человеческой должности». В небольших городах надлежало создать «школы, в которых будут обучать Русской грамоте, чистоте своего языка, арифметике и прочим первым основаниям». В результате должна была образоваться трехступенчатая система образования дворян, которая готовила бы их к службе: «Из оных школ молодые люди станут выходить в Гимназии, из Гимназиев в Кадетской Корпус, в Академию, в Университет; а из сих трех мест в действительную службу» [17, с.115–117]¹⁰.

Сравнивая шуваловский проект 1760 г. с ломоносовскими образовательными инициативами, можно сказать, что предложения И.И.Шувалова противоречили взглядам М.В.Ломоносова. Последний делал акцент на наличие природных склонностей вне зависимости от сословного статуса. Именно такие склонности рассматривались как

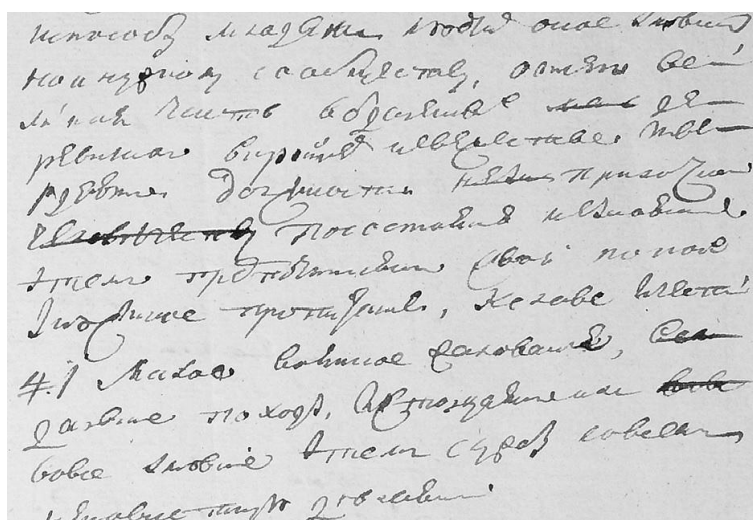

наций учителей» следовало «в их науках всех свидетельствовать и экзаменовать» в академии и университете, «а без такого свидетельства и аттестатов никому в дома не принимать и не иметь, и до содержания школ не допускать» [46, т.14, №10724, с.765].

¹⁰ *Отметим, что некоторые исследователи продворянскую сущность шуваловского проекта игнорируют. Так, М.В.Сычев-Михайлов написал: шуваловский проект не был утвержден по той причине, что «дворянское правительство не заботилось о массовом просвещении, тем более для крестьян» [58, с.92]. По мнению К.А.Писаренко предполагаемые И.И. Шуваловым гимназии и школы «дворянскими, похуже, назывались лишь номинально! Реально в них смогли бы учиться, пусть и отдельно от дворян, юноши всех сословий... Потому что именно такую практику завели гимназии Московского и Петербургского университетов – а им, конечно же, постарались бы подражать и большинство провинциальных (в Казанской гимназии разночинное отделение появилось уже 10 мая 1759 года)» ([44, с.40]. См. также: [45, с.356–357]). Такой вывод возможен лишь при игнорировании того факта, что возможность принимать разночинцев в гимназии в Петербурге, Москве и Казани была прописана в нормативных актах, которые регулировали их деятельность. Если бы в правовых актах было написано только о приеме дворянских детей, то в них могли бы учиться только дети дворян, как это было в Сухопутном кадетском корпусе. Таким образом, нет никаких оснований полагать, что в гимназиях и школах из шуваловского проекта могли учиться дети недворян.*

«ОТВОРИТЬ ВХОД К БЛАГОПОЛУЧИЮ ДАРОВАНИЯМ ПРИРОДНЫМ?»

важное условие для обучения. Шувалов же сделал акцент на дворянских детях, которым образование следовало обеспечивать в соответствии с их сословным статусом. По его логике, раз дворянским детям по рождению было предназначено стать руководителями империи, то система обязательного образования должна была превратить их в хороших руководителей. Помимо значения усвоения наук Иван Иванович подчеркивал и моральную составляющую, необходимую для руководителя, поскольку она связана с преодолением пороков и постижением добрых нравов.

«...великая часть в отдаленных деревнях в крайнем невежестве твердеют»: фрагмент собственноручной записки И.И. Шувалова об образовании дворянских недорослей (начало 1762 г.)

В одной из недатированных записок («Какия в воспитании юношества неудобства происходят»), Шувалов, писал, что «все родители и родственники» дворянских недорослей заботились о «доставлении принадлежащим им молодым людям чинов, а не **должного учения, сходнаго с их рождением и пользою общею**» (подчеркнуто нами. – М.К.). При этом родственники «все почти стараются их иметь в своих глазах, и ослепленная любовь не допускает отпустить ни в какое место, где есть порядок и строгость для исправления пороков». Очевидно, что такими местами, куда следовало отпускать недорослей, были государственные

учебные заведения. Как результат, для получения чинов почти все дворяне предпочитали записывать своих детей «в гвардии полки», и «все знатное и достойное дворянство определяется в гвардию», а в «кадетской корпус», где, в отличие от гвардии, было обучение, «никого нет кроме самых бедных и за кем сто душ, то уже богатым почитается» [16, стб.70].

В другой записке, написанной для Елизаветы Петровны в промежутке между 1756 и 1761 гг., И.И.Шувалов рассуждал, что *невежеством* управляющих государству и народу наносится большой вред. Размышляя о причинах *невежества*, он писал: «Большая притчина того невежества, что прямо не знают должности своей к государю, к государству, к общему добру и любви к ближнему. Многие... не порядки слышны, но не слышно, кто бы был наказан, что ободряет других поступать таким же вредным образом. В сем случае не человек, но порок истребляется, и защищается невинность. Сие подало многим молодым людям повод отстать от военной службы, искать штатской без жалованья, ...отчего командиры жалуются, что дворянства мало в полках к произведению» [16, стб.75–76]. Таким образом, при подаче проекта реформы Шувалова заботила, прежде всего, подготовка профессиональных и моральных качеств представителей господствующего сословия.

3 ноября 1760 г., рассмотрев шуваловский доклад, Сенат одобрил его, предписав автору сочинить штаты предполагаемых гимназий и школ и подать их в Сенат. При этом он мог обратиться за необходимыми данными и консультациями к «здешней Академии Наук» [49, с.119–121; 46, т.15, №11144, с.564]. Сенатский указ, одобрявший шуваловский проект и указывавший на возможность обращения Шувалова в Академию наук, был направлен в Канцелярию Академии наук 17 ноября [13, с.473]. Какой-либо особой реакции на этот указ Канцелярии, где в это время ключевой фигурой был М.В.Ломоносов, не последовало. 7 декабря Шувалов отдельно обратился в Канцелярию с просьбой, «чтоб благоволено было г[осподам] Академии Наук членам в исполнение того указа (Сената. – *М.К.*) сделать или каждому свое мнение, каким образом оные гимназии и школы утверждены быть должны, и сообщить мне, из которых бы я мог обще с теми г[осподами] Академии Наук членами рассуждая, сделать штат и представить Правительствующему Сенату» [Цит. по:14, с.903]. Того же числа состоялся указ Канцелярии за подписью Ломоносова. В его изложении сенатский указ стал выглядеть следующим образом: «По представлению Московского университета куратора, действительного камергера и кавалера Ивана Ивановича Шувало-

«ОТВОРИТЬ ВХОД К БЛАГОПОЛУЧИЮ ДАРОВАНИЯМ ПРИРОДНЫМ?»

ва о заведении по городам гимназий и школ велено, в которых именно городах, и сколь великие те гимназии и школы, и в каком числе людей и учителей быть имеют, и на содержание их, по мнению его превосходительства, какая сумма потребна, сочиня штаты, подать в Правительствующий Сенат». Соответственно, членам Академии наук поручалось подать письменное мнение «в которых именно городах надлежит быть гимназиям и школам, также каким должно во оных новоучреждаемых гимназиях и школах наукам и учениям преподаваться» [33, т.IX, с.570, 571]. Таким образом, упоминание о том, что гимназии и школы должны быть только для дворян, Ломоносов исключил. Схожим образом ученый поступил и со штатами. Упомянув о них во вводной части, он не указал, что члены Академии должны написать о штатах дворянских учебных заведений, на что рассчитывал Шувалов при обращении.

8 февраля 1761 г. М.В.Ломоносов, будучи в Канцелярии, повторно вернулся к вопросу о шуваловском проекте. В Канцелярии «было решено потребовать мнение по этому вопросу от всех членов Академического собрания». Из начавших поступать мнений самое первое было датировано 9 февраля, а самое позднее – 5 марта. Хотя к 7 марта эти ответы поступили в Канцелярию, решение об их пересылке в Сенат состоялось только 15 мая [57, с.90, 330; 14, с.904; 31, с.352, 356; 55, с.156–163]. Сами мнения предсказуемо оказались посвящены рассуждениям о школах в целом, а не решению проблемы дворянского образования¹¹. При этом Ломоносов никакого собственного мнения письменно не подал¹².

¹¹ См. о проектах, подготовленных в Академии наук: [53, с.35–53; 6, с.50–51; 55, с.155–168].

¹² Можно предположить, что М.В.Ломоносов, не желая напрямую выразить свое несогласие с проектом И.И.Шувалова 1760 г., все же попытался донести свои взгляды на реформу через своеобразного посредника. Им мог выступить А.П.Протасов, с которым Ломоносов познакомился в начале 1740-х гг. и которого неоднократно привлекал в качестве помощника. Кроме того, по настоянию Ломоносова в 1759 г. Протасов, обучавшийся в Лейдене, был отозван в Петербург. Великий ученый рассчитывал, что Протасов станет одним из первых ученых, которому будет присвоена докторская степень и звание профессора Академическим университетом, после того, как Елизавета Петровна утвердит университетскую привилегию. Впрочем, Протасов мог прийти к соответствующим умозаключениям и самостоятельно. Как бы то ни было, именно в протасовском мнении была помещена формулировка, что в создаваемые школы «принимаемы быть имеют знающие уже читать и писать по-русски» и вне зависимости от сословного происхождения [34, с.10–11, 49–50, 131].

Если сравнивать его деятельное участие в учреждении Московского университета, начавшееся еще до официального одобрения Сенатом шуваловского доклада, с реакцией на одобрение этого доклада, можно заключить следующее. Ломоносов проигнорировал проект Шувалова и, более того, саботировал работу над ним в Академии наук. Влияние мог оказать и личный конфликт между ними, который имел место в начале января 1761 г.¹³ Однако расхождение по вопросу о дворянском характере предполагаемых учебных заведений было еще до ссоры. Скорее, в данном случае можно говорить о концептуальном столкновении двух позиций. Шувалов в своем проекте предлагал создать учреждения для подготовки из дворянских детей добродетельных и знающих науки руководителей империи, то есть в основе его проекта были представления о дворянстве как сословии, которому предназначено управлять страной. Ломоносов же продолжал отстаивать подход, по которому в учебном заведении должны были овладевать науками одаренные от природы дети вне зависимости от сословного происхождения. Таким образом, для него универсальное благо, приносимое науками, оказывалось выше сословных перегородок в обществе.

Не дождавшись ответа из Академии наук, 20 марта 1761 г. И.И.Шувалов подал доношение в Сенат. Он сообщал, что не смог выполнить поручения Сената и создать штаты для новых школ и гимназий из-за отсутствия нужных сведений о численности дворянских детей. Шувалов полагал, что «теперь можно толко предписать способ учения, распоряжение класов, содержание и порядок учеников. Оное все будет рановременно и представление о них Правительствующему Сенату делает напрасное затруднение». При этом он отмечал: «Академия же и по сие время в сочинении оных штатов упражняется». В связи с этим он попросил Сенат «подать доклад» императрице, «дабы прежде, нежели в подробности школ вступить, повелено было воспитание и учение и вступление в службу на таком основании, как от меня подано, установить». Однако присутствовавший в Сенате граф П.И.Шувалов, когда «присудствием разсуждаемо было между протчим о благородном юношестве», решил также выступить с инициативой в сфере дворянского образования. Он обещал написать записку о том, как «во всевысочайше вверенных мне... артиллериском и инженерном корпусах к службе приуготов-

---

¹³ 19 января 1761 г. М.В.Ломоносов написал письмо И.И.Шувалову, начинавшееся словами «никто в жизни меня больше не избидел, как ваше высокопревосходительство» [33, т.Х, с.545].

«ОТВОРИТЬ ВХОД К БЛАГОПОЛУЧИЮ ДАРОВАНИЯМ ПРИРОДНЫМ?»

ляютца»¹⁴. Как результат, Сенат на время отложил принятие решения по просьбе П.И. Шувалова.

В то же время проект И.И. Шувалова получил поддержку со стороны Уложенной комиссии, занимавшейся составлением нового свода законов для империи. 7 апреля 1761 г. состоялось одно из заседаний данной комиссии, которой руководил сенатор Р.И.Воронцов. На нем было решено по вопросу «обучения дворянства... сочинить особую главу», которую следовало «согласить» с проектом об образовании, поданным Шуваловым в Сенат. В ходе последующей работы Уложенной комиссии был подготовлен проект главы об образовании, за основу которого был взят именно образовательный проект Шувалова¹⁵.

Однако ожидание записки от П.И.Шувалова отодвинуло рассмотрение в Сенате вопроса о реформе дворянского образования на лето. Работа над ней была закончена только к 18 июня 1761 г. 20 июня ее подали в Сенат, где было принято решение «то предложение сообща с поданным от генерала-поручика, Московского университета куратора и ковалера Ивана Ивановича Шувалова о молодых людях, обучающихся в разных училищах доношением, доложить впредь». Только 20 августа сенаторы вернулись к рассмотрению документов, поданных И.И.Шуваловым и П.И.Шуваловым. Скорее всего, по записке П.И.Шувалова сенаторы сформулировали свое мнение на заседании 20 августа, так что заседания 13 сентября и 19 октября 1761 г. были в основном посвящены предложениям И.И.Шувалова «о учреждении гимназей и школ для воспитания шляхетного юношества» [1, ф.248, д.2944, л.46, 47, 48].

По итогам обсуждений был подготовлен доклад для императрицы. В нем была дана положительная оценка проекту И.И.Шувалова: «Сенат, имея о сей материи доволное разсуждение, признавает оное весьма полезным обществу и благоизобретенным способом к совершенному приведению шляхетного юношества в наилучшее состояние, от коего предвидится несумненная надежда к достижению людей достойных, как в воинской, так и в гражданской службах». Исходя из идей, высказанных Шуваловым, предлагалось: «Все дворянство прежде семнатцатилетняго их возраста отныне впредь ни в какую службу не определять, а обучатца им в назначиваемых в городах школах и гимназиях, а потом в здешнем и Московском университете и в Кадетском корпусе, а буде кто пожелает

¹⁴ [1, ф. 248, д. 2944, л. 35, 36]. – О записке П.И.Шувалова см.: [20].

¹⁵ [1, ф. 342, оп. 1, д. 63, ч. 1, л. 33 об.]. – См. подробнее: [23, с. 34–37; 21].

детей своих или родственников обучать у волных свидетелствованных от Академии и университета ли от корпусов, ...оное им... дозволить». Согласно докладу, по достижении 17 лет юных дворян, желавших поступить в военную службу, следовало экзаменовывать «в Сухопутном кадетском корпусе, где для практики оных на некоторое время и оставлять должно волунтерами». Тех, «которые обучались гражданским законам и другим наукам», надлежало «свидетельствовать в университете и в Академии». И первых, и вторых следовало «потом по беспристрадном экзамене определять по склонности их и наукам и пожеланиям в военную или гражданскую службу прапорщичьими чинами». Оговаривалась возможность продолжить по желанию обучение наукам после 17 лет до достижения двадцатилетнего возраста. Выбравшие такое обучение, в 20 лет также должны были сдать экзамен. Если по результатам экзамена выяснялось, что «в науках приобрели пред другими большое знание», то экзаменуемых необходимо было «определять в чины подпорутчичьи, порутчичьи и в капитанские, смотря по достоинству». При этом выбравшие обучение до 20 лет должны были служить только 25 лет. Для дворян, которые «кроме одной российской грамоте ничего не обучатца», предполагалась следующая норма: «Таких писать в военную службу унтер-афицерами впредь до выслуги, пока действительно своим прилежанием и добрыми поступками учинят себя достойными чести афицеровской». В отношении образовательных поездок за границу было предложено: «Буде кто из дворян для приращения наук пожелает вояжировать в иностранные государства, таковых с рассмотрения Сената отпускать с сроками». В заключение в докладе была помещена просьба к Елизавете Петровне ограничить обязательную службу для всего дворянства 25 годами: «Указать и всему дворянству, кои поныне указным определением в действительную службу вступили, считая от дватцатилетняго возраста, продолжать оную, равно как и предписанным, до дватцати пяти лет, а по выслужении оных кто просить будет в отставку из службы военной и гражданской, увольнять вечно» [1, ф.248, д.2944, л.48–51].

На докладе была сделана секретарская помета: «Начат подписанием 29 октября». Сам факт, что после заседания 19 октября 1761 г. был подготовлен беловой текст доклада, который начали подписывать сенаторы, свидетельствовал: напрямую в Сенате против предложенной И.И.Шуваловым реформы никто не решился выступить. Однако под текстом доклада поставили свои подписи только сенаторы И.И.Неплюев, А.Г.Жеребцов, гр. Р.И.Воронцов и кн. М.И.Шаховской [1, ф.248, д.2944, л.51 об.]. Подписи большинства сенаторов –

«ОТВОРИТЬ ВХОД К БЛАГОПОЛУЧИЮ ДАРОВАНИЯМ ПРИРОДНЫМ?»

гр. М.И.Воронцова, кн. А.Д.Голицына, кн. М.М.Голицына, И.И.Костюрина, кн. И.В.Одоевского, кн. Н.Ю.Трубецкого, гр. П.И.Шувалова – так и не были поставлены [45, с.40]. Все четверо подписавших стали сенаторами (1760) в результате так называемого *бюрократического переворота*, одним из организаторов которого был И.И.Шувалов [40, с.455; 30, с.358]. Из не подписавших такими сенаторами были Н.Ю.Трубецкой, А.И.Шувалов и И.И.Костюрин¹⁶. Другие четверо не подписавших стали сенаторами еще до 1760 года [38, с.494, 93, 119, 121–122, 321]. Таким образом, проект получил однозначную поддержку тех из них, кто в наибольшей степени были обязаны карьерой И.И.Шувалову. В то же время большинство сенаторов предпочло занять выжидательную позицию. Для не подписавших доклад сенаторов И.И.Шувалов не выступал в роли единственного патрона, которому они могли бы угодить, подписав доклад в числе первых. Поэтому у них была возможность до некоторой степени проводить свою политику, предполагая возможные изменения на престоле.

Здесь, скорее всего, самым непосредственным образом сказывалось состояние Елизаветы Петровны, которая к этому времени была очень больна [См.: 39, с.69–70; 32, с.493–495; 45, с.441]. Ее наследник великий князь Петр Федорович еще 12 февраля 1759 г. получил от Елизаветы Петровны «главную команду и Директорство над... Сухопутных Шляхетным Кадетским Корпусом» [46, т.15, №10924, с.320]. У будущего императора могли оказаться свои предпочтения в вопросе о дворянском образовании, так что сенаторы решили не спешить. И.И.Шувалов, не имея должной поддержки из-за больной императрицы, в письме к М.И.Воронцову от 29 ноября 1761 г. так описывал свое положение: «Вижу хитрости, которых не понимаю и вред от людей, преисполненных моими благодеяниями. Невозможность их продолжать прекратила их ко мне уважение, чего конечно всегда ожидать был должен и не был столь-

¹⁶ Н.Ю.Трубецкой стал сенатором, лишившись из-за бюрократического переворота поста генерала-прокурора Сената, что было карьерной неудачей. Для А.И.Шувалова основой влияния был пост руководителя Тайной канцелярии, занимаемый с 1746 г. Более того, он с 1756 г. был членом Конференции при дворе е.и.в. Таким образом, и для него должность сенатора не была каким-то существенным продвижением в карьере. При этом пример А.И.Шувалова мог повлиять на И.И.Костюрина. Глава Тайной канцелярии, будучи женат на сестре последнего Елизавете Ивановне, приходился ему свойственником.

ко прост, чтоб думать, что меня, а не пользу свою во мне любят» [8, с.298–299].

25 декабря 1761 г. Елизавета Петровна скончалась, на престол возшел Петр III. Хотя новый император и оказывал знаки уважения И.И.Шувалову, проект реформы, поданный в Сенат, так и остался без высочайшего утверждения. Как и Ломоносову, ему не удалось добиться реализации своего образовательного проекта.

Итак, необходимо констатировать: свидетельства, которые позволили бы говорить об участии М.В.Ломоносова в подготовке проекта образовательной реформы И.И.Шувалова 1760 г., не существует. В то же время документы позволяют сделать вывод, что Ломоносов устранился от обсуждения шуваловского проекта и, более того, способствовал затягиванию обсуждения, насколько позволяло его административное положение в Академии наук. Схожим образом можно утверждать, что Шувалов, если и не мешал напрямую, то, по крайней мере, не способствовал утверждению нормативных актов, подготовленных Ломоносовым для Академических университета и гимназии.

Таким образом, И.И.Шувалов и М.В.Ломоносов к 1761 г., скорее, были в ситуации противостояния, нежели сотрудничества по вопросам развития образования. Данное противостояние было связано с разным видением встраивания образовательных учреждений в сословное общество империи. Для Ломоносова было очевидным благо, которое приносили науки государству. Как результат, образовательные учреждения должны были стремиться обучать наукам одаренных детей, вне зависимости от их сословной принадлежности. При этом соответствующее овладение науками должно было, по Ломоносову, давать высокий социальный статус человеку, вне зависимости от его сословного происхождения. В итоге получалось, что в ряде случаев способности и образование человека должны были определить его социальный статус, а не сословное происхождение. Шувалов же в своем проекте 1760 г. предлагал, чтобы система школ и гимназий была предназначена только для дворянских детей. Это связывалось с тем, что именно им по рождению предназначалось управлять государством. Несомненно, вельможа заботился о благе государства. Однако по шуваловской логике такое благо оказывалось неразрывно связанным с господствующим положением дворянства. В результате Шувалов фактически предлагал один из путей для строительства дворянской монархии, в то время как для Ломоносова монархия, скорее, представлялась надсословным институтом. Соответственно, если для Шувалова оказывались не чужды проявления дворян-

«ОТВОРИТЬ ВХОД К БЛАГОПОЛУЧИЮ ДАРОВАНИЯМ ПРИРОДНЫМ?»

ского самосознания, то для Ломоносова – самосознания недворянина, добившегося значимых успехов вопреки низкому сословному статусу и пытавшегося помочь преуспеть в этом же другим талантливым недворянам¹⁷. Великий ученый не был согласен с ролью только нейтрального исполнителя заказов своих покровителей. Конечно, в ряде случаев ему приходилось играть эту роль. Тем не менее, у него были свои – недворянские – представления об общественном устройстве, которые он по мере возможностей стремился претворить в жизнь [Ср.: 22, с.50].

Библиографический список

1. Российский государственный архив древних актов. Ф.248. Д.2944; Ф.342. Оп.1. Д.63. Ч.1.
2. Азаренко Е.К. Мировоззрение М.В.Ломоносова. Минск: Белорус. гос. ун-т им. В.И.Ленина, 1959. – 268 с.
3. Андреев А.Ю. Университетская идея в понимании М.В.Ломоносова // Вестн. Моск. ун-та. 2011. Сер.8. История. №5. С.52–68.
4. Анисимов Е.В. И.И.Шувалов – деятель российского просвещения // Вопр. истории. 1985. №7. С.94–104.
5. Анисимов Е.В. М.В.Ломоносов и И.И.Шувалов // Вопр. истории естествознания и техники. 1987. №1. С.73–83.
6. Артамонова Л.М. Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX вв. (Юго-восточные губернии Европейской России). Самара: Изд-во Самар. науч. центра, 2001. – 391 с.
7. Артемьев А.И. Казанские гимназии в XVIII столетии // Журн. м-ва нар. просвещения. 1874. Ч.СLXXIII. Май. Отд. наук. С.32–98.
8. Архив князя Воронцова. М.: Тип. В.Готье, 1873. Кн. VI. – 532 с.
9. Бартенев П.И. Биография И.И.Шувалова. М.: Б.и., 1857. – 80 с.
10. Белявский М.Т. М.В.Ломоносов и основание Московского университета. [М.]: Изд-во Москов. ун-та, 1955. – 312 с.
11. Бенда В.Н. Причины учреждения, создание и начало деятельности Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса (АИШКК) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. 2012. №6 (20). Ч.1. С.34–40.
12. Берков П.Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750–1765. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 324 с.
13. Билярский [П.С.] Материалы для биографии Ломоносова. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1865. – 820 с.
14. [Блок Г.П.], [Кулябко Е.С.], [Суслова Е.Н.] Примечания // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т.IX. С.651–961.
15. Бумаги И.И.Шувалова // Русский архив. 1867. №1. Стб.65–97.
16. Буторина Т.С. Педагогические идеи М.В.Ломоносова // Ломоносов М.В. О воспитании и образовании. М., 1991. С.6–30.

¹⁷ См. о трудностях адаптации М.В.Ломоносова, как человека неблагородного происхождения, в академической и придворной среде XVIII в.: [26].

17. В Правительствующий Сенат Императорского Московского университета от куратора Шувалова доношение // Чтения в Имп. о-ве истории и древностей российских при Москов. ун-те. М., 1858. Кн. III (июль–сентябрь). Ч. V. Смес. С. 113–118.
18. Вульфсон Г. Н. Понятие «разночинец» в XVIII – первой половине XIX века (Некоторые наблюдения) // Очерки истории народов Поволжья и Приуралья. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1967. Вып. I. С. 107–124.
19. Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750-х – 1760-х годов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 236 с.
20. Киселев М. А. «В пользу отечества и в авантаж главному государственному члену, то есть дворянству»: записка П. И. Шувалова об артиллерийском и инженерном образовании // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М.: Новое изд-во, 2015. С. 346–362.
21. Киселев М. А. Вопросы образования в Уложенной комиссии 1754–1766 годов (два проекта 4-й главы «О должности родительской» третьей части Уложения) // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М.: Новое изд-во, 2015. С. 317–345.
22. Киселев М. А. Казус Д. В. Волкова: «Подьячие» на вершинах власти в Российской империи XVIII в. // Уральский ист. вестн. 2012. №3 (36). С. 42–52.
23. Киселев М. А. Проблема прав и обязанностей российского дворянства в Уложенной комиссии на рубеже 1750-х и 1760-х гг.: к истории Манифеста о вольности дворянской // Уральский ист. вестн. 2013. №3 (40). С. 30–39.
24. Константинов Н. А. Начальное образование в России во второй половине XVIII века // Начальная школа. 1945. №1. С. 35–44.
25. Константинов Н. А., Струминский В. Я. Очерки по истории начального образования в России. М.: Учпедгиз, 1953. – 272 с.
26. Кулакова И. П. Михаил Ломоносов: жизненные стратегии в контексте эпохи // Вестн. Москов. ун-та. 2011. Сер. 8. История. №5. С. 16–38.
27. Кулябко Е. С. Замечательные питомцы Академического университета. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. – 228 с.
28. Кулябко Е. С. Ломоносовский «Регламент московских гимназий» // Вестн. АН СССР. 1955. №5. С. 58–62.
29. Кулябко Е. С. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 236 с.
30. Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань: П. А. Трибунский, 2003. – 565 с.
31. Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова / Под ред. А. В. Топичева, Н. А. Фигуровского, В. Л. Ченакала. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 436 с.
32. Лиштенан Ф. Д. Елизавета Петровна. Императрица, не похожая на других. М.: Астрель, 2012. – 635 с.
33. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. VIII. – 1279 с., 1955. Т. IX. – 1018 с.; 1957. Т. X. – 934 с.
34. Лукина Т. А. А. П. Протасов – русский академик XVIII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, Ленингр. отд-ние, 1962. – 187 с.
35. Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Отечеству на пользу, а россиянам во славу. Из истории университетского образования в Петербурге в XVIII – начале XIX в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – 230 с.
36. Милорадович [Г. А.] Материалы для истории Пажеского его императорского величества корпуса. 1711–1875. Киев: Тип. М. П. Фрица, 1876. – 262 с.

«ОТВОРИТЬ ВХОД К БЛАГОПОЛУЧИЮ ДАРОВАНИЯМ ПРИРОДНЫМ?»

37. Морозов А.А. Михаил Васильевич Ломоносов. 1711–1765. Л.: Молодая гвардия, 1952. – 959 с.
38. Мурзанов Н.А. Словарь русских сенаторов. 1711–1917 гг.: Материалы для биографий. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. – 735 с.
39. Наумов В.П. Елизавета Петровна // Вопр. истории. 1993. №5. С.51–72.
40. Наумов В.П. Мемуары русских государственных и военных деятелей послепетровского времени // Империя после Петра. 1725–1765. М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С.449–472.
41. Осповат К. Государственная словесность: Ломоносов, Сумароков и литературная политика И.И.Шувалова в конце 1750-х гг. // Европа в России. М.: НЛЮ, 2010. С.6–65.
42. Пенчко Н.А. Основание Московского университета. [М.]: Изд-во Москов. ун-та, 1953. – 192 с.
43. Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. Ч.П. – 344 с.
44. Писаренко К.А. «Петрова дочь к наукам матерски снисходит!»: Опыт императрицы Елизаветы Петровны // Родина. 2014. №3. С.37–49.
45. Писаренко К.А. Елизавета Петровна. М.: Молодая гвардия, 2014. – 459 с.
46. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. [Собр.П.] СПб.: Тип. 2 Отд-ния собств. е.и.в. канц., 1830. Т.14. – 995 с.; Т.15. – 1052 с.
47. Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Рождение университета: сподвижник Ломоносова Иван Иванович Шувалов // Вестн. Москов. ун-та. Сер.8. История. 2011. №5. С.29–34.
48. Радовский М.И. М.В.Ломоносов и Петербургская Академия наук. М.; Л.: Изд-во АН СССР, Ленингр. отд-ние, 1961. – 335 с.
49. Решение Сената на доношение куратора Московского университета Шувалова // Чтения в Имп. о-ве истории и древностей российских при Москов. ун-те. М., 1858. Кн.III (июль–сентябрь). Ч.V. Смесь. С.119–121.
50. Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. СПб.: Тип. М.А.Александрова, 1912. Т.I. – 680 с.
51. Сердюцкая О.В. Московский университет второй половины XVIII в. как государственное учреждение. Преподавательская служба. М.: Спутник+, 2012. – 185 с.
52. Смагина Г.И. Академия наук и народное просвещение в России во второй половине XVIII века // Вопр. истории естествознания и техники. 1991. №1. С.39–46.
53. Смагина Г.И. Академия наук и российская школа. Вторая половина XVIII в. СПб.: Наука: С.-Петербург. изд. фирма, 1996. – 162 с.
54. Смагина Г.И. Немецкие образовательные идеи и российская школа XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: РОССПЭН, 2008. С.205–220.
55. Смагина Г.И. Санкт-Петербургская Академия наук и просвещение в России XVIII века: образование и распространение знаний. Дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2007. – 408 с.
56. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. СПб.: Т-во «Обществ. польза», 1896. Кн.VI. Т.XXVI–XXIX. – 1178 стб.
57. Сухомлинов М.И. История Российской академии. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1876. Вып.III. – 453 с.
58. Сычев-Михайлов М.В. Из истории русской школы и педагогики XVIII века. М.: Изд-во Акад. пед наук РСФСР, 1960. – 255 с.
59. Шевырев С.П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. М.: Унив. тип., 1855. – 582 с.
60. Шефер А. Императрица Елизавета Петровна в 1760–1761 гг. // Русская старина. 1880. Т.28. С.767–776.

Развитие общества — единственный прогрессивный исторический процесс, включающий в себя своеобразие национальных культур и исторических эпох, как качественно самостоятельных ступеней мировой истории.

Иоганн Готфрид Гердер

Чтобы воспитывать другого,
мы должны воспитать
прежде всего себя.

Н.В. Гоголь

Андрей Ранчин

**АПОКАЛИПСИС
НАШЕГО ВРЕМЕНИ /
APOCALYPSE NOW**

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ РЕФОРМ
РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

УДК
378
37.014

В статье рассматриваются последствия и перспективы реформ, начатых в российском образовании в 2000-е и начале 2010-х годов. В центре внимания: внедрение в высшем образовании Болонской системы и концепции Liberal Arts; идея радикального сокращения преподавательского корпуса; концепция «эффективного контракта», заключаемого преподавателем с администрацией учебного заведения; введение итогового сочинения в выпускных классах и изменения в контрольно-измерительных материалах Единого государственного экзамена по русскому языку. Отмечается непродуманность проведенных и намеченных преобразований, значительное усиление бюрократизации и необоснованный рост отчетности. Предложен ряд мер, способных остановить губительную тенденцию.

The author considers consequences and prospects of reforms commenced in the Russian education in the 2000s and 2010s. The author focuses his attention on the higher education of the Bologna system and on conception of Liberal Arts as well as on idea of radical reduction of faculty, on conception of the “effective contract” an instructor strikes with an educational institution administration, on introduction of the final composition in senior classes and on changes in control and measuring materials of the Unified state exam in Russian. The author notes crudity of reforms undertaken as well as planned, a significant intensification bureaucratization and unfounded upsurge of reporting. Finally the author proposes a number of measures that can stop the pernicious trend.

Ключевые слова: реформа образования; высшее образование; Болонская система; концепция Liberal Arts; «дорожная карта» в области образования; бюджетное финансирование; оптимизация

Key words: reform of education, higher education; the Bologna system; Liberal Arts conception; “road map” in sphere of education; budgetary funding; optimization

E-mail: aranchin@mail.ru

В начале – несколько пояснений. В нижеследующем тексте рассматриваются последствия проведенных и проводимых реформ только в гуманитарном образовании: судить о том, как эти перемены затронули преподавание в области технических и естественных знаний, автор этих строк не берется¹. Мало того: непосредственным предметом внимания будут только филологические дисциплины, что обусловлено моими профессиональными интересами и занятиями. О проектах реформ мне приходилось высказываться неоднократно. Время подвести предварительные итоги. Начнем же с оценки произошедшего в высшей школе.

«Русская болонка»: как Минобраз новую породу вывел

Надо признаться: не все страхи и опасения, порожденные ожиданием преобразований, сбылись. В университетской преподавательской среде витала мрачная уверенность, что

переход на двухступенчатую систему бакалавриат – магистратура продиктован помимо всего прочего скрытой целью резко уменьшить бюджетные затраты на высшее образование, сохранив государственное финансирование только для первой ступени, а вторую, магистерскую, сделать если не полностью, то преимущественно платной. Боялись – по крайней мере, пока что – зря: магистратура оказалась бюджетной, с достаточно большим количеством мест, равным или почти равным тому, что имелось на первой ступени – в бакалавриате². Не сбылись и тревоги по поводу аспирантуры, которую власти якобы задумали сделать исключительно платной. Можно было бы посмеяться над этими страхами, оказавшимися беспочвенными фобиями, если бы не порожденные ими (хотя и не только ими) результаты. Институты, ожидая, что прежние пятилетние программы специалитета скукожатся до трехлетнего (как предполагалось вначале) или четырехлетнего (как вышло в итоге) срока

¹ *Насколько можно понять, техническое образование по причине его более очевидной прикладной ценности в меньшей степени оказалось затронуто деструктивными инновациями.*

² *Я основываю это суждение на известных мне данных, относящихся к разным институтам. В конкретных учебных заведениях положение дел может быть разным.*

обучения, стали «впихивать»³ в учебные планы первой ступени весь объем программ, по которым учились специалисты. Понять такое поведение можно. Конечно, оно объяснялось ожидаемой утратой большого сегмента в учебном плане – то есть знаний, которые выпускник мог теперь не получить. Кроме того, потенциальная потеря часов, приходившихся на преподавание старшекурсникам в специалитете, была чревата сильным снижением нагрузки, выполнение которой вменялось в обязанности преподавателям администрацией и вышестоящими учреждениями (для большинства институтов это Министерство образования, для некоторых – отраслевые министерства, правительство или администрация президента). Итог – предметов в учебные планы набили как сельдей в бочку. И после открытия магистратуры и недавнего «минобразовского» решения, согласно которому аспирантура из нескольких лет академической свободы превращалась в полноценную новую, третью образовательную ступень со значительным числом учебных дисциплин, институты встретились с проблемой, которую отчасти сами же и породили: что, какие курсы предложить магистрантам и аспирантам, если всё или почти всё было ими освоено еще в бакалавриате?

Проблема эта сугубо российская: мировой (исконно, собственно, западный) опыт совсем иной: бакалавриат дает именно начатки высшего образования, магистратура – более высокий уровень знаний. Согласно условиям Болонской конвенции (подписав и исполняя которую Россия и стала заменять классический специалитет двухступенчатой системой⁴), количество учебных часов в неделю не должно превышать 27-ми (в России оно на треть и даже иногда почти вдвое больше)⁵. Конечно, современный европейский студент приобрел возможность за время обучения свободно менять институты в границах «единого образовательного пространства». У него есть право выбора курсов: обязательство одно –

---

³ «Впихивать» – слово грубое, но, боюсь, оно здесь самое уместное.

⁴ Россия подписала конвенцию в 2003 г. и должна была по ее условиям перейти на новую систему обучения к 2010 г.; в действительности процесс перехода в целом завершился годом позже.

⁵ Абсолютный сторонник либеральной западной модели профессор Оксфордского университета и РАНХиГС Андрей Зорин акцентирует в качестве ее несомненного достоинства именно свободное время для самостоятельной работы учащихся (См.: [13]). Для сравнения с российской традицией: среднее количество учебных часов в неделю на филологическом факультета МГУ – сорок восемь.

набрать требуемое число баллов. Но начисление этих баллов определяется контролем посещаемости выбранных курсов и целым рядом контрольных работ, выполняемых в течение семестра (при этом общая оценка по предмету определяется суммой контрольных баллов, а не только результатом завершающего экзамена)⁶. Международная образовательная система практически отменяет обязательные учебные курсы для бакалавров, делая акцент на вариативности и свободе выбора. Отечественное высшее образование было и осталось построено противоположным образом – авторитарным: его основу с первых лет обучения в институте составляли и составляют обязательные общие курсы, а спецкурсы и курсы по выбору занимают в нем положение маргинальное. Употребляя слово «авторитарный», я вовсе не хочу унижить советско-российскую образовательную традицию: это не более чем констатация факта, авторитарное начало в данном случае даже обладает определенными преимуществами, о чем скажу чуть ниже.

Переход на Болонскую систему в России в большинстве случаев ничего не изменил *de facto*: студенты остались лишены и полноценного права выбора преподаваемых курсов и учебных дисциплин, и уж тем более – возможности периодически менять институт. К тому же российские студенты в массе своей не получили возможности соединить обучение в своем институте с изучением отдельных дисциплин в зарубежных университетах. Исключения совсем немногочисленны: обучение по системе западного типа внедрено на факультете свободных наук и искусств Санкт-Петербургского государственного университета⁷, где выпускникам бакалавриата помимо российского диплома выдается документ об образовании американского Бард колледжа (Bard College) с квалификацией «Bachelor of Arts». Частично эта же модель реализована в Высшей школе экономики и в Liberal Arts College, относительно недавно открытом в РАНХиГС.

Между тем академическая свобода: право выбора, обретение времени для самообразования и научной деятельности, а также возможность совмещать учебу в разных институтах – декларировалась отечественными «болонофилами» в качестве целей реформы высшего образова-

---

⁶ На эти жесткие требования Болонской системы точно указала доцент МГУ Анна Архангельская [17].

⁷ См. информацию об учебном плане на сайте факультета [16].

ния. Другой вопрос, насколько новая для России модульная модель образования, построенная на концепции бакалавриата *liberal arts* и предполагающая в качестве цели не приобретение фундаментального образования, а разносторонность знаний, приобщение к нескольким наукам и специализациям и формирование компетенций и интеллектуально-аналитических навыков, лучше традиционной. Сторонники новой системы говорят, например, о даруемой ею возможности получить элементы дополнительного образования (*minor*) одновременно с основной специализацией (*major*), но чем все эти «миноры» и «мажоры» лучше классического специалитета, который тоже обеспечивал, хотя и в меньшей степени, элементы разносторонности, главное же – давал системность?⁸ Так или иначе, но «чрезмерная», тотальная вариативность размывает основы образования, что признают и сторонники этой концепции⁹. Что же касается академической свободы в виде предоставленного студентам времени для самостоятельной работы за счет сокращения числа лекций и семинаров, то она безусловное благо. Но лишь в том случае, когда ее – как свободу в чем бы то ни было – приобретает ответственный и увлеченный студент. К сожалению, и это отнюдь не только мое впечатление, далеко не всегда эти свойства присущи учащимся российской высшей школы. Фактически, однако же, объем времени, отведенного на лекции и семинары, остался в большинстве российских институтов, как правило, значительно большим, чем в западных университетах, и, соответственно, меньшим – количество времени для самостоятельной работы студентов, причем обычно строго – строже, чем прежде – стали требовать посещение занятий. Впрочем, и концепция *liberal arts*, и внедрение принципов вариативности и академической свободы сами по себе с двухступенчатой образовательной моделью не связаны: их связь не сущностная, а только историческая, сложившаяся в Европе и в Соединенных Штатах Америки. Все эти вещи при желании и необходимости можно реализовать и в пятилетнем специалитете.

---

⁸ Такая разносторонность достигается введением отдельных обязательных дисциплин, не относящихся к основной специализации, как, например, история, история искусства и культуры для филологов; обеспечивается она и серией межфакультетских учебных курсов, что было сделано в МГУ.

⁹ См., например, посвященную этой проблеме передачу Александра Архангельского «Тем временем» (телеканал «Культура», 9 ноября 2015 г.).

Помимо всего прочего идеологи и приверженцы реформы декларировали идею об улучшении уровня образования¹⁰, однако совершенно непонятно, каким образом переход на двухступенчатую модель сам по себе мог этот уровень повысить; если же предполагалось *реальное* внедрение принципов обучения, характерных для Болонской системы, то они способны разве что *понизить* его, так как стандартная западная программа бакалавриата, предполагающая ограничение числа обязательных базовых курсов, наносит серьезный ущерб фундаментальным знаниям. Интеграция российского образования в европейское культурное пространство, о которой также пеклись отечественные «реформаторы», с помощью такой чисто административной игры тоже произойти не могла. Для такой интеграции необходимо, прежде всего, создание общих образовательных программ, возможность для российских преподавателей работы и стажировки за границей, а для студентов – возможности познакомиться с отдельными учебными курсами в зарубежных университетах. И, соответственно, предложение читать лекции и вести семинары для зарубежных профессоров, а для иностранных студентов – посещать учебные курсы в российских институтах. В микроскопических дозах такие возможности осуществляются и сейчас; мало того – они спорадически реализовывались даже в советское время. Стать же повсеместной такая практика не может – прежде всего, из-за отсутствия финансов, требующихся для ее осуществления. Пока же государство в лице министра образования Дмитрия Ливанова объявило о готовности оплачивать обучение российских студентов в зарубежных институтах, где они смогут приобрести компетенции, сформировать которые российские институты якобы не способны: «Укрепление связей с российской научной диаспорой в США и переговоры о продлении двустороннего соглашения о научно-техническом сотрудничестве» стали основными целями визита министра образования и науки РФ Дмитрия Ливанова в Вашингтон 6–9 ноября 2015 года. «Формирование открытой информа-

¹⁰ См., например интервью с министром образования А.Фурсенко на радиостанции «Эхо Москвы» 13 июня 2005 года [5]. Председатель Комитета Государственной Думы по образованию Александр Шишлов в интервью радио «Маяк» заявил: «Это решение важно для нашей страны – это знак интеграции России в Европу. Важно и для высшей школы России, для студентов и преподавателей, для тех, кто хочет, чтобы наше образование было достойным XXI века, чтобы оно продолжало традиции российского фундаментального высшего образования» (Цит. по: [3]).

ционной среды – это тренд развития всей мировой науки, и Россия здесь не исключение, – уверен Ливанов. – Это позволяет нашей науке чувствовать себя частью единого пространства, участвовать в научном, образовательном и культурном диалоге".

Он также пообещал государственную поддержку тем российским студентам, которые хотели бы учиться в зарубежных ВУЗах, но готовы после этого вернуться на родину. Такая поддержка, по словам министра, предусмотрена созданной около года назад программой "Глобальное образование", которая призвана "восполнить наш человеческий капитал теми компетенциями, которых сегодня не хватает". Отечественные студенты могут получить образование "в ведущих мировых университетах – и американских, и европейских, в австралийских, азиатских – по определенным направлениям подготовки, актуальным для нашей страны", – отметил он, пояснив, что государство берет на себя все расходы на обучение"» [9].

В свете нынешней полуофициальной антизападной риторики и муссирования мифологемы России – осажденной крепости проект выглядит довольно экзотично. Реальный обмен опытом и знанием, коммуникация, диалог между российской и зарубежной высшей школой подменяются отправкой немногих счастливицев-недорослей за рубеж – постигать заморскую ученость в разных Европиях, как в петровские времена. В то время как и российские ученые, и российские преподаватели продолжают тянуться в те же далекие края, потому что оказались не нужны в отечестве. Министерство образования и науки, озабоченное созданием пространства глобального, не удосужилось обеспечить их пространством для выживания и ученых трудов...

А на практике российская интеграция в глобальное пространство очень и очень часто выглядит так: институты берут на обучение студентов-иностранцев, не знающих по-русски ни бельмеса (попробуй-ка они с таким же английским поступить в американский или британский университет!...); иноземцы, не утруждая себя науками, получают зачеты, защищают дипломные работы и диссертации, невзвешивая кем написанные по их заказу. Не брать? Но за них ведь платят приличные деньги, так что бедный во всех смыслах слова институт должен видеть в зарубежных митрофанах своих благодетелей, кормильцев и поильцев! К тому же они приносят не только инвалюту, но и дополнительные часы на-

грузки, которые непреклонно и жадно требует с «преподов» страшный зверь Минообраз. Явление это стало едва ли не повсеместным.

Какая цель, тоже заявленная «болонофилами», действительно достигается стрижкой российского образования «под болонку», так это международное признание российских дипломов. Однако, во-первых, общее число выпускников, уезжающих работать за границу, ничтожно. Во-вторых, дипломы о высшем образовании выпускников известных и авторитетных институтов признавались и доселе. И, в-третьих, основной задачей государственной системы высшего образования, финансируемой из бюджета, должна быть подготовка специалистов для своей страны.

Была у «болонизации» и еще одна цель, по-видимому, едва ли не главная, – сокращение расходов. Как было замечено в одной из статей по этому поводу, «такая система убивает двух зайцев: экономит бюджетные деньги (один и тот же профессор читает лекции большему числу студентов, большинство студентов раньше заканчивает обучение) и повышает профессиональные умения новых специалистов» [2].

Надо признать, говоря языком некрасовского генерала – поклонника «чистого искусства», логика эта дика, причем отнюдь не «немножко». Увеличение аудитории всегда усложняет и чтение лекции, и ее восприятие. Хотя бы потому, что чем больше слушателей, тем труднее установить и поддерживать с ними контакт. Потому, что возрастает мера «шума» – и в терминологическом смысле, как помех в усвоении информации, и в обыденном: в аудитории возрастает вероятность галдежа. Не понимающий этого просто никогда не читал лекций. А может статься, и не посещал. Ни о каком повышении качества образования речи, конечно же, не идет. Качество образования вообще никак не зависит от его внешних форм, оно определяется «качеством» преподавателей, уровнем их образования, мерой педагогического таланта и ответственности и «качеством» обучаемых – их способностью или неспособностью воспринимать слово лектора, их интересом или безразличием к предмету, желанием или нежеланием учиться, наконец. Автору этих строк студенты Высшей школы телевидения МГУ и отделения журналистики РАН-ХиГС, годом раньше посещавшие лекции по истории философии, смогли сказать о Гегеле лишь то, что он «немецкий философ», слово «сенсимонизм» повергло весь курс в ступор, а ответом на вопрос о славянофилах и западниках было столь же единодушное безмолвие. У меня нет

никаких оснований сомневаться в компетенции лекторов, рассказывавших о зарубежном и отечественном любомудрии. И в конце концов: как бы ни читались лекции, об этих предметах говорилось точно. Остается лишь одно объяснение: лекции были прослушаны – сиречь просто не услышаны.

Что касается этого самого качества образования, здесь у идеологов и/или апологетов реформы обнаруживаются внутренние противоречия. Ректор НИУ ВШЭ Ярослав Кузьминов, с именем которого связана разработка «российской Болоньи» и который несет прямую ответственность за губительную «модернизацию» отечественной высшей школы, объяснял необходимость преобразований не установкой на повышение уровня подготовки выпускников, а необходимостью приспособиться к запросам на рынке труда – то есть, по существу, *снизить* уровень и качество знаний, требуемые от выпускников первой ступени – бакалавриата. «Сейчас у нас практически половина молодых людей 18–23 лет получают высшее образование, – замечает Ярослав Кузьминов. – Спрос же на специалистов, то есть людей с профессией, примерно в два раза ниже. От 50 до 60% выпускников нынешней высшей школы устраиваются не по специальности.

В развитых странах сфера услуг занимает 65–70% рынка труда. В России то же самое – 63%. Это линейные менеджеры, продавцы в дорожных магазинах, коммивояжеры и менеджеры ресторанов, туристических агентств и так далее». В России сейчас «не востребуются ни со стороны работодателей, ни со стороны тех, кто учатся (так в оригинале. – *A.P.*), профессиональные навыки, которые предлагает система образования в пятилетних программах. <...> Поэтому речь идет не об адаптации к каким-то зарубежным правилам, а о том, чтобы система образования отвечала реалиям нашей собственной экономики. <...> Для массового работодателя важно, чтобы кандидат на ту или иную должность был в первую очередь человеком культурным и умел разговаривать с людьми, чтобы была гарантия, что он не нахамит им. Работодателю совершенно все равно – законченное или незаконченное высшее образование» [12].

Меня аргументы «от рынка» не убеждают. Почему – мне уже пришлось писать. Если коротко: **во-первых**, потребности рынка переменчивы, и угадать спрос на профессии на четыре–шесть лет вперед возможно в лучшем случае очень приблизительно. Готовить специалистов для будущей работы можно было при плановой советской экономике,

но и то после трех лет принудительной трудовой деятельности недавние молодые специалисты нередко толпами бежали из организаций, в которые были распределены. По крайней мере, именно так обстояло дело, например, с распределением выпускников филфака МГУ в средние школы, причем многие всеми правдами и неправдами добивались увольнения до окончания срока обязательной отработки. **Во-вторых**, практические навыки, которые требует реальная работа, институтское образование, как правило, не может дать по определению, так что приобретать эти навыки и знания приходится уже в процессе работы¹¹. **В-третьих**, если для работодателя неважно, законченное или незаконченное высшее образование у работника, из этого никак не следует, что нужно отказываться от специалитета в пользу бакалавриата. Вывод должен быть иным: для такого рода работы попросту *не нужно* высшее образование вообще, и значит, по логике рассуждений Я.Кузьмина, надо просто сокращать набор в институты.

Но главное не в этом. Здесь мы сталкиваемся с принципиальным выбором: готовить выпускников с некоторыми начатками образования или стремиться к тому, чтобы окончившие институты были широко и глубоко образованными¹². Как выразил цель образования великий ученый замечательный педагог Юрий Лотман, «главная беда нашего века состоит в том, что у нас закрыты глаза и уши. И значительная часть вашего образования состоит в том, чтобы открыть глаза и уши и увидеть, как говорил Гоголь, чего не зрят равнодушные очи... <...> Люди учатся Знанию, люди учатся Памяти, люди учатся Совести. Это три предмета, которые необходимы в любой Школе <...>» [10].

Прагматический подход вступает в конфликт с подходом, который можно назвать гуманистическим. С подходом, в конечном итоге предполагающим формирование не навыков, умений и компетенций, как заявляют идеологи реформы, а мировоззрения и системы ценностей.

¹¹ *Бывшие студенты вообще часто работают не по специальности: знаю случаи, когда выпускник кафедры классической филологии стал сотрудником «Лукойла», а аспирант-русист – машинистом метро. Но для меня это не свидетельство бесцельной траты бюджетных средств, а примеры отрадной образованности и просвещенности.*

¹² *Об этом говорил даже подчиненный Я.Кузьмина, первый проректор «Вышки» Вадим Радаев в эфире программы А.Архангельского «Тем временем» 9 ноября 2015 г.*

Реформаторы сделали ставку на прагматику, но на практике в современной ситуации эта дилемма осталась неразрешенной.

Иное дело – денежная экономия, беспокоящая реформаторов. Однако она осуществима только при действительном сокращении срока обучения студентов и разительном изменении учебных планов. Только в этом случае «один и тот же профессор» начнет читать лекции «большему числу студентов». Добавим: или не начнет читать их вообще, если его предмет будет исключен из учебного плана.

Исключение дисциплин из учебных планов действительно произошло в некоторых институтах. Так, в Институте филологии (бывший филфак) МПГУ от полноценного курса по русскому фольклору оставили всего пару лекций, а администрация учебного заведения заявила о необходимости заменить часть лекционных курсов аудиоверсиями. Однако эта филологическая ампутация сопровождалась введением новых дисциплин наподобие истории русского искусства, читать которые начали обязывать... филологов!..

В целом же переход на двухступенчатую систему обучения сам по себе никакой экономии обеспечить не может, а уровень подготовки бакалавров в западных институтах, например в американских, никак не может быть эталоном (см. об этом, например: [15]). Мало того: потенциально новая система в ее российском варианте более затратна, чем старый добрый специалитет: 4 года бакалавриата (вместо 3 лет, как в других странах) плюс 2 года магистратуры – это больше, чем прежние пять. Получается, что для бюджетной экономии необходимы радикальное сокращение и числа бюджетных мест в магистратуре, и количества преподавателей и учебных дисциплин. Так что опасения и страхи, угнетавшие педагогическую среду в течение последних десяти–двенадцати лет, оказываются все-таки небеспочвенными.

**«Генерал! Наши карты –
дерьмо! Я пас»**

Идея сокращения государственных расходов на образование за счет уменьшения числа преподавателей на протяжении этих лет декларировалась многократно. Так, директор Института развития образования Высшей школы экономики Ирина Абанкина заявила о необходимости увольнения большого числа школьных учителей, поскольку соотношение их числа к количеству учеников в

России не соответствует европейским стандартам: «У нас нет ни одного региона, который справлялся бы с установленным целевым значением соотношения "учитель–ученик". Сейчас на одного учителя должно приходиться 15 учеников, но в среднем на учителя приходится 9,6 ученика. Есть и такие регионы, где и до 5,6 доходит. Относительно благополучно на фоне других ситуация выглядит в Калининграде, Чувашии, на Северном Кавказе, где на одного учителя в среднем приходится 13 учеников. Но все равно, установленной нормы в 15 учеников нет ни у кого. Таким образом мы получаем неэффективные расходы на избыточный педагогический персонал. При том, что известны зарплаты учителей, посчитать такую неэффективность очень легко. Перед регионами стоит серьезная задача по снижению неэффективности. Понятно, что довести число учеников до 15 невозможно, но оставлять все как есть нельзя. Я считаю, что показатель 1 к 15 необходимо приблизить к реальности, к примеру, снизить до уровня 12–12,5 ученика на учителя» [1].

Аналогичный принцип был декларирован в так называемой дорожной карте в области образования – распоряжении правительства РФ №2620-р от 30 декабря 2012 г. А именно: к 2018 году соотношение преподаватель / студенты планируется довести от 1 на 9,4, существовавшего на год принятия документа, до 1 на 12. Замечу, что во многих институтах на одного педагога приходится несоизмеримо меньшее количество учащихся (на филологическом факультете МГУ, например, оно 1 на 4). Преобразование должно привести к росту заработной платы (требуемому во исполнение президентских указов, принятых в мае 2012 г.) за счет сокращения преподавательского корпуса примерно на 30%, то есть более чем на 300 тысяч человек¹³. Замечу, что в случае «переброски» всех денег, высвободившихся после увольнения, на жалование оставшимся «счастливым» государством никак не обогатится, зато оно по существу освободится от своих социальных обязательств перед нищими «преподами»: увеличивать бюджетные ассигнования на зарплату не придется¹⁴.

¹³ См., например, изложение выступления министра образования Д.Ливанова на заседании правительства 7 мая 2013 года [18].

¹⁴ Впрочем, есть опасение, что государство при сокращении институтских штатов «наложит лапу» на часть тех денег, что получали увольняемые.

В действительности же чем меньше школьных учеников или студентов у одного педагога, тем лучше – при всех прочих равных условиях – осуществляется передача и усвоение знаний. Если в России учитель преподаёт меньшему числу школьников, чем в Европе, – это преимущество, а не порок России. Мнимый избыток педагогов может быть недостатком только с точки зрения бухгалтерской логики, знающей лишь одну цель – уменьшение расходов. Цель, ради которой надо избавиться от преподавателей, вдруг оказавшихся лишними и ненужными.

De facto такое грандиозное сокращение пока что не произошло – отчасти потому, что институты начали тихо саботировать реализацию этой идеи, ограничиваясь минимумом увольнений. Однако институтам было вменено в обязанность подготовить собственные планы по «оптимизации» штатов, а осенью 2015 г. ректоры нескольких московских институтов лишились своих мест за неисполнение распоряжения о повышении зарплаты сотрудников. Распоряжения, которое при прежнем бюджете институтов можно провести, только выбрасывая немалую часть сотрудников на улицу. А серьезного увеличения зарплат не произошло нигде; в некоторых институтах они остались прежними, порой для некоторых педагогов опустились ниже прожиточного минимума и пособия по безработице¹⁵.

Как видим, если не сокращение, то замораживание расходов на высшее образование было запланировано властями еще задолго до нынешнего кризиса. Причем заложено оно было даже не в «дорожной карте» 2012 года, а в Федеральном законе №83, принятом двумя годами ранее (см. его анализ: [8]). Теперь же эти траты начали прямо и беззастенчиво урезать: «В 2016 году в номинальном выражении расходы на здравоохранение сокращаются на 8%, на образование – на 8,5% (по сравнению с 2015 годом). Расходы на высшее образование в 2016 году составят лишь 78% от уровня 2012 года». При этом растут расходы на оборону и на госаппарат ([19]; см. также: [6]).

---

¹⁵ Так, например, случилось в РГГУ, который был признан Минобразом частично неэффективным и где во исполнение рекомендации Министерства был введен принцип равенства ставки 900 учебным часам в год; не дотянувшие до этого сокрушительного количества были переведены, пропорционально нагрузке, на микроскопические оклады вплоть до нескольких тысяч рублей.

Всё это отвратительно – и не только из-за вероятных сокращений и идиотского принципа пропорции 1 к 12, не то как Христос и апостолы, не то как атаман Кудеяр и его двенадцать душегубов. Надо заметить, эта пропорция не имеет ничего общего ни с показателями стран Европы, чью учебную систему столь ярко внедряет Минобраз, ни с мировой тенденцией, для которой характерно как раз *уменьшение* разрыва между числом преподавателей и студентов и пропорция 1 к 4 и даже к 2 или 3 вполне нормальна. Зарплаты повышать, конечно, надо: сейчас они отстают от мировых в несколько раз, в соотношении с некоторыми странами Европы (не самыми богатыми, как Италия) – на порядок¹⁶. Однако «дорожная карта», которой играют реформаторы, – карта крапленая, шулерская: обещанный рост окладов будет сопровождаться чудовищным, непосильным увеличением нагрузки¹⁷.

Как показал анализ «дорожной карты», «даже если преподаватели и будут в состоянии справиться с подобным ростом нагрузки, то лишь за счет отказа в самообразовании и научной деятельности. То есть высшее образование мгновенно остановится в развитии и станет школой для переростков, где они зазубривают фиксированный объем знаний». Произойдет катастрофа всей системы высшего образования, системы получения и трансляции знаний: «Сегодня преподаватели высшей школы частенько работают на полторы ставки не потому, что у них много времени, а потому, что ставки маленькие. Менеджерский прием "уволить половину, поднять зарплату остальным" неприменим в этой области не только из-за уже упомянутой специфики, но и потому, что, заплати им хоть миллион, у них не появится больше 24 часов в сутках.

Представьте себе районную поликлинику, где половину участковых терапевтов уволили, а их участки перераспределили оставшимся, пропорционально увеличив зарплату. Ужаснулись?

---

¹⁶ См. сводку данных о профессорских зарплатах в разных странах мира [14].

¹⁷ Эта нагрузка и сейчас намного выше принятой в странах Запада, в том числе в Европейском Союзе, приблизить наше высшее образование к образовательной системе которого якобы тцится минобразовские реформаторы. В Польше, например, годовая педагогическая нагрузка профессора – 100 часов, преподавателя в должности, соответствующей российскому доценту, – примерно 200 [11].

Здесь то же самое, потому что на оставшихся преподавателей наваливается **рост учебной нагрузки в 28%** (подчеркнуто в оригинале. – *А.Р.*) ([7]; См. также: [11]).

Предвижу возражения: зачем бояться этого увеличения объема работы, если педагоги уже сейчас совмещают преподавание в двух–трех местах, волоча дополнительную нагрузку и в 28% от основной, и большую? А так – будут читать лекции да вести семинары на одном месте, не мотаясь из института в институт! Однако, во-первых, далеко не все сейчас совмещают ведение занятий в нескольких институтах, работают на полторы и более преподавательские ставки: есть те, кого одна ставка более или менее устраивает. Устраивает в том смысле, что они предпочли бы сохранить status quo, чем выматываться за большие деньги. Иные находят разрешение финансовых проблем в научных грантах. Другие – в репетиторстве, приносящем неплохие и более легкие, чем чтение лекций в высшей школе, доходы. У кого-то (и таких немало в стареющем российском преподавании) подспорьем, пусть и небольшим, является пенсия; у кого-то полставки в академическом институте. Или бизнес. Или периодические «набеги» в зарубежные университеты, обеспечивающие безбедное существование на многие месяцы по возвращении в отечество. Или богатые родственники, дарящие возможность заниматься преподаванием как хобби или «энтузиастическим» служением, не превращая работу в институте в источник средств для пропитания. За постсоветское время преподаватели высшей школы худо-бедно, но приспособились к выживанию. Да, это система выживания архаичная, на фоне мирового опыта дикая и постыдная. Но в стране, где по официальным сведениям около 25 миллионов добывает средства вообще неизвестно как, занимаясь неизвестно чем, такое положение вещей по-своему закономерно. Обещанные и ожидаемые преобразования даже при увеличении окладов способны нанести урон финансовому положению многих педагогов, отнимают у них возможность заниматься наукой, самообразованием, реальным повышением квалификации, а всю систему ввергают в состояние неопределенности и в хаос.

Даже существующая или доселе существовавшая и средняя, и нормативная институтская педагогическая нагрузка, значительно большая, чем характерная для западной образовательной системы, ставит российские учебные институты в неравные отношения и с зарубежными университетами, и с отечественными академическими институтами. Что уж

говорить о нагрузке еще (и значительно) большей!.. Ни для самообразования, ни для обновления учебных курсов, ни для полноценной научной работы, которая абсолютно необходима хотя бы в ведущих университетах, признанных официально или имеющих все основания считаться научно-исследовательскими, времени просто *не будет*. «Дорожная карта» образовательной реформы – это дорога в никуда. Или, как написал некогда Иосиф Бродский по совсем другому поводу: «Генерал! Наши карты – дерьмо. Я пас» [4].

Ход реформы российского образования с неизбежностью свидетельствует об одном: у нее отсутствует какая бы то ни было ясная цель, за ней не стоит никакой концепции. Реформу тащат крыловские Лебедь, Рак и Щука, грозя разорвать несчастное образование в клочья: с одной стороны, это желание сделать «красиво», как на Западе; с другой – вроде бы что-то переменить к лучшему с позорными зарплатами отечественных педагогов; с третьей – жажда по-плюшкински сэкономить на бюджете. Ситуация пока еще некатастрофична не благодаря реформам, а вопреки им. Только потому, что они пока не осуществились во всей своей левиафановской мощи.

Хороша или плоха западная образовательная модель, но это некоторая система, отработанная на протяжении многих десятилетий. Между тем отечественные «инноваторы» и «болонолюбы» стали высеивать на ниве российской высшей школы ее отдельные элементы, оторванные от целого: внедрим две ступени и объявим высшую школу главной сферой отечественной науки, но оставим нищенскую зарплату и/или навьючим «преподов» часами «по самое не могу». Нет, чтобы сделать оклады европейскими или наделить российского профессора статусом американского Full Professor – фигуры неувольняемой и неприкасаемой! Но это, братцы, не про нас...

* * *

Как известно, русские болонки действительно существуют: собачки с шелковистой шерстью и без документов, удостоверяющих родословную, появившиеся в Ленинграде вскоре после войны, были в начале 1950-х годов признаны Ленинградской секцией декоративного собаководства как особая породная группа. Впрочем, Международная кинологическая ассоциация породу не зарегистрировала.

Библиографический список

1. Абанкина И. Школ должно быть меньше. URL: <http://slon.ru/blogs/abankina/post/417258/> (дата обращения: 21.11.2015).
2. Багров А. Игорь Шувалов разрушил монополию Михаила Касьянова // Коммерсантъ. 2003. 22 декабря.
3. Болонская конвенция в России. Мы станем ближе к Европе, но лишимся талантов // URL: <http://www.point.ru/education/2007/09/04/10447/>(дата обращения: 14.11.2015).
4. Бродский И. Письмо генералу Z // Бродский И. Избранные стихотворения: 1957–1992. М.: Панорама, 1994. С.110–114.
5. В гостях Андрей Фурсенко. Ведущий А.Венедиктов. URL: <http://echo.msk.ru/interview/36980> (дата обращения: 14.11.2015).
6. Делягин М. Правительство форсирует уничтожение образования и здравоохранения // Аргументы и факты. 2015. 24 апреля. URL: <http://www.aif.ru/society/opinion/1497518> (дата обращения: 14.11.2015).
7. Каменецкий А. Дорожная карта образования»: похоже, это тупик // Однако. 2013. 15 мая. URL: <http://www.odnako.org/blogs/dorozhnaya-karta-obrazovaniya-pohozhe-eto-tupik/> (дата обращения: 15.11.2015).
8. Кузбасский С. Действительные угрозы бюджетной реформы. URL: <http://netreform.org/authors/kuzbsergei/deystvitelnyie-ugrozyi-byudzhetnoy-reformyi/> (дата обращения: 18.11.2015).
9. Ливанов: Государство готово оплатить студентам учебу за рубежом URL: <https://news.mail.ru/politics/23891874/?frommail=1> (дата обращения: 20.11.2015).
10. Лотман Ю.М. Чему же учатся люди? // Ю.М.Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С.459–462.
11. Неклюдов С. Гильотина как эффективное средство от мигрени: О разгроме высшего образования. URL: <http://polit.ru/article/2012/11/27/edu/> (дата обращения: 20.11.2015).
12. Получить диплом – и... в Париж // Литературная газета. 2006. №20. 24 мая.
13. Разговоры с профессорами. Андрей Зорин, филолог, историк: «Ничему нельзя научиться в душевной аудитории». [Интервью Александру Горбачеву]. URL: <http://www.afisha.ru/article/andrej-zorin-filolog-istorik/> (дата обращения: 20.11.2015).
14. Сколько стоит профессор. URL: <http://www.pravmir.ru/skolko-stoit-professor/> (дата обращения: 20.11.2015).
15. Теряева Н. О правильном воспитании флюса // URL: http://www.odnako.org/blogs/show_20980/ (дата обращения: 20.11.2015).
16. Учеба. URL: http://artesliberales.spbu.ru/academics/academic_calendar (дата обращения: 11.11.2015).

АПОКАЛИПСИС НАШЕГО ВРЕМЕНИ / APOCALYPSE NOW

---

17. Хорькова М., Сопова А. Плюсы и минусы Болонской конвенции. Беседа с А.В.Архангельской // Единый государственный экзамен: Белая книга / Сост. В.Я.Линков, В.А.Недзвецкий, И.В.Петровицкая. М.: Факультет журналистики МГУ, 2008. С.170–171.
18. Численность преподавателей вузов в России на 30% превышает нормативы. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2013/05/07/1126085.html> (дата обращения: 11.11.2015).
19. Эксперты ВШЭ предупредили о возможности остаться без флота и ракет. URL: <https://news.mail.ru/economics/23859076/?frommail=1> (дата обращения: 8.11.2015).

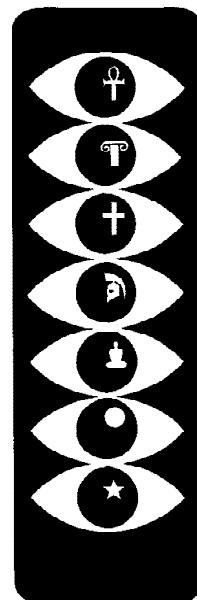
(Окончание следует)

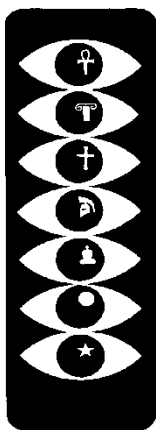
...свидетельство, доверенное другому, передает истории энергию декларативной памяти. Однако живое слово свидетеля, превратившееся в письмо, растворяется в массе архивных документов, которые связаны с новой парадигмой — парадигмой «признаков», охватывающей собой следы любого рода. Не все документы являются свидетельствами, хотя ими являются также те документы, которые «свидетельствуют помимо своей воли». Более того, не все факты, считающиеся установленными, являются конкретными событиями. Многие события, признаваемые историческими, никогда не были чьими-либо воспоминаниями.

Поль Рикер

**Личность характеризуется
не только тем, что она делает,
но и тем, как она это делает.**

Фридрих Энгельс

Валентина Марьяна

**ГУСТАВ ГУСАК:
СЛОВАКИЯ,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ,
СССР**

ВЗГЛЯД ИЗ 1945 ГОДА И НЕ ТОЛЬКО

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
94(4) "1944..."
929

В статье рассказывается о личном знакомстве автора с Гусаком после его реабилитации и снятия обвинения в «буржуазном национализме», рассматриваются обстоятельства его появления в Москве в начале 1945 года, анализируются подготовленные им в это время документы, касающиеся Словацкого национального восстания 1944 года и положения в Словакии, описан второй приезд Гусака в Москву в марте 1945 года для обсуждения программы сформированного здесь чехословацкого правительства, представлены взгляды Гусака на государственно-правовое устройство послевоенной Чехословакии, на положение Словакии в Чехословацкой республике после её восстановления, показано его отношение к СССР.

The author relates her personal acquaintance with Husak that took place after rehabilitation of Husak and his exoneration from accusation in the "bourgeois nationalism" considers circumstances of Husak's appearance in Moscow in early 1945, analyzes documents prepared by Husak and connected with the Slovakian national uprising and situation in Slovakia. The author also describes the second visit of Husak to Moscow in March, 1945, for discussion of the program advanced by Czechoslovakian government which had been formed in the USSR, and presents Husak's opinion in respect of state and legal construction of the post-war Czechoslovakia and of condition of Slovakia in Czechoslovak Republic after its restoration and demonstrates Husak's attitude to the USSR.

Ключевые слова: Густав Гусак; Чехословакия; Чехословацкая республика; Словакия; СССР; 1945 год; Москва; Словацкое национальное восстание; Словацкое национальное восстание.

The key words: Gustav Gusak; Czechoslovakia; Slovakia; the USSR, 1945; Moscow; the Slovakian national uprising

E-mail: moscow.slav@gmail.com

В апреле 1954 г. в Чехословакии состоялся последний из серии так называемых «монстрпроцессов» процесс по делу «словацких буржуазных националистов». Одним из его главных обвиняемых являлся Густав Гусак, первый (1969), а затем генеральный (1971–1987) секретарь ЦК КПЧ, последний президент ЧССР и единственный словак на этой должности (1975–1989). Он, член компартии с 1933 г., член ЦК КПЧ, депутат Национального собрания ЧСР, был без предъявления обвинения арестован в начале 1951 г., а в 1954 г. осужден на пожизненное заключение. С 1951 по 1960 г. он провел в тюрьме. По амнистии 9 мая 1960 г. Г.Гусак вышел на свободу под подписку о невыезде, а 17 февраля 1961 г. на основе личного помилования президента ему было возвращено чехословацкое гражданство. Юрист по образованию, он получил разрешение работать в юридическом кабинете Словацкой Академии наук. В 1963 г. Гусак был реабилитирован и восстановлен в компартии. Тогда же я, сотрудник Института славяноведения АН СССР, находясь в научной командировке в Чехословакии, познакомилась с будущим президентом ЧССР. Встречу организовал профессор Милош Госиоровский, с которым я была хорошо знакома.

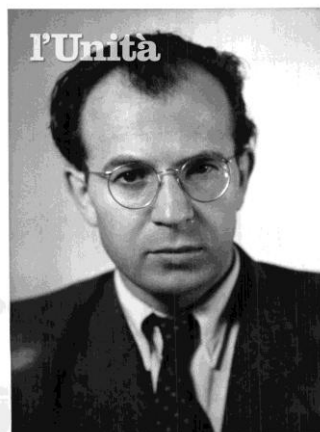
Знакомство с Г.Гусаком

В начале 1960-х годов меня в научном плане интересовала история Словакии первых послевоенных лет. Осенью 1963 г. я приехала в Братиславу для сбора материала по этой теме. Узнав об этом, М.Госиоровский предложил мне организовать встречу с Г.Гусаком, свидетелем и активным участником событий тех лет в Словакии. Тогда Гусак работал над книгой о Словацком национальном восстании 1944 г.¹, одним из участников и руководителей которого он являлся. Встреча состоялась в здании Словацкой Академии наук, ученым секретарем которой тогда был сын Карола Шмидке, одного из руководителей Пятого нелегального руководства Коммунистической партии Словакии (КПС) в годы войны. К.Шмидке умер в 1950 г., избежав

---

¹ Книга вышла в 1964 г. к 20-летию Словацкого национального восстания. Она стала своего рода бестселлером, означала решительный поворот в историографии восстания и многие годы оказывала влияние на нее. Являвшая собой сплав мемуаров и документально-го исследования, работа была защищена ее автором на степень кандидата исторических наук. Когда Г.Гусак стал первым секретарем ЦК КПЧ, книга была срочно переведена на русский язык [24; 6].

Г.Гусак. 1945 год

тем самым печальной участи своих товарищей: Г.Гусака и известного поэта-коммуниста Л.Новомеского.

В первые послевоенные годы Гусак активно участвовал в строительстве «новой» жизни в Чехословакии, занимая различные посты в партийном и государственном аппаратах Словакии. Он возглавлял ведомство внутренних дел, являлся председателем словацкого правительства – Корпуса уполномоченных. И, конечно, не без его участия была раскручена в начале 1950-х гг. машина политических репрессий, под колеса которой он сам и попал благодаря усилиям, в первую очередь, своего недруга в руководстве КПС Вильяма Широкого, будущего видного партийного и государст-

венного деятеля ЧСР (ЧССР). Г.Гусак еще в период войны высказывался за федеративное устройство возрожденной Чехословакии, а Широкий стоял близко к Праге и отстаивал принцип централизованного управления страной. После прихода к власти (1948) коммунистов идея федерализма, к этому времени уже «спущенная на тормозах», казалось, канула в Лету [См. подробнее: 15]. Г.Гусак, конечно, не был словацким «буржуазным националистом», но в том, что он являлся словацким патриотом, политиком, отстаивавшим интересы словацкого народа, нет сомнения.

К моему великому сожалению, я постеснялась делать записи во время беседы, не зная, как это может воспринять Гусак. Вечером в отеле я сделала короткие заметки о встрече, потом потерянные. Но общее направление разговора и позиции Гусака помню. Мы сидели с Госиоровским за небольшим круглым столом, когда в зал вошел, как мне показалось, высокий стройный человек в темно-сером костюме. Гусаку было тогда около 50 лет (он родился в 1913 г.). Госиоровский представил нас. «Как мне Вас называть? – спросила я. – Мне было бы удобнее по имени и отчеству». «У нас нет отчества», – ответил он, но все же сказал, что его отца звали Никодим. Так я и обращалась к нему во время нашей двухчасовой беседы: Густав Никодимович. Я задавала вопросы, подготовленные заранее, он отвечал.

Тогда Гусак, как уже говорилось, работал над книгой о Словацком национальном восстании (СНВ), и, естественно, в беседе затрагивались вопросы о роли словацких коммунистов в его подготовке и ходе, а также в событиях 1945–1948 гг. Не помню, чтобы шла речь о решении словацкого национального вопроса в эти годы, об аресте Гусака, его отношении к В.Широкому и президенту ЧСР/ЧССР (1956–1968) А.Новотному, о политическом процессе и годах, проведенных в тюрьме. Скорее всего, эти вопросы из-за их остроты и болезненности для моего собеседника я не рискнула затронуть, хотя никто меня не ограничивал в их выборе. Гусак много говорил об особенностях развития революционного процесса в Словакии в послевоенные годы, о политике компартии и ее партнера по Национальному фронту чехов и словаков Словацкой Демократической партии, о причинах победы «демократов» в Словакии на парламентских выборах в Чехословакии в 1946 г., о политическом кризисе в Словакии осенью 1947 г. Когда я задала вопрос о том, действительно ли Демократическая партия готовила заговор², который был раскрыт и ликвидирован, Гусак, немного помолчав, сказал: «Они же («демократы». – В.М.) выступали против коммунистов». Ответ, таким образом, был не прямой, а косвенный и как бы содержал скрытый намек на то, что этот заговор и разоблачение заговорщиков нужны были для утверждения власти коммунистов [См. подробнее: 20, с.59–66]. А Г.Гусак был активным сторонником их полной победы. Больше я с Гусаком не встречалась.

В этот мой приезд в Словакию (конец 1963 – начало 1964 г.) я стала свидетелем важных для нее событий: снова в политической повестке дня оказался словацкий вопрос, который будоражил, прежде всего, интеллигентские умы, но затронул и все общество. С чем это было связано? В июле 1960 г. общегосударственная конференция КПЧ наметила конкретную программу «всестороннего развития социалистического общества». В одобренной Национальным собранием новой конституции Чехословакия характеризовалась как социалистическое государство, которое стало именоваться Чехословацкая социалистическая республика (ЧССР). Провозглашая равноправие чехов и словаков, конституция одновременно значительно ограничила компетенцию словацких национальных органов. Мотивировалось это тем, что, дескать, неизбежное сближение наций в условиях социализма приведет в ближайшей перспективе к их слиянию. Фактическое ущемление прав словаков и вызва-

---

² В начале 1960-х гг. уже во всю шли разговоры о фальсификации и искусственном конструировании заговора.

ло недовольство в интеллигентских кругах словацкого общества. Кроме того, реабилитация политических заключенных, в том числе и т.н. словацких буржуазных националистов, проходила недостаточно активно и последовательно, хотя в августе 1962 г. была создана и начала работать комиссия «по пересмотру важнейших политических процессов против лиц, занимавших высокие политические посты». Под давлением общественности в Праге развернула деятельность и комиссия по пересмотру дела «словацких буржуазных националистов» (т.н. Барнабитская комиссия), в которой работало много историков. Вопреки ожиданиям партийно-государственной верхушки ЧССР комиссия не подтвердила наличия в словацкой компартии в послевоенные годы «буржуазно-националистического уклона». Президенту ЧССР А.Новотному не удалось воспрепятствовать возвращению в политику Г.Гусака, который теперь уже вступил на политическую сцену как его активный противник. Думаю, что немалую роль в том, что словацкое общество пришло в движение, сыграли и «самиздатовские» материалы – письма Гусака «наверх» с просьбой о его полной реабилитации по государственной и партийной линиям. Эти материалы, напечатанные на пишущей машинке на тонкой (папиросной) бумаге, чтобы можно было сделать как можно больше закладок, распространялись по Братиславе, а может, и в других городах, главным образом среди интеллигенции [См. подробнее: 13]. Получила их и я, как представитель страны, к голосу которой в Словакии тогда еще прислушивались и где дело с реабилитацией политзаключенных, по мнению словаков, шло хорошо. Мне эти нелегально распространяемые материалы были даны с наказом передать их в Москве, кому я сочту нужным. Письма «в интересах конспирации» были помещены в картонные папочки, на которых было написано что-то вроде материалы обсуждения истории КПЧ. С ужасом вспоминаю, какого страха я натерпелась, перевозя эти папочки через границу. Но, к счастью, все обошлось. Встал вопрос, кому все это передать? В ЦК КПСС? В отдел внешних сношений АН СССР? В дирекцию Института? Но как этими материалами во всех этих инстанциях распорядятся? И как вообще отнесутся к моей «курьерской» роли и общению со словацкими диссидентами? Это был конец 1963 – начало 1964 г. В Советском Союзе кончалось время «хрущевской оттепели» и обозначились признаки «заморозков». Какой-либо уверенности в том, что привезенные мной материалы могут помочь решению словацкого вопроса, у меня не было. Поэтому и мысль об их передаче куда-то, кому-то постепенно исчезла из моей головы. Я оставила эти материалы у себя. Думаю, что поступи-

ла правильно: теперь, по крайней мере, как историк я смогла их использовать [См.: 12; 11].

Как свидетельствуют эти материалы, да и вся политическая жизнь Г.Гусака, он был искренним другом Советского Союза и не критически, по крайней мере публично, воспринимал всю историю нашей страны, включая ее «черные страницы». Свое отношение к Советскому Союзу Гусак в письме А.Новотному с просьбой о реабилитации (декабрь 1962 г.) характеризовал так: «В международном коммунистическом движении отношение к СССР рассматривается как пробный камень пролетарского интернационализма, и всей партии, и отдельных людей. Хочу сказать несколько слов о себе в этой связи. С молодых лет я был верным другом Советского Союза, горячим пропагандистом идей Октябрьской революции и Коммунистической партии Советского Союза. Никогда ни на минуту я в этом своем отношении к СССР не проявил колебаний. Ни в период моей активной политической деятельности, ни в тюрьме, ни сегодня. Когда меня в 1950 г. критиковали, с 1951 г. допрашивали и потом судили, то не могли найти ничего, что могло бы указать на мое неправильное отношение к СССР. А ведь к этому стремились изо всех сил... Вся моя жизнь была проникнута любовью и преданностью ко всему советскому и русскому, начиная с политических отношений и кончая культурой, литературой и личным отношением... Я всегда был и останусь верным сторонником СССР» [21, с. 47, 58–64]. Надо сказать, что среди словацких коммунистов было много приверженцев лозунга «За советскую Словакию», выдвинутого нелегальным руководством Коммунистической партии Словакии (КПС) в мае 1941 г. Несмотря на то, что он был раскритикован Заграничным бюро КПЧ в Москве как чреватый изоляцией коммунистов от масс, идея советской Словакии и на завершающем этапе войны, особенно в связи с приближением Красной армии к границам страны, имела немало сторонников среди членов КПС. По свидетельству Г.Гусака, этот лозунг «сильно укоренился среди рядовых работников партии. Старые подпольные работники... видели в приближающейся Красной армии возможность осуществления революционной цели словацкого пролетариата и часто выдвигали вопрос о социалистической революции и о включении Словакии в состав СССР» [8, с.68]. И еще: «Члены партии этот лозунг воспринимали как официальную линию партии и, надо сказать, принимали его с радостью...Что может быть лучше для убежденного коммуниста, чем жить в социалистической республике, связанной с СССР. И я понимал это точно так же. Я вообще не знаю случая, чтобы кто-то в те годы в партии выступал против [этого]» [цит. по: 28].

В документе «О развитии и ситуации в Словакии» (7 июля 1944 г.), написанном в основном Г.Гусаком и привезенном в Москву К.Шмидке для информирования советского руководства о положении дел в Словакии, в связи с вопросом о ее будущем государственно-правовом статусе говорилось: «...наиболее желательна комбинация с СССР, а если ЧСР, то национально федеративная и социалистическая» [23, s.335–336]. И во время СНВ идея советской, социалистической Словакии еще не была снята с повестки дня. В передовой статье для журнала *Нове слово* (Банска Быстрица, 24 сентября 1944 г.) Г.Гусак писал: «Следует раз открыто сказать, что наш народ воодушевленно приветствовал бы, если бы между нами и остальными славянскими народами, особенно между словаками и русскими, не существовало границ и таможенных барьеров, если бы словацкий человек своей родиной считал территорию не только от Аша до Ясины, но от Аша до Владивостока» [25, s.23; 29, s.366]. На конференции представителей заводских комитетов в Подбрезовой (середина октября 1944 г.) громко звучали голоса с требованием социалистической Словакии и ее присоединения к СССР. Секретарь ЦК КПС Э.Фриш в июле 1945 г. утверждал, что в период Словацкого национального восстания «компартия жила идеями борьбы за присоединение Словакии к СССР» [3, п.139, д.4, л.6]. Руководство социалистической идеологией, преобразование общества на началах социализма, опора на теорию марксизма-ленинизма и опыт СССР, творчески претворившего ее в жизнь, – такие призывы звучали из уст Г.Гусака, главного докладчика на Объединительном съезде словацких коммунистов и социал-демократов 17 сентября 1944 г. в Банской Быстрице. «Революционную теорию следует дополнить революционной практикой нашей партии», – считал он [26, s.35]. В резолюции съезда говорилось: «Мы будем опираться на могучий Советский Союз и его Красную армию, на непобедимый блок славянских народов и государств... призываем всех к организованной борьбе против фашизма и за социализм» [26, s.40].

**Вопросы идеологии.
Позиция Москвы**

Но Москва тогда выдвижение социалистических лозунгов считала несвоевременным и вредным. Наоборот, она сдерживала леворадикальные тенденции, проявлявшиеся в компартиях стран Восточной Европы, советовала не спешить с выполнением программы-максимум. В том, что Советский Союз, по крайней мере на этом этапе, отказался от идеи советизации стран этого региона, Сталину

удалось убедить, в частности, даже У.Черчилля. 22 октября 1944 г., т.е. после переговоров в Москве, где была достигнута договоренность о т.н. процентном соглашении (разделе сфер влияния в ряде стран указанного региона) Черчилль писал Ф.Д.Рузвельту: «Д.Д (дядюшка Джо. – В.М.) хочет, чтобы Польша, Чехословакия и Венгрия образовали сферу независимых антинацистских просоветских государств» [16, с.209]. Термин «просоветских», судя по контексту, тут следовало понимать как дружественные СССР. В записке М.М.Литвинова на имя В.М.Молотова (от 11 января 1945 г.) намечалась даже «максимальная сфера интересов или, лучше сказать, безопасности» СССР. Она, по мнению Литвинова, должна была охватывать Финляндию, Швецию, Польшу, Венгрию, Чехословакию, Румынию, Югославию, Болгарию, Турцию [18, с.595–596]. Чехословакии при этом отводилась особая роль, ее предлагалось рассматривать (записка И.Д.Майского от 11 января 1944 г.) как форпост советского влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе [18, с.342, 353]. Намечалась иная, более гибкая, чем прежде, линия проведения в указанном регионе советской политики. Она была рассчитана не на сиюминутный, а постепенный результат при опоре на внутренние силы, активных борцов против фашизма, прежде всего коммунистов, занявших или поставивших цель занять прочные позиции в органах новой власти. При этом термины «советизация», «большевизация», «социалистическая революция», «социализм», «коммунизм», «диктатура пролетариата» были исключены из официального лексикона советских руководителей, партийных функционеров и прессы. Соответствующие инстанции внимательно следили за тем, чтобы к подобным выражениям при определении своей политической линии публично не прибегали и руководители «братских» коммунистических партий.

Об этом свидетельствует следующий пример. В Отделе международной информации (ОМИ) ЦК ВКП (б) для возглавлявшего его Г.Димитрова был подготовлен (ноябрь 1944 г.) обзор словацкой повстанческой *Правды* с критикой статей некоторых авторов, в частности К.Шмидке, за употребление таких выражений, как

- «вести трудящихся по новому пути к социализму завтра»;
- коммунисты и социал-демократы, находящиеся «под влиянием идей Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина»;
- единство, направленное «на борьбу против фашизма и за победу социализма»;
- лучшее будущее «в новом свободном социалистическом государстве» и др.

«Эти формулировки и положения, на мой взгляд, – делал вывод автор записки, – не могут способствовать расширению базы национально-освободительной борьбы в Словакии, а посему считаю необходимым подправить словацких товарищей» [7, д.554, л.62–75].

По всей видимости, именно после того, как этот критический обзор попал на стол Г.Димитрова, в декабре 1944 г. состоялась его встреча с рядом находившихся в СССР чешских и словацких коммунистов. Официальная линия Кремля на создание именно дружественных несоветских (народно-демократических, по терминологии того времени) государств на западных границах Советского Союза была тогда отчетливо сформулирована заведующим³ ОМИ ЦК ВКП (б): «Вопрос советизации Чехословакии не ставить. Сегодня не будем гадать, когда придет время, чтобы поставить вопрос о советизации Чехословакии. Это не так легко, как многие думают. Чехи и словаки должны сами вступить на путь к советской власти, собственным развитием. И мы также должны подвести народ к социализму и советской власти, систематически подготавливая его политически, идеологически. Те люди в Словакии, которые чересчур спешат в отношении советской власти, должны быть попридержаны. Как Сталин правильно сказал, нужно идти шаг за шагом, и прежде, чем сделать следующий шаг, нужно закрепить завоеванные позиции» [31, с.17–18]. Тогда Димитров определенно высказался за сосуществование чехов и словаков в едином Чехословацком государстве, причем не исключалось его устройство на федеративных началах.

Рекомендации, прозвучавшие из уст Димитрова, свидетельствовали, как представляется, что

- во-первых, идея социалистической революции не была отброшена за ненадобностью, а лишь снята с повестки дня как несвоевременная;
- во-вторых, что мыслилось ее поэтапное осуществление, первым шагом на пути к чему и являлись народно-демократические режимы.

Сколько длительным будет этот путь, тогда никто не мог предположить, хотя, например, в записке И.Д. Майского (январь 1944 г.) по вопросам послевоенного мирного урегулирования срок превращения Европейского континента в социалистический определялся в 30–50 лет [19, с.56].

---

³ *Общее руководство Отделом было возложено на В.М.Молотова.*

Заграничное бюро Коммунистической партии Чехословакии (ЗБ КПЧ), развернувшее свою деятельность в Москве еще в 1939 г., приняло линию Москвы как руководство к действию. В 1944–1945 гг. в связи с близящимся освобождением Чехословакии (Словакии и Чешских земель) Красной армией этот виртуальный план начал постепенно приобретать конкретные очертания. Разработки ЗБ КПЧ, как следует из опубликованных документов и архивных материалов, проходили через руки Димитрова. С ним, в частности, обсуждались предложения руководителей КПЧ «О некоторых переходных мероприятиях на освобожденных территориях Чехословацкой республики», датированные 14 апреля 1944 г. [7, д.551, л.19–27]. Видимо, уже осенью того же года стал обдумываться вопрос о составе будущего правительства восстановленной ЧСР. Именно тогда в ОМИ ЦК ВКП (б) оказались подготовленные коммунистами характеристики на членов чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне, в которых особое внимание обращалось на отношение того или иного деятеля к компартии и СССР. Были подготовлены и характеристики на членов Словацкого национального совета (СНС), руководившего СНВ, К.Шмидке, Г.Гусака, Л.Новомеского, В.Шробара, Я.Урсини, Й.Леттриха и др. Все они, и коммунисты, и представители буржуазных группировок, характеризовались положительно как участники национально-освободительной борьбы в Словакии. ОМИ получил от ЗБ КПЧ и сведения о членах ЦК КПС (в т.ч. и Гусака), избранных на Объединительном съезде словацких коммунистов и социал-демократов в сентябре 1944 г. [6, д.774, л.1–8]

Г.Гусак в Москве

Как известно, Словацкое национальное восстание потерпело поражение. Часть его участников ушла в горы и продолжила борьбу партизанскими методами, часть разошлась по домам, часть попала в плен к немецко-фашистским оккупантам. Среди пленных оказались и военные руководители восстания Р.Виест и Я.Голиан, которые сначала были отправлены в Берлин, затем в концентрационный лагерь, где их следы и затерялись. Скорее всего, они были казнены. Г.Гусак вместе с другими руководителями восстания тоже ушел в горы. Вплоть до подхода частей Красной армии он скрывался у местного населения. 21 декабря 1944 г. деревня, где находился Гусак, по его словам, была освобождена Красной армией, и он обратился к одному из офицеров с просьбой информировать Москву о своем местонахождении. Кроме того,

он выразил желание «обсудить некоторые вопросы»⁴, а затем отбыть на освобожденную территорию Восточной Словакии для участия в деятельности делегации СНС⁵. 23 декабря Гусак был отправлен в штаб 2-го Украинского фронта (командующий маршал Р.Я.Малиновский), куда прибыл 26 декабря. В течение месяца, до 25 января 1945 г., органы управления фронта «работали» с Гусаком, проверяя его личность и используя полученную от него информацию о положении в Словакии в оперативных целях⁶. Затем он был переправлен сначала в Михаловце (Восточная Словакия), а оттуда в Москву, куда прибыл, по его словам, 31 января 1945 г. Здесь Гусак некоторое время, по всей видимости, находился в СИЗО (следственном изоляторе) НКВД в целях подтверждения его личности. Несколько раз с ним виделся К.Готвальд, который попросил письменно изложить его взгляд на подготовку и ход СНВ, политическое и экономическое положение Словакии, отношения словаков и чехов и т.д. Документы РГАСПИ и АВП РФ свидетельствуют, что Гусаком собственноручно были написаны две справки. Одна, более краткая, на немецком языке – «Политическая ситуация в Словакии (в конце 1944 г.)» – была, вероятно, написана Гусаком для органов управления 2-го Украинского фронта, а затем направлена в ГлавПУРККА и разведывательное управление Генерального штаба Красной армии⁷. Перевод этого документа на русский язык ОМИ ЦК ВКП (б) получил 3 февраля 1945 г. В сопроводительной записке, подписанной генерал-полковником Ф.Кузнецовым (Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии), говорилось: «Посылаю Вам перевод собственноручного доклада д-ра Гусак Густава. Приложение: упомянутое на 16 стр.». В докладе рассматривались следующие вопросы: 1. Словакия как самостоятельное государство. 2. Фашистская партия. 3. Силы антифашистского движения в Словакии. 4. Словацкая народная рада (Словацкий национальный совет. – В.М.). 5. Словацкая армия. 6. Словацкие партизаны. 7. Словацкое восстание. 8. Славянские традиции в Словакии. 9. Словаки и чехи. 10. Выводы [6, д.774, л.54–70].

⁴ Скорее всего, сообщить известные ему сведения о положении в Словакии.

⁵ Предполагалось, что делегация должна была заняться налаживанием мирной жизни.

⁶ Информацию о «переходе Гусака на нашу сторону в Чехословакии» С.А.Лозовский, руководитель Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС), получил от Главного политического управления рабоче-крестьянской Красной армии (ГлавПУРККА) 11 января 1945 г. [2, п.134, д.24, л.3-4].

⁷ 11 января 1945 г. Лозовский получил и доклад Гусака, который поступил также А.Я.Вышинскому и В.А.Зорину [2, п.134, д.24, л.3-4].

Другой, более пространный документ «О положении в Словакии», написанный на пишущей машинке и датированный 5 февраля 1945 г., был подготовлен Гусаком по просьбе К.Готвальда для ЗБ КПЧ. Перевод доклада на русский язык (90 страниц) ОМИ ЦК ВКП (б) получил 20 февраля того же года [6, д.774, л.128–218]. В нем автор касался следующих вопросов: 1. Краткий обзор возникновения и развития Словацкой республики. 2. Характеристика правящей Глинковской словацкой народной партии. 3. Роль и влияние католицизма. 4. Заметки об экономическом положении Словакии, в том числе о развитии промышленного производства. 5. Идея самобытности словацкого народа и словацкой государственности. 6. Коммунистическая партия Словакии. 7. Прочая оппозиция в Словакии. 8. Словацкий национальный совет. 8. Словацкое национальное восстание (самый большой раздел). 9 Партизаны⁸. 10. Причины военного поражения восстания. 11. После восстания 12. Баланс восстания.

Сравнение обоих документов показывает, что первый из них содержал более радикальные оценки и мнения относительно политики КПС и настроений в Словакии, нежели второй. Аннотация этих документов была представлена Г.Димитрову 8 марта 1945 г. и внимательно им изучена. Особый интерес, судя по пометам, вызвали места документа, касающиеся оценок политики и влияния КПС:

- «ведет за собой весь рабочий класс, значительную часть интеллигенции и мелких крестьян»;
- программа партии после ее объединения с социал-демократами «является марксистско-ленинской»;
- рабочие массы считают СССР «образцом в разрешении социальных и экономических вопросов»;
- «славянские традиции и социалистическая ориентация играют большую роль в Словакии»;
- КПС «ставит на первое место в своей работе борьбу против немцев и предателей, однако она не может забывать о своей ответственности и за достижение своих дальнейших политических целей» [6, д.557, л.21–40; д.774, л.234–253].

Г.Гусак находился в Москве примерно 3 недели. За это время он неоднократно встречался с Готвальдом. Обсуждались вопросы политики КПЧ/КПС на освобожденной территории ЧСР (Словакии) и программ-

---

⁸ Этот раздел, написанный в критическом тоне, был изъят из публикации документа в 1965 г. [32, с.944–976] и опубликован чешским историком В.Пречаном сначала за границей, а затем в Чешской республике [30].

ные цели обеих компартий⁹. Из бесед с Готвальдом Гусак получил и более четкие представления о позиции советского руководства о политике СССР в странах, на территорию которых с освободительной миссией вступала Красная армия. Именно в это время, 23 января 1945 г., состоялась встреча Готвальда со Сталиным, о которой мало что известно в историографии, поскольку Готвальд не оставил мемуаров. Встреча проходила сначала вечером в Кремле в кабинете В.М.Молотова, где речь шла о положении в Закарпатье и где Сталин в присутствии Готвальда продиктовал известное письмо Э.Бенешу о будущем этого края [См. подробнее: 10, с.129–135]. После чего встреча продолжилась на даче у Сталина, куда советский лидер пригласил Готвальда и где обсуждались уже другие вопросы. До этого Готвальд весьма активно общался с Димитровым, но контактов с советским руководством на высшем уровне у него пока не было. Надо заметить, что к тому времени Сталин уже встречался с некоторыми коммунистическими политическими деятелями стран Восточной Европы: Анной Паукер и Г.Георгиу-Дежем (Румыния), А.Хебрангом (Югославия). К началу 1945 г. существовали просоветские правительства в Польше, Болгарии, Венгрии, Югославии. В январе 1945 г. Красная армия вела активные боевые действия на территории Восточной Словакии: 20 января Москва салютовала войскам 4-го Украинского фронта, освободившим словацкие города Прешов, Кошице, Бардейов [9, с.276–277].

Пригласив Готвальда к себе на дачу, Сталин, видимо, хотел составить личное впечатление о лидере чехословацких коммунистов и дать ему соответствующие рекомендации. Давались ли Готвальду какие-либо советы, касающиеся политики КПЧ в освобожденной стране, действительно не известно. Но можно предположить, что если не прямо, то косвенно давались. Готвальд был достаточно опытным политиком, чтобы уловить смысл сказанного советским руководителем. О встрече с Молотовым и Сталиным Готвальд сообщил чехословацкому послу З.Фирлингеру (только касательно письма Бенешу о Закарпатской Украине). Рассказал о ней Готвальд, видимо, и своему ближайшему сподвижнику В.Копецкому, который коротко упомянул об этом в пропагандистской брошюре, посвященной 50-летию Готвальда (1946). Товарищ Готвальд, – писал Копецкий, – пришел к товарищу Сталину в полперво-

---

⁹ В годы Второй мировой войны и существования Словацкой республики словацкая компартия была выделена из КПЧ как самостоятельная организация (КПС). После победы коммунистов в ЧСР в феврале 1948 г. КПС снова была объединена с КПЧ.

го ночи, и их разговор продолжался целых шесть часов, до семи часов утра. Далее описывается, с какой симпатией Сталин говорил о чешском и словацком народах, восхищался их демократичностью и добросердечностью, говорил о немцах, указывая, как должны действовать славяне, чтобы «никогда не повторилась трагедия их кровавого уничтожения чудовищной немецкой военной машиной». Во время шестичасовой беседы, которая, судя по описанию, проходила в очень непринужденной обстановке, по словам Копецкого, «товарищ Готвальд обсудил с маршалом Сталиным много важных вопросов» [27, с.46–47].

О содержательной стороне встречи Готвальда со Сталиным упомянул в своей книге и Гусак. По его словам, во время беседы со Сталиным велась дискуссия по основным вопросам политики партии в период освобождения страны и после него. Сталин советовал Готвальду проявлять максимум осторожности и тактичности, например, при решении словацкого вопроса, рекомендовал считаться с Бенешем (он готовился в это время к возвращению через СССР на освобожденную территорию ЧСР), достигнуть договоренности с ним как с президентом. «После осложнений вокруг польского вопроса, – писал Гусак, – когда разрыв с польским эмигрантским правительством в Лондоне оказал весьма отрицательное воздействие и на совместные действия с западными союзниками, Сталин хотел избежать аналогичных проблем и осложнений с Бенешем и его правительством, тем более что это было единственное эмигрантское правительство, заключившее союзнический пакт с СССР» [8, с.789–790].

«В беседах с Готвальдом, – вспоминал Гусак, – мы главным образом обсуждали, насколько далеко мы можем заходить в Словакии при решении отдельных вопросов, чтобы словацкий козырь оказался решающим на совещании с лондонскими деятелями, какие границы не следует переходить, чтобы не нарушить планов общегосударственного соглашения с Бенешем» [8, с.792]. Одним из наиболее дискутируемых в среде чешской и словацкой коммунистической эмиграции в Москве во время нахождения там Гусака был вопрос о государственно-правовом статусе Словакии в освобожденной ЧСР. Впоследствии Гусак так вспоминал об этом: «Чехословацкие коммунисты в Москве жили в то время – февраль 1945 г. – под впечатлением точки зрения Г.Димитрова в отношении Чехословакии: у огромного большинства товарищей, с которыми я беседовал, была идея о федеративном государственно-правовом устройстве Чехословацкой республики. Это было коммунистическим решением, по примеру СССР, по этому пути уже пошла в то время и Югославия. Луч-

шего решения никто не знал. Руководство Коммунистической партии Словакии в период восстания практически отстаивало эту точку зрения, хотя термин "федерация" мы не использовали, имея в виду Лондон¹⁰. Так полагал в период восстания Шверма¹¹, с этим мнением я встретился в Москве. И Готвальд был в то время в принципе за федеративное решение». Но он, по словам Гусака, опасался того, как к этому отнесутся в чешских землях, где в результате нацистской оккупации обострились национальные чувства и усилились антисловацкие настроения [9, с.789–790]. Кстати, и Гусак, указывая в упомянутом докладе от 5 февраля 1945 г. на возросшее самосознание словацкого народа, отмечал, что в начале восстания идея восстановления ЧСР на основе равноправного сотрудничества чехов и словаков воспринималась с прохладцей и даже отвергалась: «сильно ослабили взаимные связи этих двух народов, огромное недоверие пролегло между ними». Так что решение словацкого вопроса в восстановленной ЧСР требовало осторожного и вдумчивого подхода, учета всех факторов влияния как внутреннего, так и внешнего порядка.

После трехнедельного пребывания в Москве Гусак 20 февраля 1945 г. вернулся в Словакию (г. Кошице), на освобожденной к тому времени территории которой действовала делегация СНС. Она занималась налаживанием мирной жизни в освобожденных районах, принимая соответствующие постановления по разным вопросам. Среди особо важных был и вопрос о проведении аграрной реформы: преобладающее население Словакии составляли сельские жители, а среди них – сельскохозяйственные рабочие, безземельные и малоземельные крестьяне. По мнению словацких коммунистов, аграрный вопрос требовал радикального и незамедлительного решения, что нашло отражение в одном из проектов СНС о земельной реформе. Дальнейшее развитие событий свидетельствует о том, насколько несовершенна была в то время связь между Москвой (НКВД, ОМИ ЦК ВКП (б), ЗБ КПЧ) и СНС. Упомянутый проект попал в руки члена Военного совета 4-го Украинского фронта Л.З.Мехлиса, который 23 февраля 1945 г. переслал документ в

---

¹⁰ Гусак имел в виду позицию чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне, теорию Бенеша о едином чехословацком народе и планы децентрализации ЧСР на административно-территориальной основе.

¹¹ Ян Шверма – видный словацкий коммунистический деятель, член ЗБ КПЧ, посланный в Словакию во время восстания и погибший при отступлении повстанцев в горы после военного поражения СНВ.

ЦК ВКП (б) на имя секретаря И.В.Сталина А.Н.Поскребышева. Этот проект, – писал Мехлис, – «считается окончательно разработанным. Уязвимые места и грубые ошибки в проекте будут ясны при его внимательном чтении». Он просил ознакомить с проектом Молотова и заместителя Г.Димитрова в ОМИ ЦК ВКП (б) Баранова. Молотов 2 марта просмотрел проект, сделал пометки и пожелал узнать мнение о нем заведующего 4-м Европейским отделом НКВД В.А.Зорина и сотрудников ОМИ [2, п.134, д.24, л.145]. Они, по всей вероятности, обратились с такой же просьбой к Готвальду, который 6 марта представил свое мнение в Отдел [6, д.31, л.85–89]. В тот же день Готвальд послал телеграмму Гусаку, в которой говорилось, что проект реформы «в существенных пунктах» «отклоняется в сторону от нашей точки зрения, одобренной Вами в Москве. Если вы еще публично не выступали с этим проектом, воздержитесь от его опубликования и публичного обсуждения впредь до окончательного решения этого вопроса в Москве с представителями Словацкого национального совета» [6, д.31, л.79]. ЗБ КПЧ намечало поэтапное решение земельного вопроса в послевоенной ЧСР и стремилось умерить радикальные настроения словацких коммунистов в его решении, чтобы не вызвать раздражения и недовольства в чешских землях. 12 марта с заключением Отдела ознакомился Молотов. В сопроводительной записке на его имя говорилось, что проект постановления о земельной реформе обсужден в ОМИ «с участием чехословацких товарищей». «Замечания т. Готвальда, – значит в записке, – исчерпывают полностью все замечания, сделанные нами на совещании. С замечаниями т. Готвальда ознакомился т. Зорин В.А., и он тоже присоединяется к ним» [6, д.774, л.254]. А между тем 27 февраля 1945 г. СНС уже принял постановление о конфискации земли немцев, венгров и предателей народа и опубликовал его [См.: 22, dok.170, s.510–512 и прим.1 к нему]. По всей вероятности, знаком с постановлением был и Гусак, который, возможно, даже принимал участие в его окончательном редактировании. Впоследствии, вспоминая о беседах с Готвальдом в Москве, он писал: «По некоторым вопросам я принял (! – В.М.) предложения Готвальда без особой охоты: прежде всего, о земельной реформе. Польша, Венгрия, Болгария и Югославия пошли по пути генеральной земельной реформы, так же ставили вопрос и мы во время восстания. Готвальд настаивал на том, чтобы на данном этапе были конфискованы и разделены лишь поместья, принадлежавшие немцам и венграм, и земли изменников; он выдвигал требование не трогать владения церкви и поместья не скомпрометировавших себя чехов и словаков... В конце концов я

принял его точку зрения с тем, что в зависимости от развития событий мы вернемся к вопросу о всеобщей земельной реформе» [8, с.792–793]. Расхождений во взглядах ЗБ КПЧ на принципы проведения этой реформы в Чехословакии и содержанием постановления СНС от 27 февраля не было.

Прибыв в Кошице, Г.Гусак и прилетевший с ним из Москвы словацкий коммунист Э.Фриш сразу же предложили провести рабочую конференцию КПС: «Возникла необходимость правильно ориентировать всю партию на освобожденной территории, дать ей единую линию по всем принципиальным вопросам, укрепить единое руководство партии и довести ее линию до каждой организации, до каждого члена партии» [8, с.798]. Конференция была организована в течение недели и состоялась 28 февраля – 1 марта 1945 г. в Кошице. С основным докладом на ней выступил Г.Гусак. Согласно его воспоминаниям, «положения, приводимые в докладе, или вытекали из предложений Готвальда, или являлись результатом совместного обсуждения» [8, с.792]. Надо сказать, что Гусак с большим пиететом и доверием относился к Готвальду и, как представляется, пользовался симпатией лидера КПЧ и некоторое время его поддержкой. Ни в докладе Гусака, ни в принятых на конференциях документах не было ни слова о социалистических задачах партии, о строительстве социализма в стране как цели КПС в будущем, о классовый борьбе и диктатуре пролетариата и т.д. Основная задача на ближайшее время формулировалась в докладе так: «Мобилизация и напряжение всех материальных и моральных сил нашего народа ради освобождения всей Словакии и всей ЧСР является первоочередной задачей всех демократических сил Словакии и, следовательно, первоочередной обязанностью нашей партии» [26, s.80]. Далее речь шла о:

- искоренении фашизма и коллаборационизма в Словакии;
- выселении из страны венгров и немцев, кроме антифашистов;
- государственно-правовом устройстве возрожденной ЧСР;
- самобытности словацкого народа и его взаимоотношениях с чешским народом на принципе «равный с равным»;
- налаживании работы Национального фронта и сотрудничестве со словацкой Демократической партией;
- социально-экономических преобразованиях в стране на национально-демократических основах и т.д. [26, s.80–102]

Конференция направила поздравительные телеграммы И.В.Сталину и К.Готвальду. В первой от имени словацких коммунистов и всего словацкого народа выражалась благодарность Красной армии-

освободительнице, которая «под Вашим мудрым и гениальным руководством завоевывает свою историческую победу в борьбе против немецкого империализма». Участники конференции заверяли советского лидера: словацкие коммунисты приложат все силы, чтобы помочь Красной армии в этой борьбе и чтобы новая демократическая Чехословакия всегда была связана неразрывными узами братства с народами Советского Союза. В телеграмме К.Готвальду говорилось, что словацкие трудящиеся видят в нем «главу Коммунистической партии Чехословакии и самого активного борца за свободу чешского и словацкого народа в новой Чехословацкой республике» [26, s.120–121].

Второе посещение Москвы

А 5 марта 1945 г. Г.Гусак в составе делегации СНС отправился в Москву. Здесь ожидалось прибытие проездом на родину «группы лондонцев» во главе с Э.Бенешем для обсуждения с

представителями ЗБ КПЧ вопросов, касавшихся создания нового правительства Национального фронта чехов и словаков и его программы. В делегацию СНС входили по три представителя от КПС (Г.Гусак, Л.Новомеский, Й.Шолтес) и Демократической партии (Я.Урсини, Й.Стык, В.Шробар).

Переговоры состоялись во второй половине марта 1945 г. В основу обсуждения был положен проект правительственной программы, предложенный ЗБ КПЧ. Бенеш не принимал участия в обсуждении, но был в курсе того, как оно происходило, поскольку встречался по отдельности с представителями разных заинтересованных сторон. Состоялась его беседа и с делегацией СНС, которая получила от президента обещание не употреблять термин «чехословацкая нация», а говорить чехи и словаки. Но компромисс между ними давался с трудом. Раздел проекта программы, касавшийся словацкого вопроса (делегация СНС участвовала в обсуждении только этого раздела), вызвал наиболее жаркие дебаты, которые продолжались три дня. Делегация СНС ознакомилась с проектом программы еще до его обсуждения и приняла его, по словам Гусака, «без существенных изменений». Позиция Готвальда по словацкому вопросу, согласно воспоминаниям Гусака, претерпела к этому времени некоторые изменения. Он должен был договориться с Бенешем, стремился к этому и поэтому «не хотел даже поднимать вопрос о федеративном решении». «То, что у вас имеется в Словакии, сохраните, – советовал Готвальд. – Тем самым положение словаков временно решается.

Позднее мы увидим, какова будет ситуация и сможем опять вернуться к этому вопросу». По словам Гусака, «он настаивал, чтобы мы уступили, чтобы мы не затрудняли достижение общей договоренности. Мы уступили...». Однако словаки решили требовать от чешских политических партий согласия на то, что сложившееся в Словакии положение будет закреплено в новой конституции государства. В этом духе был отредактирован и раздел проекта программы, касавшийся словацкого вопроса [8, с.832–833]. Однако прибывшие из Лондона чешские политики не хотели брать на себя ответственность за его решение до возвращения в Прагу. Но, в конце концов, компромисса удалось достичь. Однако это вовсе не означало, что стороны сдали свои позиции. Каждая из них осталась при своем видении государственно-правового устройства ЧСР и надеялась реализовать его в будущем, что, естественно, было чревато новыми спорами и столкновениями взглядов. Их острота и результаты зависели от грядущей расстановки политических сил в стране [Подробнее см.: 15].

Советские руководители были знакомы с проектом правительственной программы, выработанной ЗБ КПЧ. К.Готвальд представил его Г.Димитрову, который, судя по сделанным им пометам, внимательно изучил документ. Раздел о государственном устройстве ЧСР не вызвал его возражений [7, д.557, л.41–65]. На одном экземпляре проекта, переданном в ОМИ ЦК ВКП (б) рукой Димитрова написано «Тов. И.В.Сталину» [7, д.714, л.3]. Можно предположить, что материал побывал и на его столе. В.М.Молотов также ознакомился с проектом. Его немногочисленные пометы на полях документа свидетельствуют, что он обратил внимание на раздел о государственном устройстве ЧСР: «Два гос-ва (чехи+словаки)» [17, с.177]. Трудно сказать, что имел при этом в виду советский нарком, и тем более невозможно понять, положительно или отрицательно отнесся он к планам решения вопроса о чешско-словацких отношениях.

Массу замечаний по проекту высказал заведующий IV Европейским отделом НКВД СССР В.А.Зорин, который в конце марта был назначен советским послом в Чехословакии. Резкой критике подвергся и раздел проекта по государственно-правовому устройству ЧСР: во всей главе «хоть и говорится о равноправии чешского и словацкого народов, вопрос государственных форм и их дальнейшего существования поставлен очень туманно: не упоминается ни об автономии Словакии, ни о федеративном объединении Чехии и Словакии». И далее: «В интересах преодоления словацкого сепаратизма... необходимо однозначно определить

будущие государственные формы положения Словакии в рамках единого Чехословацкого государства. Кроме того, совершенно необходимо сформулировать обязательство об обеспечении прав национальных меньшинств (прежде всего, украинцев и русин)» [1, п.51, д.822, л.1–3]. Делая эти замечания, Зорин, естественно, исходил из опыта государственного устройства СССР. И он был, конечно, прав, полагая, что расплывчатость формулировок, свойственная этой части проекта, чревата осложнениями в будущем. Но в то же время такая категоричность оценок не поддается разумному объяснению. Зорин, который, конечно, был в курсе противоречивых взглядов на вопрос о форме государственно-правового устройства ЧСР, не мог не понимать, что выдвижение требования немедленной федерализации страны может привести к срыву переговоров о создании правительства Национального фронта чехов и словаков, что тогда не входило в интересы СССР. Возможно, это было личное мнение Зорина, которое предназначалось для «внутреннего потребления» и не подлежало доведению до сведения авторов проекта. Как бы то ни было, но замечания Зорина о государственно-правовом устройстве ЧСР не были учтены в окончательной редакции программы правительства Национального фронта чехов и словаков.

В состав согласованного в ходе переговоров правительства, возглавляемого З.Фирлингером, вошло 25 человек: 16 чехов и 9 словаков. К.Готвальд (КПЧ) и В.Широкий (КПС) заняли посты заместителей председателя кабинета. По совету Готвальда руководители СНВ и члены СНС, в том числе Гусак, Новомеский, Шмидке, остались для непосредственной работы в Словакии.

После завершения переговоров и официального визита Бенеша в Москве¹² 28 марта 1945 г. в Георгиевском зале¹³ И.В.Сталин дал торжественный обед в честь чехословацкой делегации. «Присутствовали, – вспоминал Г.Гусак, – почти все выдающиеся политические и военные деятели СССР и ведущие представители чехословацкой политической жизни... Около Сталина с одной стороны сидел Бенеш, а с другой – безусловно, не случайно, Шробар¹⁴. Сталин был целый вечер занят Шробаром. Ему нравился этот благородного вида старец; он был веселым со-

---

¹² Бенеш дважды встречался с Молотовым, чтобы обсудить текущие вопросы советско-чехословацких отношений и послевоенного сотрудничества обеих стран.

¹³ По другим данным – в Екатерининском зале Большого кремлевского дворца.

¹⁴ Вполне вероятно, что такое размещение представителей чехословацкой делегации было заранее продумано: с одной стороны Сталина – чех, с другой – словак.

беседником, курил сигары и пил наравне со Сталиным. Бенеш при каждом из бесконечных тостов лишь пригублял, а потом ставил бокал на стол. Сталин и Шробар честно выпивали. Сталин, постаревший, седой, восхищался жизненной силой почти 80-летнего Шробара. После ужина он пригласил нас в кино. Шробара он взял под руку, вывел его и посадил рядом с собой» [8, с.838–839]. Во время обеда Сталин произнес два тоста. Оба они были записаны некоторыми из официально присутствующих лиц, в том числе и секретарем Молотова Б.Ф.Подцеробом [14, с.411–412]. Записал их, возможно по памяти, и Гусак. Во всяком случае, в его воспоминаниях смысл сказанного Сталиным не расходится с записями Подцероба. Согласно Гусаку, Сталин говорил: «Вы все хвалите Красную армию. Конечно, ее есть, за что хвалить. Но не забывайте, что и солдаты – тоже люди. А наши солдаты, прежде чем прийти к вам, прошли много тысяч километров. С жестокими боями. Они видели уничтоженными свои города и села. Убитые или угнанные семьи. Они прошли через невероятные людские страдания. Не удивляйтесь, если после всего этого некоторые из них иногда выходят из колеи, обычной для нормальной жизни. Поймите это, а я вас прошу за них: извините их». «На меня эти слова, – вспоминал Гусак, – воздействовали необычайно сильно. Главнокомандующий победоносной армии, которая приносит свободу десяткам народов и уничтожила могущественнейшую армию на свете, извиняется за возможные мелкие провинности своих солдат!» [8, с.839–840]. Второй, не записанный Гусаком тост Сталина был за «новых славянофилов». В отличие от старых славянофилов, которых советский лидер назвал реакционерами за то, что они «выступали за объединение всех славянских народов в одном государстве под эгидой русского народа», новые славянофилы, по его мнению, стоят за «союз независимых славянских государств... Мы, новые славянофилы, являемся коммунистами, если хотите – большевиками. Про нас думают, что мы хотим установить повсюду советский строй. Это не так... Мы хотим, чтобы каждый народ имел тот строй, которого он достоин. Мы не собираемся вводить в Чехословакии советский строй» [4, д.393, л.57–59]. Как уже говорилось, тогда ни Сталин, ни кто-либо другой из советских руководителей не собирался немедленно «вводить» советский строй на территориях, освобожденных Красной армией и оказавшихся в сфере влияния СССР. Думается, что тогда Сталин был искренен в своих заявлениях, хотя мысль о том, что раньше или позднее дело до этого дойдет, видимо, не покидала его. Время установления строя советского образца пришло с изменением расстановки политических сил в мире, с началом

холодной войны. Активнейшими проводниками этой идеи в жизнь являлись национальные компартии, в том числе КПЧ и КПС.

31 марта 1945 г. сформированное на переговорах в Москве правительство и Бенеш отправились на родину. 4 апреля они прибыли в г. Кошице (Восточная Словакия), где 5 апреля на заседании СНС была обнародована новая правительственная программа, получившая наименование Кошицкая. Готвальд огласил раздел о государственном устройстве ЧСР, назвав его Magna Charta («Великая Хартия») словацкого народа. Гусак впоследствии вспоминал: «Это название... нас удивило. Оно нам не очень понравилось... слово "великая" нам казалось слишком напыщенным. А Хартии (перечень свобод) феодалы обычно дарили своим вассалам. Такого решения словацкого вопроса, как оно было сформулировано в правительственной программе, словацкий народ добился в борьбе. Никто ему ничего не дарил. Однако название осталось» [8, с.847]. Привилось оно и в чехословацкой «марксистской» историографии, где

использовалось в течение последующих 45 лет для обозначения полученного в момент восстановления ЧСР равноправия словацкого и чешского народов. Идея федерализации Чехословакии канула в Лету, а ее активные сторонники, получившие клеймо словацких буржуазных националистов, в начале 1950-х годов либо были расстреляны, как В.Клементис (министр иностранных дел ЧСР), либо посажены в тюрьмы, как Г.Гусак, Л.Новомеский и др. Только после августовских событий 1968 г. Г.Гусак снова оказался в СССР, куда был достав-

Г.Гусак. Президент ЧССР.

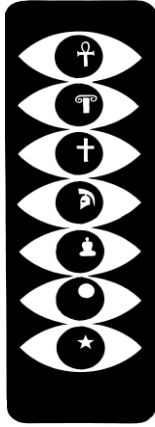
лен вместе с другими активными деятелями «пражской весны». Сторонник компромиссного решения конфликтной с СССР ситуации, он, по всей видимости, получил от советского руководства заверения в поддержке своих стремлений превратить Чехословакию в федеративное государство. В день независимости ЧСР 28 октября 1968 г. спешно был принят закон о федерализации страны, который вступил в силу 1 января 1969 г. Его разработкой с весны 1968 г. и проведением в жизнь активно занимался Г.Гусак, занявший вскоре пост руководителя КПЧ, а затем

ставший президентом ЧССР. Но это уже другая страница политической биографии Гусака и истории советско-чехословацких отношений.

Библиографический список

1. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф.06. Оп.7.
2. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф.0138. Оп.26.
3. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф.0138. Оп.26 а.
4. Архив Президента Российской Федерации. Ф.45. Оп.1.
5. Архив Президента Российской Федерации. Ф.495. Оп.74.
6. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.17. Оп.128;
7. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.495. Оп.74.
8. Гусак Г. Свидетельство о Словацком национальном восстании. М.: Правда, 1969. – 871 с.
9. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М.: Наука, 1983. Т.4. Кн.2. – 471 с.
10. Марьина В. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. Документальный очерк. М.: Новый хронограф, 2003. – 303 с.
11. Марьина В.В. Густав Гусак и дело «словацких буржуазных националистов» // Новая и новейшая история. 2014. №5. С.166–183.
12. Марьина В.В. Реабилитация Г.Гусака и возрождение идеи федерализации Чехословакии // Инакомыслие в условиях «реального социализма». Поиски новой государственности. Конец 60-х – 80-е гг. XX в. М.: ИСЛ РАН, 2014. 727 с. С.253–276.
13. Марьина В.В. Словакия начала 60-х годов: реабилитация так называемых словацких буржуазных националистов и словацкий вопрос // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е – 60-е гг. XX в. М.: ИСЛ РАН, 2011. 794 с. С.426–463.
14. Марьина В.В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. М.: Индрик, 2009. Кн.2. 1941–1945 гг. – 431 с.
15. Марьина В.В. Чехи и словаки в возрожденной Чехословацкой республике // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948. М.: Наука, 2004. 551 с. С.113–152.
16. Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. М.: Прогресс, 1977. Вып.2. – 340 с.
17. Советский фактор в Восточной Европе 1944–1953. Документы. М.: РОССПЭН, 1999. Т.1: 1944–1948. – 687 с.
18. СССР и германский вопрос. 1941–1949 гг.: Документы. М.: Междунар. отн-ия, 1996. Т.1. СССР и германский вопрос 22 июня 1941 г. – 8 мая 1945 г. – 782 с.
19. Филитов А.М. В комиссиях Наркоминдела // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М.: Наука, 1995. 368 с. С.54–71.
20. Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. М.: Наука, 2005. Кн.2. – 556 с.
21. Žiadosť o preverenie procesu a rehabilitáciu. Ústředný výbor KSČ k rukam s. A.Novotného, I. taj. ÚV KSČ v Praze. Bratislava, 20.XII.1962. Машинописная копия. 64 с. // Личный архив автора.

22. Cesta ke Květnu. Vznik lidové demokracie v Československu. 2 svazek / Ed. M.Klimeš, P.Lesjuk, I.Malá, V.Prečan. Praha: Československá Akademie věd, 1965. – 795 s.
23. Dokumenty slovenskej národnej identity a štátnosti. 2. / Ed. J.Beňko. Bratislava: Národné literárne centrum, 1998. – 600 s.
24. Husák G. Svedectvo o Slovenskom národnom povstaní. Bratislava: Vydavateľstvo politickej literatúry, 1964. – 620 s.
25. Husák G. Z bojů o dnešek. 1944–1950. Praha: Svoboda, 1973. – 575 s.
26. Komunistická strana Slovenska. Dokumenty z konferencií a plén 1944–1948 / Ed. M.Vartiková. Bratislava: Pravda, 1971. – 771 s.
27. Kopecký V. Gottwald v Moskvě. 2 výd. Praha: Svoboda, 1948. – 55 s.
28. Macháček M. Gustáv Husák a státoprávní otázka Slovenska do roku 1948 // Michálek Sl., Londák M. a kol. Gustáv Husák. Moc politiky, politik moci. Bratislava: Veda. Vyd-vo SAV, 2013. 1067 s. S.338–369.
29. Prečan V. „O vývoji a situácii na Slovensku“. Rozbor připravený pro Šmidkeho moskovskou misi v letech 1944 // Svědectví. 1979. N 58. S. 361–382.
30. Prečan V. Slovensko od Mnichova 1938 do porážky povstání očima Gustáva Husáka. Dvě zprávy a jejich osudy // Česko-Slovenská historická ročenka 2012. Bratislava: V. Gonec, 2013. S.237–311.
31. Sborník dokumentů k dějinám KSČ v letech 1938–1945. Praha: Vysoká škola politická ÚV KSČ, 1965. Díl 4. – 51 s.
32. Slovenské národné povstanie. Dokumenty / Ed. V.Prečan. Bratislava: Vyd-vo politickej literatúry, 1965. – 1219 s.

Жорес Медведев

ОПАСНАЯ ПРОФЕССИЯ¹

УДК
929.82-94

Появление на Западе в 1974–1975 годах антисоциалистических и религиозно-националистических русских журналов и альманахов новой советской эмиграции, привело к созданию в Москве самиздатного журнала «Двадцатый век», инициатором и редактором которого стал Рой Медведев. Сборники материалов из этого журнала публиковались на Западе на русском, английском, немецком и других языках. Среди авторов журнала преобладали старые большевики, исторические воспоминания которых не могли публиковаться в СССР из-за усилившихся ограничений цензуры. Одним из авторов журнала был Михаил Петрович Якубович, активный участник Октябрьской революции и первых съездов Советов. Его воспоминания о большевистских лидерах периода революции и гражданской войны имели большой исторический интерес. Якубович был арестован в 1930 году, подвергся пыткам и осужден в первом «открытом» процессе сталинского террора. Его воспоминания об этом процессе вошли в одну из глав первого тома эпопеи «Архипелаг ГУЛаг» Александра Солженицына, но с большим числом намеренных искажений. В настоящей очерке рассказывается, каким образом эти искажения удалось исключить из первого массового издания «Архипелага» в журнале «Новый мир» в 1989 году.

The appearance in 1974–1975 some new anti-socialist and religious journals of Soviet emigration stimulated the creation by Roy Medvedev a new samizdat journal “XXth Century” in Moscow with socialist-democratic orientation. Collections of essays and literary stories from this journals were published also abroad in Russian, English, French, German and other languages. One of the authors of this journal was Michail Yakubovich active participant of Russian revolution who knew well its main leaders. Memoirs of Yakubovich about his arrest and interrogation with the use of torture were included by Alexander Solzhenitsyn into his epic “Gulag Archipelago”, however with many distortions and falsifications of Yakubovich case. It is described in this essay how it became possible to force Solzhenitsyn to make necessary corrections in the text of the first Soviet edition of his work published in “Novy Mir” in 1989.

Ключевые слова: Рой Медведев; самиздат; Михаил Якубович; Александр Солженицын; Архипелаг ГУЛаг.

Key Words: Roy Medvedev; samizdat; Michail Yakubovich; Alexander Solzhenitsyn; “Gulag Archipelago”.

E-mail: zhmedvedev@yahoo.co.uk

¹ Окончание. Начало см.: *Россия XXI*. №3, 4, 5.

**Журнал Роя Медведева
Двадцатый век**

В начале 1975 г. Рой сообщил мне в конфиденциальном письме, что он решил готовить в Москве «самиздатный» ежеквартальный журнал с условным названием *Двадцатый век*. По

его объяснению можно было понять, что появление в Германии журнала *Континент* под редакцией Владимира Максимова, альманаха *Из-под глыб* под редакцией Солженицына и подготовка к выходу в Израиле ежемесячного русского журнала *Время и мы* под редакцией Виктора Перельмана, в недавнем прошлом известного журналиста *Литературной газеты*, создавало определенный форум для религиозных и антикоммунистических течений в среде оппозиционной интеллигенции, основные представители которой уже эмигрировали в западные страны или в Израиль. В то же время в Советском Союзе оформилась социалистическая или социал-демократическая интеллектуальная оппозиция однопартийной коммунистической системе, настроенная на реформы, а не на эмиграцию. В состав этой, никак еще не оформленной оппозиции вошли отдельные писатели, журналисты, историки, научные работники, которые считали возможной постепенную демократизацию и либерализацию советской системы. Только реформы, по их мнению, могли снизить тот уровень конфронтации «холодной войны» и гонки вооружений, который стал слишком тяжелым грузом для развития экономики во всем мире. Эти идеи «левого крыла» оппозиции, выразителями которой можно было бы считать *Новый Мир* до 1970 года и Театр на Таганке Юрия Любимова, требовали нового политического анализа и теоретической разработки.

«У нас сейчас выходят несколько самиздатных журналов, – писал Рой. – Православные националисты распространяют журнал *Земля*. Более крайняя группа из русских националистов с антисемитским уклоном "издает" альманах *Московский сборник*, вышло, наверное, три или четыре номера. Печатается на папиросной бумаге журнал *Евреи в СССР*, вышли 9 номеров.

Мой *Двадцатый век* будет в этом Самиздате представлять что-то вроде социалистического левого журнала с широким диапазоном... Главная цель журнала – дать какой-то выход накопившейся интеллектуальной энергии и сохранить часть хорошей литературы и вести обмен мнениями...»

В марте Рой уже сообщал мне о высылке микрофильмов первых двух номеров. Они включали очерки Р.Б.Лерт «Из истории борьбы про-

тив космополитизма», М.П.Якубовича «1917-й год. Из жизни идей», Сергея Елагина (псевдоним) «Кровожадное христианство Вл.Максимова», А.Красикова (псевдоним Михаила Байтальского) «Товар номер один» (о торговле водкой), Льва Копелева «Модернизм без берегов» и «Из воспоминаний» Бориса Ямпольского, известного писателя, друга А.Т.Твардовского. Ямпольский умер в 1972 г., оставив своим родным и друзьям несколько неопубликованных произведений. Все эти работы и несколько других, которые я вскоре получил, были исключительно интересными как публицистические и литературные произведения. Рою обещали сотрудничество Валентин Турчин, начавший книгу «Инерция страха», Евгения Гинзбург (Главы из третьей книги «Крутого маршрута»), Василий Аксенов, Владимир Войнович, закончивший сатирическую повесть «Иванькиада», и Юрий Домбровский, известный писатель, печатавший в прошлом свои произведения в *Новом Мире*.

«Есть предложение о публикации превосходного детектива о жизни Зоценко», – писал Рой в письме от 17 апреля. Он также предполагал, что я мог бы обеспечить публикацию сборников лучших материалов из его журнала на русском языке в Англии и их переводы на основные европейские языки уже на коммерческой основе, чем и обеспечить оплату «литературного секретаря». Я вскоре стал получать и рекомендации по поводу гонораров. Евгения Гинзбург, в то время тяжело больная, прислала что-то вроде доверенности-завещания, написанного от руки, но никем не заверенного, в котором сообщала, что ее гонорары следует переводить сыну, Василию Аксенову. В какой-то мере Рой, по западной классификации советских диссидентов, считался лидером «социалистической оппозиции». Андрея Сахарова объявляли лидером борцов за права человека и «западником», а Солженицына записывали в религиозно-славянофильскую группу. Эта классификация была крайне условной, никаких реальных «лидеров» среди диссидентов не существовало и не могло существовать.

**Иностранные издания
альманаха *Двадцатый век***

Издавать в Англии какой-то периодический «ежеквартальный» журнал на русском языке было нереально. У меня для этого не было финансовых ресурсов. Нанимать какого-то «литературного секретаря» я не мог по тем

же причинам. Да и никто среди моих немногих русских или русскоговорящих друзей в Лондоне не смог бы редактировать журнал. Реально

можно было подготовить в 1976 г. «первый» сборник по типу «альманаха» из наиболее интересных материалов с последующей оплатой расходов, продавая за очень скромные суммы права на переводы тех или иных очерков или рассказов иностранным издательствам «левой» ориентации, обычно бедным.

Для издания ежегодного альманаха на русском я должен был сначала зарегистрировать бизнес-компанию с названием, которое не дублирует названий других. Я сам регистрируюсь как «директор» и могу включить в компаньоны жену или друзей. Компания должна иметь счет в банке, отдельный от личного счета. О своих прибылях и расходах компания отчитывается перед налоговой инспекцией "Inland Revenue". Для регистрации новых деловых компаний существовал особый департамент при каком-то правительственном учреждении. Периодическое издание также регистрировалось в Британской библиотеке. На русском языке могли отпечатать альманах в Лондоне несколько небольших коммерческих типографий, две или три из них могли обеспечить также и корректуру. Счет за тираж в 1000 экземпляров книги в мягком переплете в 250–300 страниц мог составить от 2 000 до 2 500 фунтов, в зависимости от формата и качества бумаги.

Я быстро получил и заполнил все необходимые формы и анкеты и уплатил 100 фунтов за регистрацию в Лондоне нового издательства, которое получило название "T.C.D. Publications Ltd" (T.C.D. – Twentieth Century Digest). Я стал «директором» и открыл счет в Барклай-банке, положив на него для начала 500 фунтов. Для меня изготовили крупноформатную чековую книжку. Первый номер «Общественно-политического и литературного альманаха *Двадцатый век*», который я вскоре отвез в типографию, открывался статьей Роя Медведева «Вопросы, которые волнуют каждого», и завершался повестью Дмитрия Витковского «Полжизни»². Эта автобиографическая повесть была принесена автором в журнал *Новый мир* в 1964 г. Твардовский ее принял и подписал договор, но опубликовать не смог. Покидая свой кабинет в 1970 г., Александр Трифонович передал рукопись умершего в том же году автора Р.Медведеву с просьбой сохранить и напечатать ее, когда для этого будет возможность. Другим посмертным произведением в альманахе была документальная повесть Бориса Ямпольского «Из вос-

---

² Эти «полжизни» автор, инженер-химик, провел в заключении в северных лагерях с 1926 до 1955 года.

поминаний»³. Здесь же в типографии мне отпечатали и тысячу экземпляров листовки-объявления о выходе альманаха и его содержании. Датой выхода был проставлен 1976 год. Цена каждого экземпляра была высокой – 3 фунта, или 7 долларов. Пересылка за счет покупателя. Коммерческим распределителем альманаха стал магазин польской книги в Лондоне “ORBIS BOOKS LTD”, имевший и русский отдел.

Тираж в 1 000 экземпляров первого номера альманаха *Двадцатый век* [1] я получил в декабре, незадолго до нашего переезда в новый дом. Это была аккуратная книжка, 237 страниц небольшого формата на хорошей бумаге и в светло-оранжевой обложке. Под заголовком на обложке сообщалось, что это «Избранные материалы из самиздатного журнала "XX-й Век"». В альманахе было три очерка и два литературных произведения, о которых я упоминал выше. 700 экземпляров альманаха я отвез в польский книжный магазин “ORBIS BOOKS LTD”, в который уже поступали заказы на основе листовки-рекламы и объявлений в эмигрантских газетах и журналах, а 300 экземпляров оставил себе для последующей постепенной отправки в Москву и для раздачи друзьям. Заказы на альманах шли, в первую очередь, от радиостанций, ведущих передачи на русском языке, кафедр славистики и советологии университетов, от разных библиотек и от эмигрантских газет и журналов. Большой заказ поступил также из лондонской конторы распределителя эмигрантских изданий “Universal Book Exchange”, который субсидировался через радиостанцию «Свобода». Небольшое число заказов пришло и от отдельных людей, живущих в Израиле, в Австралии, в Канаде, в Аргентине и в других странах. К концу января 1976 г. “ORBIS BOOKS” сумел продать 400 экземпляров, выручив за них почти 1 100 фунтов. Из этого «дохода» 25% оставалось польскому книжному магазину и 75% перечислялось на счет “T.C.D. Publications”⁴. Между тем я уже получил от Роя микрофильмы 15 разных рукописей, среди которых были очерки по истории, экономике, литературная критика, рассказы и повести и полемические статьи. Рой прислал и собственный большой очерк об Октябрьской революции, который представлял собою первую часть начатой им новой книги. Уникальный интерес имело публицистическое исследование А.Красикова «Товар номер один», очень ярко написанная история торговли водкой в России и в СССР. На меня произвел большое

---

³ О Василии Гроссмане и Юрии Олеше, двух выдающихся русских писателях.

⁴ Эта сумма далеко не покрывала моих затрат на типографию, не говоря уже о производстве крупноформатных фотоотпечатков с микрофильмов и на их ксерокопирование.

впечатление очерк М.П.Якубовича «Из жизни идей», около 100 страниц личных воспоминаний о событиях 1917 года⁵. Михаил Петрович – правнук декабриста А.И.Якубовича и племянник поэта и народовольца П.Ф.Якубовича – был исторической личностью, одним из руководителей фракции меньшевиков РСДРП. Он родился в 1891 г. и с 16 лет участвовал в революционном движении. В марте 1917 Якубович, тогда делегат от солдат Западного фронта, был избран Председателем Смоленского Совета Рабочих и Солдатских депутатов. Он стал смоленским делегатом Первого Всероссийского Съезда Советов и вошел в состав его ВЦИК. Хорошо знал Троцкого, Каменева, Зиновьева и других большевистских лидеров. О Якубовиче известно очень мало по той простой причине, что он был арестован как бывший меньшевик в 1930 г. по полностью фальшивому делу «Союзного бюро» меньшевиков [7] и с 1931 до 1956 г. находился в заключении в разных «исправительно-трудовых» лагерях. Освобожденный из «Карлага», но с ограничениями «ссылки», уже как инвалид 65 лет без реабилитации и без пенсии, он жил в Караганде, но за городом в Доме инвалидов и писал воспоминания⁶. Рой познакомился с Якубовичем во время его приезда в Москву в 1964 г. и в последующем встречался много раз и использовал его документальные материалы при написании книги «К суду истории. О Сталине и сталинизме» [6]. Хотя Якубовичу было уже 84 года, его тексты, писавшиеся по памяти, а иногда диктовавшиеся на магнитофонную ленту, были очень выразительными и детальными. Среди полученных мною микрофильмов рукописей была полемика Льва Копелева с солженицынским «Письмом вождям Советского Союза» и критическая статья Германа Андреева (псевдоним Германа Фейна) о сборнике «Изпод глыб», который был опубликован в 1974 г. под редакцией Солженицына [5].

Часть этих материалов можно было бы включить во второй номер альманаха, но я не планировал его выпуск до конца 1976 г. В ближайшее время мне предстояла попытка заинтересовать изданием сборника иностранных издателей, чтобы получить от публикаций переводов хотя бы скромные финансовые средства для продолжения всего проекта.

В Великобритании я уже был в дружеских отношениях с двумя социалистическими издательствами, которые были готовы осуществить

---

⁵ Очерки о Троцком, Каменеве, Зиновьеве и других большевиках.

⁶ Этот Дом инвалидов сами заключенные и построили на обширной территории лагеря. Условия жизни в домах инвалидов в СССР были крайне тяжелыми.

перевод на английский и публикацию сборников выбранных ими статей и очерков из того уже довольно большого комплекта рукописей, которые я предлагал. Одно из этих издательств “Verso”, возникшее на основе «толстого», выходившего шесть раз в год социалистического теоретического журнала *The New Left Review*, издавало много книг и имело свой офис в центре Лондона. Второе издательство, с которым у меня были дружеские отношения – “Bertrand Russell House”, находилось в Ноттингеме. Оно издавало ежеквартальный социалистический журнал *The Spokesman* и около 15–20 разных книг каждый год⁷. С директором Фонда Бертранда Рассела Кеном Коатсом я был в дружбе и часто разговаривал по телефону. Он также встречался с Роем во время поездки в Москву.

Оба издательства были готовы на предложенный им проект сборника, но без формального договора с отчетами о продажах и без гонораров. Как объяснил мне К.Коатс, социалистические издательства не имеют коммерческих прибылей, так как продают свои журналы и книги лишь по подпискам, через заказы, поступающие на основе распространения каталогов с аннотациями, реклам в «левых» журналах и в университетских книжных магазинах, благодаря спросу среди студентов, а не через общую коммерческую книготорговую сеть. Учет продаж и финансовые расчеты ведут в Англии три основные «сетевые» книготорговые системы, имеющие большие книжные магазины в центральных районах городов, на вокзалах и в аэропортах. От сумм продаж 75% перечисляются в издательства, которые, в свою очередь, рассчитываются с авторами, выделяя для этого от 6 до 15% доходов, в зависимости от тиражей (при больших тиражах процент растет). Книготорговые сети в Великобритании не заключают договоров на продажу книг социалистических и вообще мелких «левых» издательств, и именно это является наиболее эффективным барьером для их распространения, который действует не хуже любой цензуры.

Для меня издание иностранных переводов материалов из журнала *Двадцатый век* без договоров было бы очень трудным, так как требовало много времени и затрат. Финансировать этот проект из собственных средств или скромных фондов Роя я не мог. Кроме того, сами авторы ждали какие-то гонорары, хотя бы небольшие. В Советском Союзе гонорары авторов независимы от тиражей, и большинство издательств

---

⁷ Именно “Bertrand Russell House” купил у издательства “Macmillan” права на дешевые издания моей книги [15] и книги Роя.

субсидируется из государственного бюджета. Получая хорошо изданный том на английском или на французском, любой советский автор будет неизбежно предполагать, что за его статью, очерк или рассказ, в нем напечатанный, причитается и какой-то гонорар.

Кен Коатс посоветовал мне обратиться в небольшое социалистическое издательство “The Merlin Press”, которое было известно своим международным журналом-ежегодником *The Socialist Register*, толстый том которого, публиковавшийся раз в год, считался наиболее авторитетным в мире теоретическим социалистическим журналом. Этот ежегодник был основан в 1965 г. Ральфом Милибандом, автором нескольких важных книг по теории марксизма и проблемам социалистической демократии. Милибанд был и его главным редактором. Этот ежегодник оказался особенно популярным в США среди студентов и «новых левых», и издательство “The Merlin Press” имело договор с крупным американским либеральным коммерческим издательством “W.W.Norton & Co. Inc.” в Нью-Йорке, покупавшим права на публикацию и продажу многих его изданий в США⁸. Если бы “The Merlin Press” согласилось публиковать на английском избранные материалы из журнала *Двадцатый век*, то от продажи прав на распространение этого альманаха в США была бы переведена на счет моего издательства половина полученной суммы.

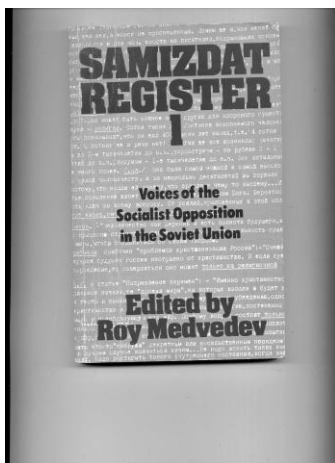
Издательство “The Merlin Press” имело свой офис в бедном «пролетарском» районе восточного Лондона, всегда голосовавшего на выборах за лейбористов. Директор и основатель издательства Мартин Ив принял меня очень приветливо. На столе у него лежала недавно изданная и на английском книга Роя ”On Socialist Democracy” [14]⁹. Сейчас это был солидный том в 420 страниц в твердом переплете с суперобложкой и с фотографией автора, изданный “Macmillan Ltd”, самым крупным издательством в Лондоне. М.Ив немного знал русский язык, что было обыч-

---

⁸ К этому времени я уже знал, что по каким-то соглашениям британские издательства не могли самостоятельно продавать свои книги в США, а американские – в Великобритании. Мировой книжный рынок изданий на английском был разделен на «британский» – Великобритания, Ирландия, и Австралия, и «американский» – США. В Канаде могли продаваться и британские, и американские издания. Популярные авторы могли заключать независимые договора в Лондоне и в Нью-Йорке.

⁹ Для английского издания она была значительно переработана и дополнена автором, и прекрасный перевод, сделанный Эллен де Кадт, как отмечал один из рецензентов, «превратил сухой язык автора в английскую прозу».

ным среди тех социалистов, которые в молодости были коммунистами-троцкистами. Идеи Троцкого о перманентной революции были в прошлом более популярны среди западных левых, чем идеи Ленина или Сталина. Он просмотрел общее оглавление и пообещал, что вместе с коллегами прочитает рукописи и сделает выбор материалов для возможного перевода. Чисто литературные произведения его издательство не интересовали, но работы по истории и экономике, а также полемика по текущим политическим проблемам были для них важными. Было очевидно, что М.Ив уже, в принципе, принял положительное решение и хотел лишь посоветоваться с «активом» издательства. Он тут же предложил, что они дадут сборнику другое название – *Samizdat Register*,

русский термин *самиздат* уже вошел в английский политический лексикон.

Примерно через месяц я подписал с М.Ивом договор на английское издание сборника. Он выбрал для перевода восемь очерков, среди них, как я и ожидал, были очерки Р.Медведева, М.Якубовича, А.Красикова и Л.Копелева, которых в моем первом русском издании еще не было. Я готовил их для второго номера, который вышел лишь в 1977 г. Я подготовил для сборника предисловие со справкой об авторах. Вскоре Мартин сообщил мне, что его американский партнер покупает права на продажу кни-

ги в США. Это был первый успех. С Мартином Ивом и его женой Пат у меня установилась длительная дружба. В их доме и в издательстве я познакомился с многими известными в Англии марксистами: Тамарой Дойчер, Эдвардом Томпсоном и Ральфом Милибандом. Ральф был лишь на год старше меня, и его семейные корни были в России. Семья его отца эмигрировала в начале века из России в Бельгию, спасаясь от еврейских погромов. Из Бельгии семья бежала в Англию в 1940 г., спасаясь теперь уже от немецкой оккупации¹⁰.

¹⁰ Ральф умер рано, в 1994 г. Его старший сын Давид стал секретарем по иностранным делам в лейбористском правительстве Гордона Брауна. Младший сын Эд, очень похожий на своего отца, стал лидером оппозиционной лейбористской партии. Он ушел в отставку после поражения лейбористов на парламентских выборах 2015 года.

В начале 1976 г. я получил также согласие французского социалистического издательства “Francois Maspero” в Париже. В их том, изданный в том же году, “Une Opposition Socialiste en Union Sovietique” [16], вошли семь очерков. Мой новый итальянский друг профессор Витторио Страда написал подробное предисловие для итальянского издания альманаха, получившего название *Dissenso e Socialismo*, выпущенного “Gulio Einaudi editore”, большим левым издательством в Турине [12]. Договор, предлагавший и небольшой аванс, я подписывал во время визита в Италию. Особым успехом было согласие широко известного и старого немецкого издательства “Hoffmann und Campe” в Гамбурге на издание сборника. Том на немецком, имевший 310 страниц, в твердом переплете с суперобложкой и с индексом имен, вышел через несколько месяцев под названием “Aufzeichnungen aus dem sowjetischen Underground” [11]. В немецкое издание вошли восемь очерков и литературные воспоминания Бориса Ямпольского. Еще одно издание альманаха на основе договора вышло вскоре и в Японии.

К концу 1976 г. мой баланс по всему проекту стал положительным. Первый гонорар в форме продовольственной застрахованной посылки (чай, растворимый кофе, сгущенное молоко, мясные консервы, оливковое масло, шотландское печенье и шоколад) я отправил из польского торгово-посылочного центра в Лондоне по адресу: СССР, 470001. Караганда. Тихоновский дом инвалидов. Михаилу Петровичу Якубовичу. За получение продовольственных продуктов из-за границы таможенная пошлина в СССР не взималась.

**М.П.Якубович
в «Архипелаге ГУЛаг»**

Рой познакомился с Якубовичем в Москве в 1964 г. В то время у Роя был уже готов первый вариант книги «К суду истории. О Сталине и сталинизме», тогда около 400 страниц на ма-

шинке, и он давал ее читать некоторым близким друзьям и бывшим заключенным. О Якубовиче Рою рассказал наш общий друг Марлен Кораллов, литератор и филолог, который был арестован в 1949 г. и провел шесть лет в Карагандинском ИТЛ («Карлаге»). Якубович находился в этом же лагере с довоенного времени¹¹.

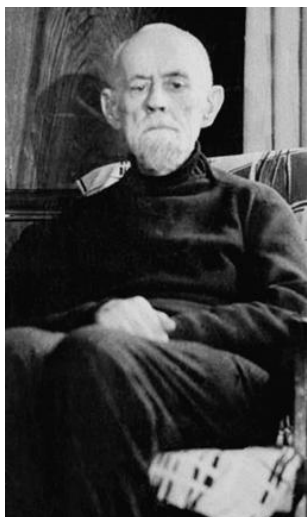
---

¹¹ В 1950 году, согласно «Справочнику по ИТЛ» общества «Мемориал», в Карлаге находилось 65 673 заключенных.

Рой начал работать над своей книгой в октябре 1962 г., и свидетельства, рукописи и воспоминания бывших заключенных обеспечивали его постоянным притоком нового фактического материала. В этом же кругу людей циркулировала с начала 1962 г. и моя рукопись «Биологическая наука и культ личности» и новый проект Роя воспринимался иногда как продолжение общей работы «братьев Медведевых». Наша «близнецовость» этому, безусловно, способствовала.

Когда Солженицын, после неудачи с получением Ленинской премии по литературе в 1964 г., на которую он был представлен А.Т.Твардовским, стал собирать материалы для «Архипелага», то он неизбежно встречался с теми же людьми и пользовался теми же источниками.

М.П.Якубович

В Москве реабилитированные и вернувшиеся из заключения создали нечто вроде собственного общества взаимной поддержки. Солженицын впервые встретился с Якубовичем в 1966 г. в двухкомнатной квартире Александра Улановского¹², недалеко от Курского вокзала, и в последующие годы беседовал с ним много раз, записывая на магнитофон рассказы о 1917 годе и лидерах революции. Это делалось уже не только для «Архипелага» [9], но и для «Красного колеса». По свидетельству М.Кораллова, прощаясь, Солженицын обнимал и целовал своего нового друга.

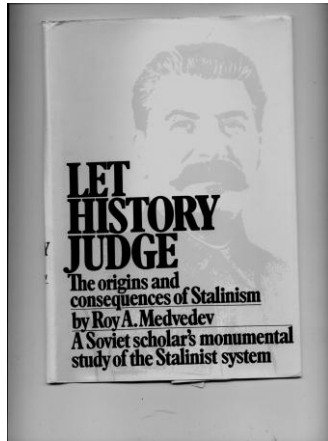
Главные проблемы Якубовича в тот период состояли в том, что сфабрикованный в 1931 г. процесс «Союзного бюро» не пересматривался и его жертвы, включая Якубовича, не реабилитировались. Реабилитация важна не только морально. При реабилитации срок заключения в ИТЛ прибавлялся к «трудовому стажу», и это увеличивало пенсию. Выдавалась двухмесячная зарплата «с последнего места работы», но по текущим ставкам окладов. Снимались ограничения на выбор места жительства. Приобреталось право на квартиру в том

¹² Александр Улановский, участник Октябрьской революции и гражданской войны, был также работником Коминтерна. В 1949 г. арестован и оказался в одном лагере с Якубовичем. Улановский реабилитирован в 1956 г.

городе, где она была потеряна. Якубович в этом случае мог бы уехать из Караганды и получить комнату или квартиру в Москве. Массовые смертные и прижизненные реабилитации политических заключенных, которые были осуществлены после XX и XXII съездов КПСС, не распространились, вопреки элементарной юридической логике, на те наиболее известные жертвы сталинского террора, которые были осуждены и чаще всего расстреляны по приговорам, вынесенным на «открытых» «показательных» процессах, проходивших обычно в Колонном зале Дома Союзов. Сотни тысяч «зиновьевцев», «рыковцев» или «бухаринцев» были реабилитированы, как правило, посмертно, тогда как сами Г.Зиновьев, А.Рыков или Н.Бухарин и десятки их ближайших соратников оставались (даже в 1976 г.) в списках «изменников родины и врагов народа». Такое нелепое положение было связано с тем, что эти фигуры имели международный статус, были знаменитыми марксистами и революционерами. По требованию Сталина все коммунистические партии, входившие в Коминтерн, особыми резолюциями одобряли вынесенные смертные приговоры и клеймили осужденных как «изменников и шпионов». Против них с «разоблачениями» и обвинениями в предательстве интересов рабочего класса после каждого из приговоров выступали на съездах и собраниях такие фигуры, как Пальмиро Тольятти, Морис Торез и Гарри Поллит. Эта открытая поддержка западными коммунистами сталинского террора стала после 1956 г. угрозой самому существованию французской, итальянской, британской и других компартий. Между тем было уже известно, что «показания» жертв террора добывались для «открытых судов» с помощью самых изощренных пыток и истязаний.

Отсутствие реабилитации у М.Якубовича объяснялось тем, что процесс по делу «О Союзном бюро меньшевиков» Сталин решил сделать открытым и показательным. Он, по своему обычаю, хотел показать народу, что неудачи в экономике и в коллективизации были вызваны не ошибками руководства страной, а подрывной деятельностью «иностранных агентов», «врагов народа» и «вредителей». Процесс в таких, уже опробованных случаях проводился по заранее разработанному сценарию, а ложные показания для сценария и его «репетиций» добывались пытками.

В 1967 г. Якубович, по настоятельной рекомендации московских друзей, составил «Письмо Генеральному прокурору СССР» с подробными объяснениями фальсификаций «процесса» и с рассказом о невероятных пытках, которым подвергались арестованные для дачи ложных

Обложка книги Р.Медведева

показаний. Копии этого письма Михаил Петрович передал друзьям, среди которых был и Рой. Брат включил полный текст этого уникального свидетельства в свою книгу. Этот документ был, таким образом, полностью воспроизведен в английском издании книги Роя в 1971 году [13]. В 1972 г. он был опубликован во французском, немецком, итальянском и испанском изданиях этой книги.

Как свидетельствовал Якубович, «...пытавшихся сопротивляться "вразумляли" физическими методами воздействия – избивали (били по лицу и голове, по половым органам, валили на пол и топтали ногами, лежавших на полу душили за горло, пока лицо не наливалось кровью и

т.д.), держали без сна, сажали в карцер босиком на мороз... Я дошел до такой степени мозгового переутомления, что мне стало все на свете все равно: какой угодно позор, какая угодно клевета на себя и других, лишь бы заснуть. В таком психическом состоянии я дал согласие на любые показания...»

Письмо было датировано 5 мая 1967 г.

Якубович передал это письмо в середине мая и Солженицыну, которого считал своим другом. Между ними установилась и переписка. Я об этом тогда знал и два раза встречался в мае с Якубовичем на квартире М.Кораллова. Солженицын с начала мая жил в Переделкино на даче Чуковских и занимался подготовкой и распространением 250 экземпляров своего знаменитого «Письма Четвертому Съезду советских писателей», которое с помощью друзей рассылалось 15–16 мая, за два дня до Съезда.

Как стало известно лишь несколько лет назад, к маю 1967 г. первый том «Архипелага» был уже закончен и находился на хранении в Эстонии и в Ленинграде. Но ни Чуковские, ни я о существовании этой работы тогда не знали. В этой рукописи в главе «Закон созрел» рассказывалось и о том процессе «Союзного бюро», о котором Солженицын узнал исключительно из рассказов Якубовича. Все другие участники процесса были либо приговорены к «высшей мере», либо умерли в лагерях. Якубович был среди них самым молодым. Однако Солженицын в своей

версии умалчивал о пытках на следствии, решив показать Якубовича энтузиастом и скрытым большевиком, готовым давать ложные показания добровольно «для пользы дела». Изложение «революционной» биографии Якубовича Солженицын давал по прежним рассказам, но без ссылки на источник и очень недружественно, с сарказмом: «... Якубович не меньшевиком, а большевиком был всю революцию, самым искренним и вполне бескорыстным... Когда же в 1930 году таких вот именно "пролезших" меньшевиков надо было набрать по плану ГПУ – его и арестовали.

И тут вызвал на допрос Крыленко, который организовывал стройное следствие из хаоса дознания... И вот что сказал теперь Крыленко:

– Михаил Петрович, скажу вам прямо: я считаю вас коммунистом! (Это очень подбодрило и выпрямило Якубовича.) Я не сомневаюсь в вашей невинности. Но наш с вами партийный долг – провести этот процесс (Крыленке Сталин приказал, а Якубович трепещет для идеи, как рьяный конь, который сам спешит сунуть голову в хомут.)...

И Якубович – обещал. С сознанием долга – обещал. Пожалуй, такого ответственного задания еще не давала ему Советская власть ...»

Однако в мае 1967 г., прочитав копию заявления Якубовича в Генеральную прокуратуру, Солженицын понял, что изложенный им ход следствия слишком сильно отличался от действительности. Скрывать применение пыток на предварительном следствии было теперь нельзя. Но менять нарисованный раньше портрет энтузиаста-сталиниста Солженицын не захотел. Дав сцену добровольного согласия Якубовича на ложные показания, Солженицын добавил к ней абзац, основанный на новом документе:

«И можно было на следствии не трогать Якубовича и пальцем! Но это было для ГПУ слишком тонко. Как и все, достался Якубович мясникам-следователям, и применили они к нему всю гамму – и морозный карцер, и жаркий закупоренный, и битье по половым органам. Мучили так, что Якубович и его подельник Абрам Гинзбург в отчаянии вскрыли себе вены... После поправки их не пытали, только была двухнедельная бессонница...» [10, с.404–405].

Нелепость этой последовательности событий совершенно очевидна. Арестованный Якубович добровольно и с энтузиазмом сразу соглашается стать ключевым свидетелем обвинения, а его после этого долго и без нужды пытаются, доводя до попытки самоубийства, рискуя сорвать этим всю постановку судебного спектакля. В дальнейшем изложении Солженицыным всего этого дела [10, с.405–407] также много намеренных

искажений с попыткой распространить модель добровольного сотрудничества со следствием на другие показательные процессы:

«Ну, разве не находка для прокуратуры?

И разве еще не объяснены процессы 1936–38 годов?

А не над этим разве процессом понял и поверил Сталин, что и главных своих врагов-болтунов он вполне загонит, он вполне организует вот в такой же спектакль?» [10, с.408].

Самая трудная миссия

Первый том *Samizdat Register* со своим очерком "From the History of Ideas (Part I)" (Из истории идей. Часть 1) Якубович получил от меня через Роя. Возможно, что это была

его первая публикация за 45 лет. Очерк занимал в книге 40 страниц и был переведен на английский Тamarой Дойчер, вдовой писателя и историка Исаака Дойчера, автора знаменитой трехтомной биографии Льва Троцкого, изданной в 1954–1963 гг. и известной на Западе почти каждому марксисту [3; 2; 4]. На очереди у меня были вторая часть воспоминаний и еще два очерка Якубовича о Зиновьеве и Каменеве, которых он хорошо знал. Рой также послал Якубовичу и копию своей рецензии на второй том «Архипелага». Ответное письмо от Михаила Петровича пришло с некоторым опозданием:

«Дорогой Рой Александрович!

Постараюсь на днях отправить Вам некоторые материалы. Для меня эта отправка – нелегкое и непростое дело. Надо добираться до почты два километра. Автобус не ходит – надо идти пешком. А у нас – то бураны, то гололед. Постараюсь добраться. С трудом хожу. Состарился тотально, и неизвестно, почему до сих пор не умираю...

Подробно не могу сейчас написать по поводу Ваших статей. Скажу только кратко. У меня другое впечатление от "Архипелага". Я воспринимаю его не как "художественное исследование" системы и практики сталинских лагерей, а как политический манифест, обоснованный примерами из этой системы и практики. "Архипелаг Гулаг" для Солженицына вовсе не потому интересен, что он вскрывает преступления сталинской эпохи, а потому, что дает ему возможность идентифицировать практику "Архипелага" с идеей социализма и идеей всякой революции вообще...».

Почерк Якубовича был очень мелким, но четким без всяких следов дрожания руки, характерного для людей этого возраста. Он рассказывал и о том, что «ко мне в Дом инвалидов приезжали корреспонденты АПН:

брали интервью по поводу "Архипелага", и о том, что в нем написано обо мне. Кроме того, заказали мне статью и очень с ней торопили. Будет ли где-нибудь напечатана, я не знаю...»

Статья Якубовича, по-видимому, не публиковалась, и копий он Рою не присылал. Была у него одна главная просьба к Рою и ко мне: написать и опубликовать в альманахе *Двадцатый век* опровержение той версии следствия по делу «Союзного бюро», которое вошло в «Архипелаг».

Рой эту просьбу выполнил и вскоре прислал мне очерк «М.П.Якубович и А.И.Солженицын», десять страниц на машинке через полтора интервала. В нем рассказывалась история взаимоотношения этих двух людей, и сравнивались тексты из реального письма Якубовича в Прокуратуру и той искаженной версии, которая была в книге Солженицына. Однако Рой в этом очерке приводил и цитату из письма Якубовича, в котором Михаил Петрович обсуждал признание Солженицына в разделе «Стук-стук-стук» второго тома «Архипелага», в котором Солженицын рассказывал о том, как и он – Солженицын – был завербован в первом своем лагере в 1946 г. в качестве осведомителя, получив псевдоним «Ветров» (с.347–367). Среди бывших советских заключенных обсуждение этой проблемы было тогда очень острым, выходя и в западную прессу. Но я не хотел в нем участвовать. От публикации очерка Роя во втором номере *Альманаха*, который ожидался в конце 1976 г., я поэтому отказался. Сам Солженицын с августа 1976 г. жил уже не в Цюрихе, а в США в северном штате Вермонт почти в полной изоляции в лесном имении, обнесенном высоким забором. Швейцарский адвокат писателя Фриц Хеб (Fritz Heeb) был уволен. Теперь он судился со своим бывшим клиентом, требуя компенсации за потерянную практику.

Я решил, что никакие статьи не могут быть эффективными. Рассказ о Якубовиче в главе «Закон созрел» был ложным и мог классифицироваться как «клевета». Исправить искажения должен был только сам автор. Чтобы Солженицын это действительно сделал, существовал лишь один путь: его об этом должны попросить издатели. При этом только просьба британского издателя могла иметь реальный эффект.

Публикацию клеветы, как известно, можно оспаривать через суд. Однако и в США, и в других странах ответственность несет автор клеветнических заявлений и иск через суд предъявляется к нему. В Великобритании ответственность за клевету несет издатель, он обязан проверять достоверность публикуемых материалов. Иск предъявляется поэтому издателю. Я, как директор микроиздательства "T.C.D. Publication", был теперь формальным издателем М.П.Якубовича и при-

обретал права его юридического представителя. Это позволяло мне обращаться «на равных» к британскому издателю «Архипелага» “Collins & Harvill Press” и к его партнеру “Fontana Books”, публиковавшему одновременно дешевое издание той же книги в бумажном переплете, доводя до их сведения, что в опубликованной ими в 1974 г. книге “The Gulag Archipelago” на страницах 401–405 содержится клевета на Михаила Петровича Якубовича, издателем и представителем которого в Великобритании я в настоящее время являюсь. Я сообщал им адрес Якубовича на случай, если они захотели бы убедиться, что он жив и дееспособен¹³. Возможными экспертами по данному эпизоду я называл профессора и заведующего кафедрой истории Лондонской школы экономических и политических наук Леонида Шапиро – главного авторитета в Англии по советской истории, и Роберта Конквеста, в книге которого о сталинском терроре был параграф и о Якубовиче.

Я предлагал основному издателю (“Collins & Harvill”) произвести необходимые изменения в тексте, сделав ясным, что М.П.Якубович давал не добровольные показания, а был сломлен длительными пытками и бессонницей. К моему письму прилагались ксерокопии заявления Якубовича Генеральному прокурору (на английском – из книги Роя) и копия страниц 401–405 из книги Солженицына. Юрист издательства и любой из его редакторов могли в этом случае легко убедиться в наличии преднамеренной клеветы. Я предлагал издателям обеспечить исправления «во всех новых изданиях книги». Это предложение относилось в основном к дешевому массовому изданию “Fontana Books”, пятый тираж которого ожидался в 1977 г. Я также писал, что вся эта проблема остается конфиденциальной и я не собираюсь предавать спор какой-либо огласке, однако советовал издателям принести пострадавшему от клеветы извинения и уплатить скромную компенсацию, желательно из гонорара автора.

Вскоре мне позвонил исполнительный директор издательства Роберт Книттель. Он, насколько я помню, сказал, что они относятся к моему письму с полной серьезностью и что он на днях отправит мне официальный ответ, копию которого я могу послать и заинтересованному лицу, то есть Якубовичу. Письмо, которое я действительно получил, просило меня подождать.

---

¹³ *Поверить в то, что человек, о революционной деятельности которого, начиная с 1906 г., и об аресте и пытках которого в 1930 г. рассказывалось в напечатанной ими книге был еще жив и может обращаться в британский суд, было, конечно, нелегко.*

ОПАСНАЯ ПРОФЕССИЯ

Перевод с английского:

«Мы публиковали "Архипелаг Гулаг" по лицензии от Харпер энд Роу (Harper & Row) в Нью-Йорке. Наш контракт был с ними, а не с Солженицыным. Текст был получен из США в форме микрофильма, и с него печаталось наше издание. Вы можете понять поэтому, что у нас нет возможности изменить текст без одобрения Харпер энд Роу. Я пишу им сегодня и прошу их рассмотреть проблему с максимальной быстротой и вступить в контакт с Александром Исаевичем как можно быстрее».

Книттель даже благодарил меня за то, что я не требую от издательства изъять из оборота экземпляры книг, которые уже отпечатаны или находятся в продаже. Такое право, по британским законам о клевете, у меня было.

Примерно через месяц Р.Книттель сообщал мне о том, что «Солженицын готов в последующих изданиях книги сделать сноску с поправкой и мы, конечно, включим ее в наши издания».

Telephone 01-493 5321

Telegrams: Herakles, London, SW1A
Telex: Herakles, London 25611.

Collins Publishers

14 · ST. JAMES'S PLACE, LONDON, SW1A 1PS

Dr Zhores A. Medvedev
National Institute for Medical Research
The Ridgeway, Mill Hill
London N W 7

24 July 1978

Dear Dr Medvedev

I am informed by Harper & Row, publishers of Solzhenitsyn's GULAG ARCHIPELAGO in America, that they have written to you concerning your letter of 7 June 1978 regarding Mr Yakubovich's claim to have been treated unfairly in the book.

As I pointed out to you in my previous letter, we hold a licence to publish THE GULAG ARCHIPELAGO from Harper & Row and I trust that they have satisfactorily dealt with the claim. Harper have informed us that Mr Solzhenitsyn is willing in subsequent edition of the book to include a footnote regarding the matter and we shall, of course, do likewise.

With kind regards.

Yours sincerely

Robert Knittel
Managing Director

Registered at Wm. Collins Sons & Co. Ltd. (Scotland 1880 No. 934) Westerhill Rd., Bishopbriggs, Glasgow G64 2QT.

Письмо Р.Книттеля

Исправить текст сноской было, конечно, невозможно. Автор не стал бы опровергать самого себя. Я поэтому не удивился, когда вице-президент американского издательства Эдвард Миллер сообщил британскому издателю о том, что Солженицын заявляет, что он с письмом Якубовича Генеральному прокурору не был знаком и все, что им написано в книге, основано на устных рассказах самого Якубовича. Я ответил, что это неверно; на с. 401 в их издании автор говорит, что излагает факты на основе формального отчета Якубовича. В русском издании говорится конкретно о ходатайстве Якубовича в прокуратуру. Якубович передавал Солженицыну текст при свидетелях, их встреча в 1967 г. происходила в квартире друзей Якубовича, Александра Петровича и Надежды Марковны Улановских в присутствии Марлена Кораллова. Да и сама последовательность событий нелепа, и это легко можно подтвердить. Решение конфликта явно затягивалось. Какие-то контакты, оставшиеся в Москве у Солженицына, не могли установить связь с Якубовичем. Он не отвечал и на письма Роя и не приезжал в Москву. Удалось узнать, что он находится в больнице, перенеся сначала инфаркт, а затем и инсульт. Для человека 86 лет прогноз был очевидным. Оспаривать клевету мог лишь живой человек. «Мертвым не больно». В 1977 г. продолжения этой истории не последовало.

Неожиданно в июле 1978 г. я получил от Роя по нашим конфиденциальным связям натуральное письмо Якубовича от 12 июня 1978 г.:

«Дорогой Рой Александрович!

Очень меня порадовало Ваше письмо. Некоторые мои старые друзья от меня отвернулись. Хотя я ничего дурного или противоречащего общественной этике не совершал. Не в первый раз происходит подобное в моей жизни. Такова, видно, моя судьба. Я читал в зарубежной прессе, как нападали там на Вас и Вашего брата за то, что Вы напечатали в Вашем журнале первую часть "Из жизни идей"... Я был и остаюсь глубоко благодарным Вам за это понимание и за то отношение ко мне в трудную для меня психологически минуту. Долго не отвечал Вам, так как сильно болею. Ведь и пора... В этом году два раза была пневмония... Все предпосылки, чтобы умереть. Но нет. Почему-то до сих пор не умираю... Не принимают и обещанное решение о реабилитации. Пересмотр дела был. Но я до сих пор не имею ответа из прокуратуры. Как я полагаю, более высокая и решающая инстанция не дала санкции на приведение в исполнение решения Генпрокуратуры... Теперь АПН заказывает мне продолжение работы – написать 3-ю часть "Из жизни идей". Для выполнения этого заказа мне дают путевку в шахтерский санаторий или профилакто-

ОПАСНАЯ ПРОФЕССИЯ

рий в Караганде, обещают предоставить спокойные условия для литературной работы. Это действительно необходимо, так как в доме инвалидов я не имею элементарных условий для литературной работы...»

12 июня 1978 г. 470001, Караганда
Дорогой Рой Александрович! Тихоновский
дом инвалидов

Очень меня порадовало Ваше письмо. Благодарю Вас за письмо. Некоторые мои старые друзья от меня отвернулись. Хотя я ничего зурного и противоречащего общественно-этике не совершил и притом не в первый раз совершил подвиг в моей жизни. Спасибо, видно, моя судьба. «Кисель!» «Кисель!» так было написано, как говорят толкиевцы. Кисель — Кисель, как бы это сказать? «Кисель» — «Кисель» — «Кисель». Вырвали, не от души. И несмотря на промежуток между двумя моими выступлениями против Советского Союза, «амнистия» меня так и не последовала. В частности, Марлен не проявил никакой заинтересованности переписку со мной. Я читал в зарубежной прессе, как наказали меня на Все, за то, что вы написали (правильно, в то же время) в вашем журнале первую статью «о жизни идей». Как призывали и Все призывали участие в обмен «революционной» идеями. Вы тогда имели opinion по выступлению и мое наказание Вами, критикуете, не представляете сочувствия у большинства моих старых друзей. Я был и остаюсь глубоко благодарен Вам за это внимание и за это

Письмо М.П.Якубовича

В конце письма Якубович писал о Солженицыне и об «Архипелаге».

«...Мое дело дано в освещении врага, проникшего ко мне в облике "друга"...». Далее в письме шли выражения с применением лагерной лексики, которые я не могу здесь воспроизвести. «Шлю мой сердечный привет брату. Сожалею, что не имею надежды увидеться. М.Якубович».

Почерк Михаила Петровича был столь же ясным и твердым, как и в 1975 году. В нем не было никаких признаков «дряхлости», даже после стольких болезней.

Я послал новое письмо британскому издателю «Архипелага» и приложил ксерокопию письма Якубовича. Пусть их юристы и эксперты

изучают и решают. Из письма было очевидно, что вместо Жореса и Роя Медведевых к ним могут вскоре обратиться те «добрые люди из АПН», которые направили Якубовича «в шахтерский санаторий», где он получил отдельную комнату и услуги машинистки для продолжения воспоминаний. Британские и американские издатели могли этого и не понять. Но Солженицын, если ему послали копию, безусловно, понял. Он, кроме того, был несколько суеверен. Ему пришлось сдаться и переписать заново одну страницу «Архипелага». Однако новых изданий первого тома на английском не было. Исправленный автором текст был напечатан в малоизвестном вермонтском издании «Архипелага» в 1980 г. и через 9 лет, в 1989 г., при первой публикации «Архипелага» в СССР в *Новом мире* [8, с.124–125].

Картина добровольного согласия на лжесвидетельство против товарищей исчезла. Якубович «...достался мясникам-следователям и применили они к нему всю гамму –...» сразу после ареста. Фраза: «И можно было на следствии не трогать Якубовича и пальцем!» была из текста исключена. Вызов к Крыленко (Н.В.Крыленко был тогда Генеральным прокурором и к нему, естественно, арестованных могли вызывать лишь в конце следствия) перенесен к окончанию следствия. Кроме этого, дана более ясная ссылка не на «ходатайство о реабилитации», а на «Письмо М.Якубовича Генеральному прокурору СССР. 1967». Оскорбительные и иронические замечания о самом Якубовиче остались, но читателю ясно, что это уже «художественное творчество».

Однако, когда уже после 1991 года и в Москве, и в областных издательствах, а позже и в Интернете, стали появляться новые издания «Архипелага» все эти исправления вдруг исчезли, первоначальная нелепая последовательность событий была восстановлена. Я тогда не мог понять почему. Сейчас понимаю. Наборы с рукописей прекратились. Издатели для новых изданий просто сканировали прежние тексты. Им удобнее было сканировать с первого издания «УМСА-PRESS» 1973 года, чем из *Нового мира*.

В журнальном варианте страницы большего формата и на каждой из них больше строк, чем в книге, и строчки длиннее. Качество журнальной бумаги хуже. Большинство версий этой книги, которые можно найти и прочитать в Интернете, также отсканировано с первого издания 1973 года. Но с 2000 года стали появляться и репродукции «вермонтского» исправленного издания 1980 года, в котором меньше страниц¹⁴.

---

¹⁴ В нем есть исправления и изменения и в других главах.

Таким было, например, издание книги в Екатеринбурге в 2004 году с «Предисловием» автора. Однако именно та исправленная автором в результате рассказанной выше полемики «новомировская» версия остается и сейчас доминирующей. Журнал в 1989 г. печатался тиражом 1 625 000 экземпляров! Таких тиражей впоследствии уже никогда не было. «Архипелаг» в «Полном собрании» произведений Солженицына (Издательство «Время») вышел в 2010 г. тиражом в 3 000 экз.

Якубович умер в 1980 г. после 26 лет тюрьмы и лагерей и 24 лет казахстанской ссылки. Его друг Марлен Кораллов нашел впоследствии запись старосты Тихоновского дома инвалидов в дневнике 1980 года:

«11 октября в 10.30 ушел от нас навсегда дорогой Михаил Петрович...»

Библиографический список

1. Двадцатый век: Общественно-политический и литературный альманах / Ред. Р.А.Медведев, Р.Лертю. Лондон: T.C.D. publ., 1976. №1. 237 с.
2. Дойчер И. Троцкий. Безоружный пророк. 1921–1929. М.: Центрполиграф, 2006. 493 с.
3. Дойчер И. Троцкий. Вооруженный пророк, 1879–1921. М.: Центрполиграф, 2006. 525 с.
4. Дойчер И. Троцкий. Изгнанный пророк. 1929–1940. М.: Центрполиграф, 2006. 525 с.
5. Из-под глыб: Сб. ст. / Ред. А.И.Солженицын. Paris: YMKA-Press, 1974. 276 с.
6. Медведев Р.А. К суду истории. О Сталине и сталинизме. М.: Время, 2011. 655 с.
7. Меншевицкий процесс 1931 года: Сб. док.: / Сост., авт. введ. ст. А.Л.Литвин. М.: РОССПЭН, 1999. Кн.1–2.
8. Новый мир. М., 1989. №9.
9. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956: опыт художественного исследования: В 3 т. М.: Вагриус, 2008.
10. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Paris: YMCA-PRESS, 1973. Т.1.
11. Aufzeichnungen aus dem sowjetischen Underground: Texte aus der Maskauer Samizdat-Zeitschrift "Das XX. Jahrhundert". Hamburg: Hoffmann und Campe, 1977. 310 S.
12. Dissenso e Socialismo: una voce marxista del Samizdat Sovietico / Con un saggio di V.Strada. Torino: Giulio Einaudi, 1977. 234 p.
13. Iakubovich's Deposition // Medvedev R. Let History Judge. N.Y.: Knopf, 1971. P.125–131.
14. Medvedev R.A. On Socialist Democracy / Transl. from the Russian and ed. by E. de Kadt. L.: A.A.Knof, Inc. and MacMillan, 1975. 420 p.
15. Medvedev Zh.A. The Medvedev Papers: Fruitful Meetings between Scientists of the World. L.: Macmillan, 1971. 471 p.
16. Une Opposition Socialiste en Union Soviétique aujourd'hui. Samizdat vingtieme siecle. Paris: F.Maspéro, 1976. 212 p.

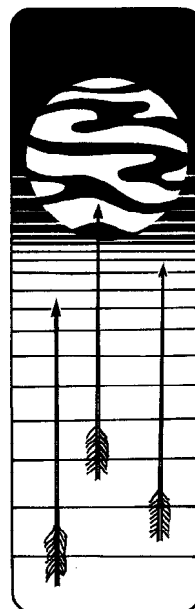
Есть разные мертвые, одни из глубины пережитых тысячелетий и теперь властно определяют направление нашего современного лучшего.

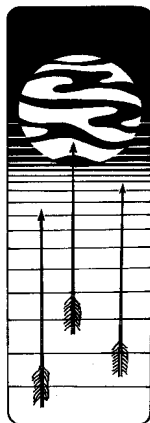
Есть чувства восполняющие и затемняющие РАЗУМ, и есть разум, охлаждающий ДВИЖЕНИЕ чувств.

М.М. Пришвин

Когда ты постигнешь все тайны жизни,
то будешь стремиться к смерти,
ибо она не что иное, как еще одна
тайна жизни.

Халиль Джебран

Владимир Мильков

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИНОМ МИРЕ¹

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

УДК 248.2

В статье на материалах трудов экзегетов, апокрифов, древнерусских произведений и фольклора рассматриваются две крайности средневекового понимания рая: как феноменальной исторической реальности и как ноуменальной сущности. Концепции земного рая в буквалистской экзегезе противостояло его отрицание с позиций христианизированного неоплатонизма. Неоднозначность ситуации интерпретируется с учетом тенденций понимания проблемы в общественном сознании. Показано влияние дохристианских представлений на апокрифические образы рая. К архетипичным отнесены образы иного мира за водной преградой, которые получили свою вторую жизнь в творчестве Василия Калки. Его взгляды оцениваются в сравнении со строго ортодоксальными произведениями средневековой отечественной книжности. Делается вывод, что наивной натуралистичности противопоставит безупречно доктринальная концепция небесного рая, как идеального надчувственного мира, лишённого черт конкретики. Картиность в понимании благ небесного рая привносилась в древнерусскую литературу описанием путешествий святых визионеров в Царствие небесное. Яркие образы рая неканонической книжности предложено толковать как чувственные аллегории будущего неопишемого блаженства.

Basing his study on proceedings of exegetes, apocryphal books, the ancient Russian writings, and folklore the author investigates two extremities of the Medieval understanding of the paradise: paradise was understood as the phenomenal historical reality and as the noumenal entity. Exegetes-textualists' conception of the earthly paradise negated the conception of the earthly paradise from the Christianized Neo-Platonism positions. Ambiguosness of the situation is interpreted with trends of the problem understanding by the popular consciousness taken in due account. Impact of pre-Christian notions on apocryphal images of the paradise is demonstrated. Images of the other world divided from this world by the water barrier are referred to archetypal images. Such images received their second life in works of Vassily the Wanderer. Vassily's opinions are estimated in comparison with the strict Orthodox works of the medieval Russian book culture. The author comes to the conclusion that the naïve adherence to the nature confronts with the impeccable in doctrinal terms conception of the ideal heavenly paradise as the supra-sensual world devoid of specific features. Scenic understanding of the heavenly paradise was transferred into the early medieval Russian literature through descriptions of saint visionaries' travels to the Heaven. The author suggests interpreting vivid images of the paradise that were offered in the non-canonical books as the sensual allegories of the future indescribable blessing.

Ключевые слова: Древняя Русь; иной мир; ад; рай; жизнь после смерти; ортодоксия; неоплатонизм; апокрифы; влияние язычества.

Key words: Ancient Russia; another world; heaven; hell; life after death; Orthodoxy; Neoplatonism; the Apocrypha; the influence of paganism.

E-mail: dr_milkov@mail.ru

¹ Окончание. Начало см.: Россия XXI. 2015. №5.

От внимания исследователей не ускользнуло то обстоятельство, что в споре Василия Калики с тверским епископом о рае (спор подробно разобран в первой части статьи) новгородский иерарх опирался на присущие народным представлениям фольклорные мотивы. Рассказ о плавании новгородцев к чудесному острову действительно имеет не только внешние апокрифические параллели, но и обнаруживает стоящую за этим сюжетом фольклорную природу. Фольклор, несмотря на христианскую фразеологию, многозначен. Это в полной мере относится к сюжету о рае новгородцев, а соответственно и к синонимичным ему мотивам апокрифических хождений. Один и тот же концепт земного рая и в фольклорной, и в книжной версиях выводит на глубокие архаические смыслы. Последние общественным сознанием средневековых людей легко декодировались в силу укорененного традиционализма. Рассмотрим и мы мировоззренческие основания традиционного понимания иного мира как мира, куда уходят предки.

Дохристианские представления об ином мире и их пережитки

Сам по себе библейский образ рая глубоко архетипичен. В научной литературе давно отмечено, что отраженные Писанием понятия о рае представляют собой синтез античных, древневосточных и христианских идей [8, с.210–212].

В апокрифической аранжировке добавляются новые грани образа. А с учетом фольклорных интерпретаций концепта в контексте древнерусской культуры смысловое поле еще более расширяется за счет ассоциаций с дохристианской архаикой.

В одном из новейших исследований неканонической книжности было очень точно отмечено «присутствие в апокрифах устной фольклорной традиции и мифологический подтекст многих сюжетов» [20, с.21. Ср.: 2, с.196]. Этот вывод М.В.Рожественской в полной мере относится к интересующему нас материалу. Нельзя не согласиться с исследовательницей, которая, развивая мысль А.Н.Веселовского, пришла к заключению, что «языческая традиция на уровне мотивов или смыслового ядра проявляет себя в средневековых, в том числе апокрифических, памятниках и через христианскую письменную форму выстраивается по модели христианского книжного текста» [20, с.21]. Архаика, с ее далекими от ортодоксии смыслами, в апокрифическом контексте раскрывается на вербальном уровне в христианской огласовке, но при этом иногда ситуативно-повествовательная фактура произведения может восприни-

маться и в мифологическом ключе. Именно такие ассоциации вызывают апокрифические образы иного мира. Апокрифические описания «того света» по своим внешним признакам поразительным образом совпадают с архаическими дохристианскими воззрениями на ту область мира, в которую «переселяются» умершие. А описание Василием Каликой плавления новгородцев к раю, как и переправа Агапия на корабле, типологически сопоставимы с индоевропейскими представлениями о пути мертвых в страну предков.

Концепт иного мира за водной преградой и способ ее преодоления – достаточно распространенное представление разных народов, включая славян. Но прежде чем переходить к русским материалам, отметим: идея островного пристанища для вечной жизни среди морских пространств звучала уже в античную эпоху. Древнегреческие мифы описывают островной Элизиум, где получившие бессмертие наслаждаются неувядающим цветением Елисейских полей. В той стране иного бытия вечная весна и полнейшее наслаждение вечной жизнью. Также Гесиод говорил о некоем блаженном острове, предназначенном для героев Трои. Это чудное место, изобильное урожаем, помещается между миром людей и бессмертных. Платон в «Горгии» писал, что души благочестивых переселяются на острова блаженных, а остальные уходят в Тартар. О чудесных островах Гесперии и Нисы писал Диодор Сицилийский. Солнечный остров в Индийском океане упоминает Эвгемер. В мире праведников – вечное лето и во всем проявляется изобильный достаток. Можно констатировать укоренение в европейской культуре повторяющихся черт мифической области бессмертных, признаки которой предвосхищали характеристики островного рая христиан.

В нашей отечественной культуре можно наблюдать много сходных с общеевропейскими черт представлений об ином мире. Согласно данным языка в славянской среде исконной была локализация области мертвых за водным пространством. Об этом свидетельствует этимологическая связь названия иного мира (*гајь, *wугај, *vугъјь) с понятиями о реке, потоке, течении (*гајь, *гојь, *река)². В этом же смысловом ключе водоворот и омут именовались словом «вир» (т.е. вырий, ирий): «по морю

---

² В иранском языке *гау, обозначает богатство и счастье [32, с.435]. Семантика отражает представления об ином мире как стране обилия и безмятежного существования. На лексическом уровне – синоним рая «порода» не столько результат морфологической адаптации греч. *παράδεισος*, сколько результат усвоения представлений о предках, роде, порождении [31, с.147].

плыл, да попал в вир» [9, с.206; 31, с.144–145]. Выявлена связь синонимов смерти и покойника с названием корабля, в котором, согласно мифическим представлениям, умершие переправлялись через реку смерти (*навь, *навьѣ – от индоевропейского обозначения судна *nau-s, которое в переносном смысле стало обозначением смерти и мертвого) [30, с.309–311]. Это значит, что рай мыслился как заречный или заморский.

Данные языка, материалы этнографии и свидетельства археологии фиксируют использование плавающих средств в погребальной обрядности, что семантически было связано с представлениями о преодолении усопшими водной преграды, разделяющей мир живых и умерших. Многие элементы погребальной обрядности были ориентированы на водную перспективу иного мира (погребение в ладье или лодке, помещение на воду свечи и полотенца для покойного, отправление стружек от гроба по течению и т.д.). Характерно, что в северо-западных регионах Руси долбленную лодку до сих пор в диалектном обиходе называют «ройкой». Не к традиции ли захоронения в лодке восходит обряд помещения в долбленные колоды, которые конструктивно напоминают долбленные ройки? Инвариантом той же смысловой нагрузки было изготовление плетеных гробов из тростника или ивовых деревьев, растущих по берегам рек.

О том, что умершие мыслились переселяющимися в отдаленные земные пределы за водным пространством, свидетельствует образ закатного солнца из похоронных причитаний: «за горы высокие, ...за болота за седучие, ...за ручьи за те шумливые, за широкие, глубокие» (вар.: «за цёмныя лясочки, ...до чистого поля, чи до синього моря»), что соответствует удаленному «краю света, где отдыхает солнце». Место пребывания солнца и умерших предков видится народному сознанию в пределах физического мира, там, где земля сходится с небом, за морем, и только изредка под землю. Содержание сказок и образы похоронных причитаний за редким исключением не расходятся в определении местоположения царства мертвых. Водно-земная перспектива локализации иного мира, мира, куда ушли предки, запечатлена в разнообразных фольклорных и этнографических данных, давно ставших объектом углубленного изучения специалистов [33, с.120–122; 16, с.136–137. Ср.: 23, с.94–112].

Нашли отражение в фольклоре и представления об островном положении иного мира. Они связаны с широко распространенным образом острова Буяна – таинственного объекта сказочной географии. По материалам заговоров он находится «посреди моря-окияна», на нем растет

«дуб маковицкий», а сакральным островным объектом является камень алатырь, из-под которого бьют живительные ключи. Архетипическое значение образа кроется в семантике названия острова. Этимологически словом «буй» обозначался погост, а древнерусское «боуи» обозначало кладбище. В понимании населения русского севера этим словом обозначали границу освоенного и безопасного пространства. Там же до недавнего времени острова связывались с миром мертвых.

Русские духовные стихи в христианизированной форме также сохранили архетип представлений о локализации мира мертвых за преградой, которая преодолевается переправой. Согласно разным версиям христианского фольклора умершие просят архангела Михаила провести через реку, или огненное пространство, за которым находится рай. В разных вариациях повторяются сходные мотивы:

*Протекала тут река, река огненная,
Как по той-там реки, реки огненныя,
Да тут ездит Михайло архандел царь:
Перевозит он души, души праведныя,
Через огненну реку ко пресветлому раю,
Ко пресветлому раю, да ко пресолнысьнему [3, №487].*

Или:

*Протекала река да река огненная
От востоку-ту протекала да вплоть до западу, –
Ширина-глубина да немеренная,
Через огненну реку да перевоз ведь есть, –
Перевозчиком Михайло архангел со Гавриилом [24, с.243].*

Порой функции Михаила вполне сопоставимы с ролью Харона, который переправлял умерших в своей лодке через реку, отделяющую мир живых от мира мертвых. По одной версии умершие обращаются к Михаилу-архангелу с просьбой о переправе через огненную реку и предложением платы за перевоз:

*Возьми ты от нас злата-серебра,
Мелкаго скатнаго жемчугу:
Пускай нас во царство, во небесный рай [4, с.138].*

По другой версии с той же просьбой осуществить переправу за вознаграждение обращаются грешники, которые не могут рассчитывать на райскую долю:

*Грешные рабы беззаконные
Оставались за рекой за огненною,*

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИНОМ МИРЕ

Вопияли во многие разные голоса:

«Свет наш Михаил архангел,

Грозных сил воевода!

Переведи нас через огненную реку,

Возьми ты от нас злата-серебра,

Мелкого скатного жемчугу,

Пускай нас во царство, во небесный рай» [24, с.238; 3, №511–512].

На уровне мотива здесь сохранилось глубоко архетипичное представление об обле мертвых, аналог которому в виде монет находят и в древнерусских захоронениях.

Понятно, что сколько-нибудь полных мифологических описаний иного мира до нас не дошло. Сохранились лишь осколки древних славянских понятий о стране мертвых и посмертном существовании. Сегодня, опираясь на обширный материал этнографов и фольклористов, можно реконструировать, каким в архаичном дохристианском сознании представлялся иной мир, мир инобытия, в который на вечную жизнь уходят предки.

Иной мир мыслится вполне реальным физическим пространством, только труднодоступным [13, с.353]. Несмотря на разные версии локализаций мира предков и его инварианта в образе сказочного «тридцатого царства», он представляется народному сознанию вполне материальным и в эмпирических своих чертах повторяет реалии посюстороннего мира. Вполне чувственно воспринимаются быт и насельники «того света», который «рисуетса жизненными чертами» и мыслится как «продолжение земного существования» [11, с.43–47].

По сути дела, традиционная культура отражает представления об удвоении физического пространства, в котором область предков невидима для живых, но сами предки не утрачивают способности чувственного восприятия – как до придания земле, так и в своем посмертном существовании. Согласно традиционным народным представлениям, умершие «сохраняют все свойства телесных существ – они едят, пьют, нуждаются в одежде, испытывают радость и страдания» [13, с.358]. Представление о материализованных контактах с почившими и наделение последних физическими способностями прочно сохраняются, несмотря на то что личность невидимого умершего отождествляется с душой [26, с.167]. Такому отождествлению способствует не изжитая в традиционной культуре вера в живого мертвеца. Не случайно исследователи традиционной культуры употребляют понятие «душа» в кавычках, когда в погребальных и поминальных обрядах моделируются вполне материаль-

ные потребности «душ» [22, с.64]. Подавляющее большинство поверий о действии «душ» умерших никак не могут происходить из понятий их идеальной природы.

Характерно, что сказочный герой попадает в иное царство после преодоления преград и испытаний на трудном пути. По сути, он преодолевает препятствия перехода в иной мир. Проводы умершего так же мыслились, как отправление его в нелегкую путь-дорогу. Погребальный обряд – это обряд перехода, ритуальное обставление которого направлено на облегчение пути умершего: снабжение «путника» в иной мир пищей, обувью, деньгами, вспомогательными для преодоления препятствий приспособлениями. Все перечисленные здесь этнографические детали фиксируются археологически. Вопреки церковным нормам, вещьположение как неизменный элемент традиционной погребальной обрядности так и не было устранено из вековых народных привычек. Но именно вещьположение указывает на физическое понимание посмертного существования [27, с.86].

Иной мир в сказках и поверьях рисуется как место обилия, богатства, тепла, достатка, а главное – как царство света. В комплексе традиционных архаических представлений наших предков иной мир – ирий – наделяется эпитетами солнечного, теплого и беспечального. Поэтому особую роль в кругу традиционных представлений о смерти и ином мире играет дневное светило. В сказках иной мир – это чаще всего царство солнца. По народным поверьям солнце считается светилом мертвых. Даже в обиходной лексике славянских народов о зашедшем солнце говорится так же, как и об умершем. Согласно образам причитаний, характерным для носителей традиционной культуры, умершие отправляются «к красну солнышку... на беседушку» (вар.: «К красну солнышку на пригребушку») [19, с.116].

Мы уже касались сведений, что сторона предков мыслилась там, куда уходит на ночь солнце. Согласно образам причитаний, характерным для носителей традиционной культуры, умершие отправляются в иной мир вместе с солнцем. В некоторых похоронных причитаниях умерший непосредственно уподобляется солнцу. Он, подобно скрывающемуся из глаз светилу, удаляется из мира (т.н. «космическое кодирование»): «Вроде солнышка за облачко теряется, так же дитяtko от нас же укрывается» [19, с.116].

Солнце не только источник света, но еще и проводник в иной мир. В славянском фольклоре существовало относящееся к этому кругу представлений понятие «вывести на свет» (с ним же связан комплекс дейст-

вий, направленных на то, чтобы покойник мог видеть) [28, с.189]. Данный круг воззрений весьма и весьма древний. Об этом свидетельствуют данные языка. Слово, обозначающее умирание и смерть, в индоевропейских языках оказывается однокоренным с производными от *mer (в значении «мерцать, мелькать, сверкать, пестрить, искриться»): нем. *merken* – «замечать, видеть, воспринимать»; укр. *mrīti* – «мерцать, поблескивать, светать, смеркаться, брезжить, неясно видеть»; др.-англ. *a-merian* – «осветлять, очищать»; лат. *merus* – «чистый» [29, с.49–52]. То, что сегодня этимологически представляется связанным с мраком, в архаике имело обратный смысл.

В комплексе традиционных архаических представлений связанная с солнцем идея зримости пути мертвого имеет отношение, прежде всего, к обряду перехода на «тот свет». Переход этот виделся трудной дорогой, с которой нельзя было сбиться или заплутать. Несмотря на преграды (которые всегда физические: море, дальние леса, гора, радуга), правильное исполнение обряда призвано было обеспечить достижение страны предков. Судя по деталям традиционной обрядности, освещение во время перехода в иной мир обеспечивалась сугубо материальным способом: либо зажжением свеч в предсмертный час; либо временной привязкой проводов, когда путь освещается небесным светилом (т.е. осуществление погребения до полудня, о чем в середине XII в. писал еще Кирик Новгородец) [28, с.189, 192. Ср.: 17, стб.37]. Путь в невидимый иной мир представлялся носителям традиционной культуры как преодоление мрака, чему должен был способствовать свет, «помогающий умершему пройти темный путь в загробье» [22, с.67]. Видимо, отчасти с этими представлениями связаны находки свечей и воска в древнерусских захоронениях, которые почему-то относят исключительно только на счет влияния христианства. В ряде сказок первое впечатление героя от перемещения в чужое пространство – темнота и только «затем опять свет и жизнь» [11, с.44].

Противопоставление жизни и смерти в народной культуре прочно было связано с оппозицией видимое / невидимое. В понятиях о невидимом живые характеризуют умерших; те же, кто покинул этот мир, оказываются в ситуации вынужденной слепоты при попадании во мрак переходного состояния (разновидность препятствия на пограничье миров). Преодолению слепоты мрака служат обрядовые средства: возжигание свечей и отправление в иной мир засветло, вместе с солнцем, то есть средства, предполагающие ту же физическую осязаемость. После того, как умершие водворяются вместе с предками, они попадают в сферу жизни, а следовательно, света, гармонии и обилия. В зеркальном по отношению к физиче-

ской реальности мире инобытийной вечной жизни сияет неугасающий свет – не заходящий, и в лучах этого света иной мир зрим для тех, кто оказывается в нем³.

Как можно было убедиться, не только в Средневековье, о котором у нас идет речь, но вплоть до прошлого столетия в традиционной культуре сохранялись множественные пережитки архаичных представлений об ином мире. Сохранялись и уживались, под прикрытием вербального покрова церковных понятий. В XIV столетии дохристианские ассоциации проявляли свою актуальность вплоть до влияния (неосознанного, конечно), на церковную письменность.

На основании фольклорных, этнографических и археологических данных традиционные воззрения реконструируются в деталях, достаточных для сопоставления с письменными источниками Древней Руси. Из этого сравнения следует, что и в архаической, и в средневековой картинах мира область обитания умерших одинаково мыслится расположенной в пределах физической реальности. Внешние черты схожести двух картин мира были причиной включения узнаваемых элементов в «Повествовании о рае» Василия Калики. Древнерусский автор, транслируя архаику, не отдавал отчет, что за формально зеркальными повествовательными сюжетами стояли разные мировоззренческие установки.

За синкретизмом всегда кроется возможность двусмысленного понимания текста. В «Хождении Зосимы» и в воспроизведенной Василием Каликой легенде о плавании новгородцев к раю воспроизводились мотивы, «резонирующие» с понятными для традиционного сознания архетипами. Общими были представления о локализации иного мира за водной преградой и способах попадания туда. В свете приведенных соответствий с полным правом можно сказать: «средневековая легенда воскрешала древние верования и переносила их на христианскую почву» [21, с.40]. Все это позволяет расценивать близкие вариации мотива русского фольклора в аспекте его хтонической природы и соотносить Буян и ирий с обителью вечной жизни для ушедших из этого мира предков.

Как можно видеть, вместе с аргументом от «видаков» в «Послании о рае» Василия Калики вводится сюжет об островном рае с глубоко архетипическими чертами иного мира за водной преградой. Если оценивать ситуацию строго канонически, то новгородский святитель выражает не просто бытовую, а уже мифологический взгляд на вещи. Естественно, что древнерусский иерарх не мог воспринимать рассказ о плавании к

---

³ *Имеются в виду апокрифические хождения, в которых визионеры созерцают рай и ад.*

раю в ключе языческого понимания ситуации. Но этого нельзя сказать о его информаторах. Владыка вводил фольклорный материал по ассоциации с апокрифами. Сюжеты о плавании к иному миру (раю) были в народе на слуху, и естественно, не порвавшее с двоеверными привычками население понимало их совсем не так, как новгородский владыка. Тем не менее встреча двух концепций инобытия произошла на весьма специфическом для этого поле – поле церковного документа. Но именно этот необычный документ сохранил для нас данные, которые проливают свет на традиционное дохристианское отношение к посмертному существованию. Через параллели в неканонической христианской книжности четче раскрываются архаические смыслы легенд и поверий об ином мире, запечатленные в данных фольклора и этнографии.

Фактор православно-языческого синкретизма обязывает исследователя считаться с ним при анализе как традиционной культуры, так и культуры официальной, которая, как в разобранном сюжете, могла испытывать на себе влияние традиционализма. Использование в полемических целях сюжета о плавании новгородцев к раю – самая парадоксальная часть «Послания» Василия Калики. Подобный шаг церковного иерарха не укладывается в рамки строгой ортодоксальности. Как только владыка покидает поле буквализма и вступает на зыбкую почву мифологии, пусть даже неосознанно, он умаляет авторитет догмы. Иерарх в данном случае не поднимается выше уровня мировосприятия своей паствы, с характерной для нее наивной верой в достижимость райских пределов. По сути, он балансировал на грани признания доступности для человека сверхъестественных явлений. Такая защита правоверия недорого стоит. Симбиоз был одновременно и случайным, и объективным. Однако в церковной традиции авторитетными богословами разрабатывалась концепция небесного рая, которая имела четкие онтологические основания и исключала всякое смешение с архаикой, в отличие от концепции земного рая новгородского архиерея.

**Небесный рай
и его трактовка
христианскими богословами**

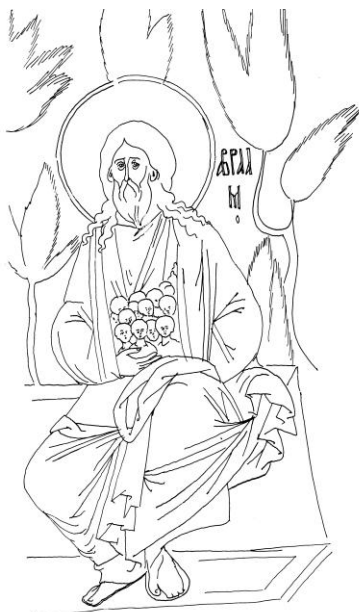
Тема земного рая – это только часть «райской» проблематики. Василий Калика, как и другие буквалисты, признавал существование наряду с земным также небесного рая. К это-

му обязывали прямые указания на таковой в Св. Писании.

Богословской нормой был принцип двойственности рая, существующего одновременно на небе и земле. О небесном рае говорилось

преимущественно в новозаветных текстах, где он понимался как место пребывания праведных душ. Это место блаженства отождествлялось с Небесным Иерусалимом (Евр. 12, 22; Откр. 21, 2–3, 10–27), лоном Авраамовым (Лк. 16, 22), либо о нем говорилось в обобщенной форме как о Царствии небесном (Мф. 3, 2; 11, 11); Царствии Божиим (Лк. 9, 27, 13, 28–29). Небесное Царствие наделялось чертами абсолютно неприродными: «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1 Кор. 2, 9; ср.: Ис. 64, 4). Это место жительства на небесах, исполненное желанных благ (Флп. 4, 20), место общения с Господом (Лк. 23, 43), место, куда достойные во

Даниил Черный. Лono Авраамово.
Прорисъ фрагмента росписи Успенского
собора во Владимире. 1410–1414 г.

время светопреставления будут восхищены навстречу с Богом (1 Фес. 4, 15–17). Праведники испытывают в раю покой, веселие и духовное блаженство (Евр. 4, 3, 11; Мф. 8, 11; Лк. 6, 22). Постулат о том, что души святых прибывают на небесах, и обещание небесных чертогов праведным последователям Христа – общее место христианской экзегезы.

Представление о нематериальности небесного рая было следствием догматических установок, которые на онтологическом уровне постулировали разграничение физических (временных и несовершенных) и духовных (вечных и идеальных) состояний бытия. Именно в силу своей нематериальной природы евангельский рай не получил описания в конкретных чувственно-осязаемых образах.

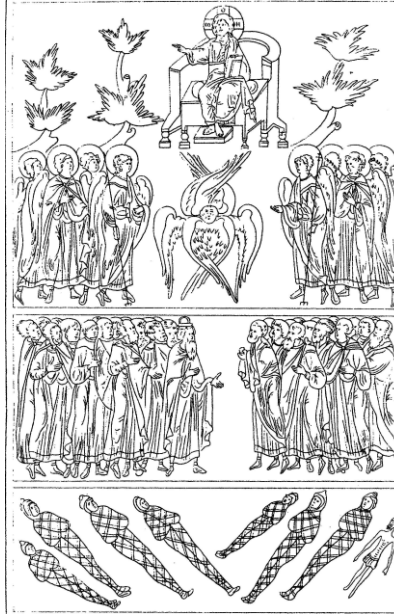
Как следствие, концепт небесного рая присутствует и в Писании, и в экзегезе не «картинно», а, прежде всего, как принцип. Присутствует этот важный в догматическом смысле принцип и в текстах, обосновывавших существование земного рая. Понятию небесного рая там соответствует «рай мысленный», «рай духовный», или, как в Евангелии, «Царствие небесное».

Если ветхозаветный рай описывался как явление историческое, то новозаветное понимание рая сопрягалось с танатологическими аспектами. У христианских авторов не было единообразия в трактовке посмертного существования душ и согласия относительно мест их посмертного пребывания. По Иринею Лионскому, например, души умерших переселяются в некое невидимое преисподнее место, где существуют до всеобщего воскресения. Праведники в загробных потусторонних местах духовно совершенствуются, а грешники пребывают заключенными во тьму, что символизирует их отлучение от Бога. Чувственные переживания в инобытии невозможны, а души претерпевают исключительно духовные состояния [18, с.213–214, 330, 458, 513–514].

Климент Александрийский считал, что души праведных и мучеников сразу попадают на небо в небесную церковь (Небесный Иерусалим) и там пребывают в покое и блаженном созерцании Бога. За прегрешения души нечестивых попадают во тьму и огонь, где могут очиститься и переместиться в лучшие места, вплоть до достижения полного блаженства. Специально акцентируется внимание на внемчувственности посмертных мучений грешников. Согласно Клименту, души пребывают «в духе суда и в духе сожжения» [25, с.64–66, 282, 326, 506, 521, 624, 727–729, 817, 842, 867].

Григорий Богослов учил, что души умерших праведников пребывают в Горнем Иерусалиме и в состоянии духовного чувствования переживают угодованное им в будущем вечное блаженство, а после Суда к блаженству приобщатся и тела избранников Божьих [6, с.209–213].

Достаточно подробно о посмертном существовании писал Григорий Нисский. Он исходил из того, что души по своему происхождению при-

Три царства. Миниатюра из «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова. 1542 г.

надлежат внеприродному духовному миру и существуют по его законам. Это сущности нематериальные (подобные ангельской природе) и вечные. Поэтому в природе для покинувших тела душ, имеющих простую и отличную от материальности сущность, места нет. Обладающая разумными и невещественными качествами сущность не может пребывать в каком-то определенном месте. Из видимого мира явлений она переселяется в невидимую область. С одной стороны, рай в трактовке экзегета – это третье эфирное внеприродное небо, или «небесная земля», уготованная только избранным праведникам. Но, с другой, – сфера инобытия, по Григорию Нисскому, не вписывается в картину мироздания. В шаровидном и постоянно вращающемся Космосе нет места для ада и рая, поскольку нет пространства, их ограничивающего, а подземное и надземное места поочередно пребывают в свете и тьме [7, ч.I, с.73; ч.II, с.378; ч.III, с.371; ч.IV, с.207, 247–249].

Посмертную участь Григорий Нисский призывает воспринимать не в буквальном значении библейских образов, а в духовном смысле. Соответственно ад и рай трактуются им как аллегории посмертных состояний души. Понимание посмертной участи в творениях Григория основывается на том, что души могут переживать три состояния: сначала земное, связанное с жизнью в теле, а после смерти либо ангельское (небесное бытие праведных душ), либо преисподнее, аллегорически олицетворяющее смерть нечестивых. Жизнь ангельская, как и преисподняя, – это особое «невидимое и бесплотное состояние жизни», в котором пребывают души. В подобном состоянии души способны воспринимать нематериальные блага, но это восприятие осуществляется не в привычной для земного мира форме. По сути, простираясь до небес, души не прекращают связи со своими телами [7, ч.IV, с.230, 247–248, 249, 255, 263], обеспечивая воссоединение земного и небесного в момент финалистического преображения мира.

Казалось бы, следовало ожидать, что экзегеты для постэсхатологического состояния будут постулировать обретение полной чувственности для блаженства или страданий после воссоединения душ со своими телами. Но Василий Великий созерцание в Царствии небесном после Страшного Суда понимал внетелесно, как восприятие первообразов вещей, ибо по законам физического мира находиться в общении с ангелами и божеством невозможно [5, ч.I, с.343; ч.VI, с.36–38].

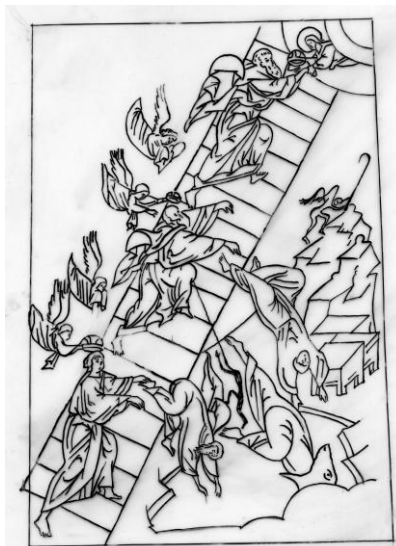
Прояснить тайну инобытия старались и древнерусские книжники. Свое любопытство они удовлетворяли теми сведениями, которые давала на этот счет переводная христианская книжность. В отечественной

письменности повторялась вариативность святоотеческих трактовок, но преобладала констатация общего принципа. Например, в богослужебных чтениях звучала мысль о том, что угодившие Богу восходят на небеса. Словами Ефрема Сирина утверждалось, что творящие Божью волю пребывают в веки в царстве вечного добра и блаженства. В разных произведениях древнерусской книжности проводится мысль о том, что добрые дела вводят в царство блаженства на небесах. Согласно статье из рукописного сборника XIV столетия, Бог «верныя введе в царство свое, иде же веселящихся жилище есть» [1, л.22 а (XIV в.)]. В «Слове о втором пришествии и Страшном Суде и о будущей муке» Палладия Мниха рай отождествляется с Высшим Иерусалимом. Этот мотив перешел в народные духовные стихи.

Труднообозрим массив древнерусских текстов, в котором формулируется повторяющаяся идея о том, что Царствие небесное, жизнь вечная, покой и радость уготованы праведным, творящим волю Божию. Когда поднималась эта тема, то в абсолютном большинстве случаев без дополнительных пояснений речь шла именно о небесном рае. Рай земной в такого рода поучениях или экзегезе упоминался значительно реже. Это не значит, что он не являлся предметом веры. Он оставался в тени, на периферии смыслов. Ситуация обратная той, которая была характерна для антиохийского богословия, акцентировавшего внимание на земном рае.

Нечто похожее наблюдается в древнерусской живописи. В ней трудно обнаружить, чтобы сюжеты небесного и земного рая изображались рядом. Небесная перспектива в иконописи преобладает, а земной рай встречается среди иллюстраций к библейской истории.

По материалам древнерусской письменности канонического свойства в рамках темы небесного рая практически не встречается конкрети-

Лестница добродетелей. Угодившие Богу восходят на небеса. Миниатюра XVII в.

зации облика Царствия Божия (редкие исключения скупые черты образа Небесного Иерусалима). В высказываниях о небесном рае дело обычно ограничивалось констатацией признаков надприродного, надчувственного и наделенного идеальными чертами мира. Такое понимание находится не столько в русле буквального восприятия евангельских текстов, сколько отвечает онтологическим установкам христианской доктрины. С точки зрения религиозного учения, ноуменальность – антипод феноменальности. Как следствие, рай устойчиво связывался с духовной сферой вечного и неизменного, а посмертное существование душ в небесной обители блаженства, несмотря на употребление привычных для земной логики вербальных понятий, подводилось под законы мира надприродного. В частности, инобытийное блаженство и радость вовсе не тождественны таковым в феноменальном смысле. Райское состояние мыслилось не по аналогии с плотской природой, а понималось как некое сходное с таким воздействием вневещественное переживание духовных состояний.

**Апокрифические образы
Царствия небесного**

Отсутствие конкретики и четких зримых образов Царствия небесного в канонической литературе с лихвой восполняли апокрифы. Подробное описание рая и райской жизни предлагали видения инобытийного мира.

Тексты с записью видений не проходили через жесткие доктринальные фильтры, поэтому «наглядные» представления о небесном рае в Древней Руси формировались главным образом под влиянием книжности неофициального значения.

Самое обстоятельное описание небесного рая содержится в «Житии Андрея Юродивого», которое было известно на Руси с XII века. Поскольку оно было наполнено вполне осязаемыми образами, автор «Жития» пытается это даже как-то объяснить. В его интерпретации Андрей сомневался, духовными или плотскими очами видит он неизреченную благодать «места того». Осознание двойственности неоднократно звучит в апокрифическом описании. Двойственность эта выражалась в том, что визионер находился в раю, «яко во плоти», но одновременно «не беаше тягости чюти в теле». Согласно сюжету, видение надмирное было открыто святому во сне, и это является своеобразным объяснением того, как святой, находясь в раю, «видих же образъ его невидимый» [15, с.203].

Реалии духовной сферы предстают в зримом, плотском облики. Когда Андрей объят был сладким сном, он ощутил себя «в раи красне и дивне велми». Ему открылись виды необыкновенной растительности: «земля рая того... испестрена сущи различными цветы». Одни цветы в небесном саду благоухали, а с других мед сочился. В рассказе о чудесном видении говорится, как все растения в раю «цветут беспрестани и да не оувядають». Там, среди растений невиданной доброты и красоты, всяк «плодь честен и славен», подобных райским плодам «нес же земьных ни едино». В небесном саду златокрылые птицы на разные голоса выводят неумолкающие сладкие небесные мелодии. Еще видел Андрей, «как река велика идет посреде рая и напаяше сады оны красныя вся». Наблюдал, как по пространству райскому «простерло бо ся лозье» виноградное со золотыми листьями, «исполнена грозновия красна и... украсили саде те лозным исплетениямь». В видении описывается движение в раю цветных ветров, которые – кроме сладости, радости и разных чудных видений с четырех сторон света – несут с собой «воня дивны». В апокрифе неоднократно проводится идея, что все открывающееся святому на небе многократно превосходит земную реальность. В связи с этим в тексте проговаривается, что невозможно словами передать «странная и дивная и всечюдная доброты видимых тамо», ибо даже свет мира сего в сравнении с райским – тьма [15, с.197–198, 199–200, 201–202].

Встречаются некоторые детали, относящиеся к уточнению небесной топографии рая. Судя по житийному описанию, рай расположен в «верху тверди нбесныя». В какой-то момент своего путешествия Андрей с ужасом осознает, что он находится будто на облаке. Он озирает находящееся внизу, и с райских высот перед ним раскрывается «бездна морьская» (воды тверди). Затем Андрей поднимается выше, на следующее за твердью небо. Там он созерцает «въздух пламян и покои велик сущим тамо уношам». Когда он оказывается выше третьего неба, то видит бесчисленный сонм ангелов – «унощь красных пламянных... телесы бесплотными висоце оружити, копя страшна держаще в пламянах руках». На самой вершине небесной Андрею открылся «престол страшен... на воздухе висяща не держим никым же, пламы же исхожаше из него» [15, с.205–206, 208, 209]. Оттуда святой слышал исходивший Божий глас, сладкий, будто мед.

Андрей Юродивый «ходил по ширине святого ограда божия» и размышлял о необыкновенных размерах небесной обители: «велик бо беаше рай той велми, не в долготу токмо, но и в широту». В необъятных

райских пространствах набрел он на поле: «и на том поле сада не беаше, но беаше поле то все красно и светло велми и муравно и цветно велми часто, источники да и ти мало по малу течаше из них млеко и мед, да тако реку текуще в высоту... и воня добра изъхожаше из них и сладость». Далее объясняется, что это «пажить покоя», уготованная праведникам. Заканчивается описание чудесного видения обращением к читателю: «потщимся да будем спасени и обрящемся тамо в удержание вечное». На эмоционально-эстетическом накале впечатляющего повествования внушается мысль о том, «какого царства грешници волею хотяь себе лишити» [15, с.211, 213, 214].

По сравнению с «Житием Андрея Юродивого» созданный в «Видении апостола Павла» образ небесного рая не столь картинно впечатляющ и эмоционально возвышен. Повествование обладает чертами ровного информативного стиля. Последовательно, в порядке путешествия по иному миру, перед визионером разворачиваются картины мук и райского блаженства. На третье райское небо Павла возносит ангел. Вход обрамляют врата с двумя золотыми столпами, на которых написаны все дела праведных. За ними молоком и медом течет река, а деревья необыкновенных размеров по тридцать раз в год приносят разнообразные сладкие плоды. Свет в раю семикратно превышает блеск серебра. Согласно объяснению, это место Бог уготовил своим святым, которые сюда привнесены будут по смерти или после второго пришествия Христа. Кроме этого, апостолу Павлу показан был светлейший град Христов (Небесный Иерусалим), огражденный двенадцатью стенами по 1 000 столпов в каждой. Там текли с четырех сторон света реки: медовая, молочная, винная и елейная, которые уподоблены библейскому райскому четырехречью. В граде небесном Павел встретил пророков, ветхозаветных праведников и других, угодивших Господу. Во время чудесного путешествия он созерцал «начало небесное» и великий Океан, окружавший Вселенную [14, с.542–545 /567–568/]⁴.

Кроме небесного рая, как уже говорилось выше, Павлу был показан рай Эдемский – земной, а в нем Древо жизни. Там путешественника встретили и беседовали с ним: Богородица, Илья, Елисей, Моисей, Ной, Авраам, Исаак, Иаков [14, с.546–547 /569/, 557–560 /575–576/]. Судя по тому, что одни и те же райские насельники встречаются и в земной, и в небесной обителях праведных, райская тема апокрифа образована механическим соединением двух частей разного происхождения. При таком

---

⁴ Здесь и далее в косых скобках указывается страница перевода к оригиналу.

соединении райские реки оказываются одновременно на земле и на небе. Из самого факта соединения видно, что автор апокрифа воплощал распространенную в религиозной мысли идею об одновременном существовании небесного и земного рая, которые в апокрифической интерпретации не отграничены друг от друга.

Достаточно детальное описание небесного рая содержится в «Житии Василия Нового». В нем описывается, как после успешного прохождения мытарств душу Феодоры вознесли к вратам небесным, которые были похожи на хрустальные («беху же врата небесана яко кристаль»). Согласно апокрифическому тексту, при прохождении героини повествования в Царство Божие, вода, бывшая над землей, расступилась, а затем снова сомкнулась: «идушимъ же намъ вьноутрь небесь разделяшесе вода бе надъ тврьдию и паки събирашесе въ сьньмъ свои». Эти детали позволяют считать, что на своем пути в ноуменальный мир душа преодолевала границу верхнего предела физического мира (тверди), с разлитыми по ней водами. В небесном мире на высоте открылся Феодоре вид Божьего престола в окружении ангелов, и святая поклонилась невидимому Богу: «видехомъ висоту неизьчтенноюю зело. На неи же бе престоль божий бель... окрьсть же его предстояху юноше красни блистающеи, въ багръ чьрвленны обльченны... и поклонихомсе святеи троици». После этого идет красочное описание обители святых (апостолов, пророков, мучеников, преподобных, праведников) и их неземной трапезы: «преидохомъ въ села стых, беху же яко полати изменении... рукою божиею устроенные, на месте злачнем на месте покоине. О себе суть, села апостольскаа и о себе пророчскаа, а иньде мученичьскаа и особъ преподобныа и праведныа. Яко же беху въ шириноу и въ дольготу преподобни цареграду»; «...вьнидохом же въ дворець, его же бе помость златими дьсками украшень. Посред же его стояху древеса, польна суще всачьскаа плодовъ прекрасных и отуду прозрехомъ къ вьстоку, и видехомъ полати красни светлы и високи зело устроены, стояше же и трапеза велиа яко тридесеть лакоть и беше же оустроена от камня изьмарагда блистающи. Стояху же на трапезе тои блюда златы прекрасна зело...» [12, с.235, 236, 237].

Повествуется и о посещении Феодорой Эдемского рая. Судя по ее рассказу, который воспроизводится в апокрифе, земной рай более величествен и красив, в сравнении с небесным. Рай, который насадил Бог на востоке, поражает чудесным цветением и необыкновенными плодами. Впрочем, в этом земном раю все неземное. Согласно пояснению, даются тамошние блага в утешение и награду достойным после их смерти:

«Емьши же ме за десную руку, и изидохове на десную страну и се стена вь ней же беху златы врата, и отбрьзошесе врата и вьнидохове вьнутрь. И видехъ зеля златомь и листиемь, и цветци украшенно, из них же исхождаше сладость и воня неизреченна. И посемь видехомь множество древесь прекрасных бесчисленно и от тежести плодовь прекланеющимсе до земле и оужасохсе и чюждахсе много»; «...заповеди претръпеваше zde e от бога сподобляемь есть мздою въздания утешения вь вечные веки веселещесе» [12, с.239, 240].

Дальнейшее описание иного мира ведется со слов ученика Василия Нового – Григория, которому было открыто видение Страшного Суда. Ангел показал ему двенадцативратный и охваченный мощными стенами Высший Иерусалим, который блистал, как золото, а громадностью своей был сравним со сводом небесным: «страшень же онь градъ беше и зело великъ яко кругъ небесный вь широту и вь дълготу... беше же висота стени града того яко лакоть триста, врата же беху двоя на десета вь немь твердь ставленна и заключена». Затем Григорий наблюдал, как обновилась небо и земля, как вершился Суд над вставшими из мертвых. Ему дано было видеть красоту той обновленной земли, которая покрылась прекрасными садами и различными цветами. В ветвях запели птицы небесные, а среди красот струились реки, наполненные медом и молоком. Красоты эти, согласно разъяснению, были уготованы для кротких. После светопреставления ангелы свели с небес Иерусалимград (Ср.: Откр. 21, 10–27) и поставили его на востоке, где был рай Эдемский. С пришествием Христа и на небе и на земле появились селения Божии чудной красоты («села и покоища» райские): «...явитесе в сеи висоте святых моихъ купно и благая селения иже от века уготованная имь. ...И се вь всемь мире, явишет домове, полаты, храмы, и чертозы, и церквице, и странна, и дивна, и страшна здания, прегражденнаа другъ от друга различно. И се вь ныхъ вь вечных обителых святыхих, постеле и одрове ложие, кровати, столове, престолы, богатнаа, и все страшнаа, и вь всех техъ огады разумние, и винограды, дворцы, и сены, и притвори, и древеса, и садове бесъмрътны, плодове умь удивляюще веселиемь вькушениемь». Показав избранникам своим жилище, в котором пребывал Адам, Господь удалился в горний Иерусалим. Великие праведники из тех, кто достиг совершенного бесстрастия, вошли вместе с Господом в Царствие небесное и стали невидимыми, а на обновленной земле остались те, кто чисто пожил и исполнял заповеди Христа. Одни поднялись на небеса, другие водворились в предместьях святого града [12, с.254, 255, 309, 311].

Параллелизм земной и небесной сфер рая в апокрифическом произведении не только получает свое объяснение, но еще и служит основанием для дифференциации заслуг Божиих избранников («раздае о сых господь по сану, и по достоанию святымь своимь») [12, с.310]. В постэсхатологическом будущем обновленная и очищенная огнем земля по сути дела отождествляется с земным раем, а обновленное небо с Царством Божиим, сакральным ядром которого является Горний Иерусалим. Формируется установка, что ближе к Богу оказываются те, кто претерпел страдания и лишения за него.

**Описание рая в «Диоптре»
Филиппа Пустынника
и его неоплатонические
основания**

Оригинальная трактовка природы рая дается в «Диоптре» Филиппа Пустынника. Путь к «двери небесной» там ведет через мытарства, как и в «Житии Василия Нового». Достоиную душу владыка приводит в жилища праведников и показывает ей «пресветлое место», где пребывают праведники, пророки, апостолы, мученики и все прочие, угодившие Богу. В жилищах праведников душа созерцает несравненную радость и красоту, которую невозможно описать: «И по еже видети сия вся, душе моя, веселишися, жилище зрящи праведником... Неисповедимую радость и доброту ону ум убо всяк не взмагает, ангелскы и человек, рещи и исповедати яже места оного».

Далее в произведении уточняется, что у небесного жилища, в котором находятся праведные души, названий много – и земля живых, и сень праведных, и пищи поток, наполненный бессмертия: «Яко же Писание учить, на небеси есть, иде же предпочиваеть всяка душа праведная. Но и имены многознаменито есть, страна бо живых наречеса, и земля кротких, паки празнующих глас же, и сень праведных, пищи поток, исполнен бессмертья» [10, с.83 /205/, 118 /239/].

В развитие темы рая, автор «Диоптры» противопоставляет земную жизнь небесной. Он формулирует идею, согласно которой в будущей жизни домом, одеждой и пищей будет Бог. Ожидаемое в инобытии подчиняется законам надприродного мира. Такое возможно, ибо изменится сама сущность человека. После второго пришествия в его физическом складе не останется ничего, что было прежде связано с процессами жизнедеятельности. В произведении проводится мысль, что после воскресения тел, по сути, должна произойти их дематериализация, возвращение к божественной природе Адама до грехопадения. В такой интерпретации догмат о воскресении тел превращается в аллегорию.

Поскольку в вопросе воздаяния Филипп Пустынник принимает трактовку Григория Нисского, строгая поляризация рая и ада теряет смысл. По убеждению этого экзегета – все спасутся. Кто-то раньше, а кто-то позже примет ожидаемое блаженство. Поэтому и муки рассматриваются как лечение от пороков, ради достижения полноты идеального бытия. Впечатляющие картины рая, характерные для апокрифов, здесь отсутствуют, ибо само понятие рая становится больше символом. Достаточно в связи с этим вспомнить постулат Григория Нисского, что души ни в каком месте локализованы быть не могут.

Поднимается в «Диоптре» и проблема ветхозаветного рая. Филипп задается вопросом, будет ли вселение святых в рай, который был насажен на востоке и в котором пребывал Адам, и будут ли созданы новая земля и новое небо в момент светопреставления? Автор «Диоптры» категорически отвергает такую возможность, в уверенности, что у Бога нет потребности в создании нового творения. Создание обновленного мира он называет «излишней тварью», появление которой со вторым явлением Христа многие ожидают в виде доступных чувств неба и желаемой земли. Категорически он отвергает такую возможность и заявляет, что в будущем не обретется такого места, где можно царствовать и наслаждаться: «Не суцу яве яко будущему царствовати и всприяти тех». По его убеждению души идут не в конкретное место на небе, уготованное для праведников, а будут восхищены навстречу Господу по воздуху и будут пребывать с ним. И вновь повторяются уже высказывавшиеся тезисы: исчезнет все видимое, воспринимаемое чувствами («съотлагаемом чювьственным, и видимымъ, и явленным всем»); божественная природа будет питать новую жизнь («вместо бо сих всех божественное еСТЬСТВО будет ко всякой потребе жизни»); местом для достойных станет сам Бог («и место бывает Бог достойным»). В развитие этих постулатов автор утверждает, что после смерти святые становятся боговидными и соединяются с ангельскими иерархиями. Итог экзегезы на тему рая однозначен: после второго пришествия Христа отсутствует сама потребность в чувственном рае, ибо всем (а не только достойным!) открылся путь на небеса: «Ныне, Христу распеншюся и въскресьшю, вернымъ нам отсели несть потреба чювьстенаго рая, еже на небеса въсходу всем отверзьшюся» [10, с.144 /265/, 146 /267/, 186 /307/].

Как видим, рай в «Диоптре» понимается в духе неоплатонического христианства – исключительно ноуменально: без места и без всякого конкретного образа. Суть концепции христианизированного неоплатонизма можно свести к двум важнейшим принципам – праведная жизнь

открывает возможность слияния с Богом (причем как при жизни, так и после смерти), а уклонение от путей праведности отрешает грешников от участия в угодованных благах богообщения. Возвращение к Творцу осуществляется через долгое исправление в муках переживания отверженности от Бога (соответственно и ад оказывается не местом мучений, а состоянием, в котором осуществляется лечение падших душ).

Если вспомнить полемику о рае, которую затеял Василий Калика, то, скорее всего, именно носителям подобного рода взглядов новгородский владыка мог инкриминировать уверенность в «гибели рая». В той же «Диоптре» допускалось, что не только после смерти, но и при жизни созерцатели Сверхсущего могли приобщиться к раю, вместить его в сердце свое. А это и есть тот «мысленный рай», в защите которого владыкой обвинялся тверской епископ Федор.

«Диоптра» Филиппа Пустынника окончательно убеждает в том, что под мысленным раем в «Послании» Василия понимался рай, который открывался в сердце созерцателя. На вопрос: «Что есть мысленный рай и иже в нем садове и сих Божественни плоди...» – создатель «Диоптры» отвечает, что существует возможность прижизненного проникновения в «глубины Божия». Тот, кто исполнен плодов Святого Духа, «все ть божественный рай бысть и дом неразделныя Троица, посреде сердца своего имея насаждено древо жизни» [10, с.156 /277/, 190 /311/]. Делается вывод, что те, кто не поврежден в своих чувствах, способны стать обителью Святого Духа. А это и является Царством Божиим в человеке. В подтверждение такой возможности автор ссылается на Евангелие: «Царствие небесное внутри нас есть» (Лк. 17, 21).

У нас нет данных, что в Твери умственное движение возбуждала именно «Диоптра». Но весьма симптоматично, что обостренное обсуждение проблемы совпадает по времени с появлением списков «Диоптры» на Руси. Аналогичное воздействие на общественное сознание оказывали, как было показано выше, и сочинения мистико-аскетической направленности, которые в историографии относят к кругу исихастской литературы.

Так или иначе, но идеи Василия Калики и Филиппа Пустынника представляли две крайности средневекового понимания рая: преимущественно феноменально (как сакральной части природы) и преимущественно ноуменально (как сущность, стоящую выше чувств и даже представлений). Первая защищалась с позиции буквализма, а вторая представляла точку зрения христианизированного неоплатонизма. Если буквализм сочетался с натурализмом апокрифической образности, то

исключительно духовные интерпретации инобытия оказывались возможными лишь в аллегорической плоскости. При таком понимании рай характеризуется в облике надприродной идеальной реальности, исключая саму возможность его локализации в мироздании и какое-либо подобие с реальностью. Ничто в этом мире не может передать надприродной божественной сущности. Только вхождение в экстатическое состояние рассматривалось в качестве способа соприкосновения с райскими ощущениями. А это – область переживания, невыразимая понятийным языком.

Нехватка конкретности при воспроизведении в средневековых текстах столь важного для религиозного сознания понятия, как Царствие Небесное, компенсировалась апокрифами, в описании которых образы райских чертогов на небесах облекались в яркие зримые черты. Сюжетным поводом для вербальных описаний облика небесного рая, как и в случае с раем земным, было визионерство. Весьма показательным, что апокрифические сведения о небесном рае мы получаем из видений, тогда как земной рай неизменно описывается в жанре хождений. Небесная обитель праведных в апокрифических описаниях предстала перед читателями в живописных и впечатляющих воображение картинах, узнаваемых по житейскому опыту, но гиперболизированных. Именно эту картинную наглядность изографы воплощали на миниатюрах, иллюстрирующих райскую тему. А это отход от ортодоксии, строгие проводники которой избегали придавать небесному раю признаки конкретной образности.

Включенная в «Послание о рае» легенда о рае новгородцев воскрешала древние верования на христианской почве. Архетипически она восходит к языческим представлениям о стране предков, которая мыслилась находящейся за труднопреодолимыми преградами в отдаленной части мира. Красочный образ цветущего изобильного сада в апокрифических повествованиях несет в себе черты образно-поэтической чувственности, которая, так же как легенда о рае новгородцев, является следствием натуралистического мировосприятия. Образ земного рая сложился не без влияния пережиточных дохристианских представлений об ином мире. Широкое распространение в древнерусской книжности христианских апокрифов на тему рая объясняют ту легкость, с какой Василий включает полумифологическую легенду о рае в свое повествование.

Если строго следовать доктринальным установкам, то проблему земного рая нельзя рассматривать в отрыве от представлений о рае небесном. Существование как земного, так и небесного рая было доктри-

нально задано. Принцип двоякого понимания рая основывается на текстах Ветхого и Нового Заветов. Это безусловные основания для экзегезы. Концепция небесного рая достаточно четко отражена в источниках ортодоксального круга, которые создавались в строгом соответствии с установками вероучения. Локализация рая на небесах являлась прямым следствием противопоставления земного и небесного, за которым стояло противопоставление идеальной и материальной сфер бытия, как того требовала христианская доктрина. Поэтому в интерпретации богословов небесный рай, как сущность ноуменальная, предстает в облике неведомого идеального мира с минимальными чертами конкретики. Все, что о нем говорилось экзегетами, условно и не отражает сущности инобытия – в силу немощности человеческого понимания Божественного. Поэтому в ортодоксальной литературе создавался не столько описательный образ небесного рая, сколько формировалось понимание особого неземного качества небесной жизни. Еще резче полярность небесного и земного выражена в концепции христианизированного неоплатонизма, которому было тесно в рамках доктрины. Логически его установки подвели к выводу о невозможности существования рая на земле.

Внутренняя противоречивость христианского учения об инобытии исключается. Поэтому постулируемую Писанием двойственность невозможно воспринимать иначе, как с точки зрения взаимосвязи и взаимообусловленности соположенных сущностей. Их глубинный смысл сводится к тому, что земной рай выступает неким прообразом, а точнее сказать, своеобразной чувственно воспринимаемой иконой того, что ожидает достойных в грядущей вечности. При таком параллелизме, по закону аналогии, ожидаемое будущее можно мыслить подобно апокрифам в чертах осязаемости.

Как показывает полемика Василия с Федором, а также другие древнерусские тексты «райской» тематики, предпочтения в понимании рая варьировались. Но то, что мысль носителей христианской идеи работала в одном направлении, убеждают данные «Послания о рае» Василия Калики. В весьма своеобразной его интерпретации инобытийной темы обращает на себя внимание не лишенное пространственных качеств понимание мысленного рая, который видится Василию в эсхатологической перспективе как расширение земного рая до пределов всей обновленной Вселенной. Раем, согласно «Посланию», должен стать весь очищенный огнем светопредставления мир, за пределами которого оказываются только места мучений. Речь-то шла о превращении земного рая в небесный, с признаками, выведенными из восприятия вполне кон-

кретных образов. Воззрения Василия Калики, одного из влиятельных иерархов древнерусской церкви, с его апологией земного рая, можно считать «безупречно ортодоксальными» исключительно с учетом логики образно-смыслового параллелизма с неизбежным для него аллегорическим пониманием инобытия.

Библиографический список

1. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Собр. Троице-Сергиевой Лавры. №11.
2. Алексеев А.И. Представления о рае в период Средневековья // Образ рая: от мифа к утопии. Серия: Symposium. СПб.: С.-Петербург. филос. об-во, 2003. Вып.31. С.195–198.
3. Бессонов П.А. Калики переходные. М.: Типография Бахметева, 1863. Ч.2. – 934 с.
4. Варенцов В.Г. Сборник русских духовных стихов. СПб.: Д.Е.Кожанчиков, 1860. – 248 с.
5. Василий Великий. Творения. [Сергиев посад]: Троице-Сергиева лавра, 1900–1902. Ч.1. – 345 с.; Ч.VI. – 303 с.
6. Григорий Богослов. Творения. М.: Тип. М.Г.Волчанинова, 1889. Ч.1. – 258 с.
7. Григорий Нисский. Творения. М.: Типография В. Готье, 1861–1862. Ч.1. – 257 с.; Ч.II. – 254 с.; Ч.III. – 410 с.; Ч.IV. – 202 с.
8. Григорьев А.В. Древнерусская космология и практическая география. По данным средневековых представлений о рае // Древнерусская космология. СПб.: Алетейя, 2004. С.208–224.
9. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: ГИС, 1955.Т.1. – 669 с.
10. «Диоптра» Филиппа Монотропа: антропологическая энциклопедия православного Средневековья. М.: Наука, 2008. – 731 с.
11. Елеонская Е.Н. Представления «того света» в сказочной традиции // Елеонская Е.Н. Сказка, заговор и колдовство в России. М.: Индрик, 1994. С.42–50.
12. Житие Василия Нового // Дергачева И.В. Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. М.: Кругъ, 2004. С.205–326.
13. Левкиевская Е.Е. Представление о «том свете» у восточных славян // Славянский альманах. 2003. М.: Индрик, 2004. С.342–367.
14. Мильков В.В. Древнерусские апокрифы. СПб.: Изд-во Рус. христианского гум. ин-та, 1999. – 894 с.
15. Молдован А.М. «Житие Андрея Юродивого» в славянской письменности. М.: Азбуковник, 2000. – 759 с.
16. Невская Л.Г. Балто-славянское причитание: реконструкция семантической структуры // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М.: Наука, 1990. С.135–146.
17. Памятники древнерусского канонического права. Изд. 2-е. Ч.1 (Памятники XI–XV вв.) / Изд. подг. А.С.Павловым. СПб.: 1908 (Русская историческая библиотека. Т.VI). – 1466 стб.

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИНОМ МИРЕ

---

18. Преображенский П. Сочинения св. Ирины, епископа Лионского. СПб.: Библиотека отцов и учителей церкви, 1900. – 548 с.
19. Причитания Северного края / Собраны Е.В.Барсовым. Ч.1: Плачи похоронные, надгробные и надмогильные. М.: Изданы при содействии Общества любителей российской словесности, 1872. – XXXI, 327, XXXIII с.
20. Рождественская М.В. Библейские апокрифы в литературе и книжности Древней Руси: Историко-литературное исследование. Диссертация ... доктора филологических наук в форме науч. доклада : 10.01.01. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2004. - 79 с.
21. Сахаров В. Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула: Типография Н.И. Соколова, 1879. – 249 с.
22. Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. – 319 с.
23. Соболев А.Н. Загробный мир по древнерусским представлениям // Мифология славян. СПб.: Лань, 1999. С.7–202.
24. Стихи духовные. М.: Сов. Россия, 1991. – 336 с.
25. Строматы, творение учителя церкви Климента Александрийского / С первоначального текста пер. с примеч. Н.Корсунского. Ярославль: Тип. Губ. зем. управы, 1892. – 944 стб.
26. Толстая С.М. Душа // Славянские древности. М.: Международные отношения, 1999. Т.2. С.162–167.
27. Толстая С.М. Погребальный обряд // Славянские древности. М.: Международные отношения, 2009. Т.4. С.84–91.
28. Толстой Н.И. Глаза и зрение покойника // Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С.185–205.
29. Топоров В.Н. Заметки о двух индоевропейских глаголах умирания // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М.: Наука, 1990. С.47–53.
30. Трубачев О.Н. Славянская этимология и праславянская культура // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. София, сентябрь 1988 г. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1988. С.292–346.
31. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М.: Изд-во МГУ, 1982. – 245 с.
32. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1970. Т.III. – 832 с.
33. Чистяков В.А. Представления о дороге в загробный мир в русских похоронных причитаниях XIX–XX вв. // Обряды и обрядовый фольклор. М.: Наука, 1982. С.114–127.

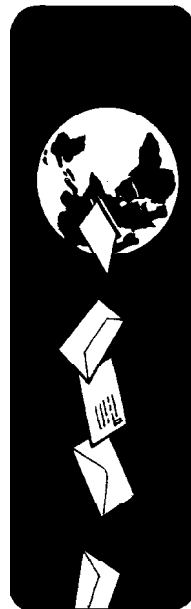

Часто один человек может спасти нацию;
а еще чаще один человек может погубить
ее.

Пьер Буаст

**Здоровая нация так же не замечает
своей национальности,
как здоровый человек — позвоночника.
Но если вы подорвете ее национальное
достоинство, нация не будет думать
ни о чем другом, кроме того,
чтобы восстановить его.**

Бернард Шоу

Дина Аманжолова

**НОВОЕ О ФЕНОМЕНЕ
СТАЛИНИЗМА
И ЕВРЕЙСКОМ
ВОПРОСЕ В СССР**

УДК
323.1(47)

Автор статьи, специалист по истории межэтнических отношений в России и СССР, представляет книгу Г.В.Костырченко «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм (Новая версия)», вышедшую в свет в 2015 году в издательстве «Международные отношения». В статье достаточно детально исследуется то принципиально новое, что содержится в данном издании в методологическом, фактографическом и аналитическом плане. В целом автор позитивно оценивает упомянутый труд, считая его важным научным вкладом в отечественную историографию.

The author, renowned specialist in history of interethnic relations in Russia and the USSR, presents the new version of book "Secret policy of Stalin. Authority and anti-Semitism" written by G.V.Kostyrchenko and published in 2015 by International relations publisher's house. Author investigated in a rather detailed way the book's theses that are principally new in methodological, factual and analytical respects. Author gives an overall positive appraisal of the book and thinks that the book is an important scientific contribution to the Russian historiography.

Ключевые слова: политика Сталина; национальный вопрос; политический и государственный антисемитизм; «космополитизм»; патриотизация и этнонационализация власти.

Key words: Stalin's policy, national question, political and state anti-Semitism, "cosmopolitanism", enhancement of patriotism and ethnic nationalism in authority

E-mail: amanzholova19@mail.ru

Недавно отечественная историография пополнилась новым фундаментальным трудом Геннадия Костырченко «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм (Новая версия)» [2] – двухтомной замечательной работой, в которой кропотливое выявление и осмысление огромного корпуса источников сочетается с мастерским исследованием замысловато переплетенных исторических фактов, событий и персонажей. Формулируя оригинальную концепцию сталинского антисемитизма, ученый легко, изящно и, самое главное, объективно реконструирует важнейшие процессы в советском государстве и обществе на протяжении более полувека.

Касаясь мотивации создания новой версии одноименной книги 2001 года [3], автор отмечает, что важный импульс к «коренной ревизии старого текста» дали не только вновь выявленные факты и документы, но и новейшие достижения коллег-историков. В сравнении с предыдущей монографией, заслуженно получившей в начале 2000-х годов высокие оценки профессионалов и общественности [1; 4; 9], новая версия значительно увеличилась в объеме (в 1,5 раза). Она логично подразделяется на два хронологически размежеванных ком-

плекса. В первой части книги Г.В.Костырченко рассматривает государственную политику по еврейскому вопросу «от царизма до Второй мировой», вторая часть посвящена периоду холодной войны. Очень важно, что изучение сталинизма и истории российских и советских евреев дано на фоне развития общеполитической ситуации. Такая методология предохранила книгу от пороков узкотематического подхода. Еврейский вопрос и проблемы антисемитизма автор органично встраивает в контекст истории советской этнополитики и нациестроительства в СССР. Он обращается к таким ключевым проблемам, как власть и национальная интеллигенция, механизмы политического менеджмента, личность лидера и внутриэлитные взаимоотношения в партийно-советском руководстве, внешнеполитические факторы в истории евреев России и СССР и др.

Анализируя, к примеру, «коренизацию» партийно-советского руководства в национальных республиках, ученый правомерно концентрируется на примерах Украины и Белоруссии, где украинизация и белорусизация были тесно связаны с вытеснением евреев из состава номенклатуры. В результате делается вывод: переход «от ленинской республики к сталинской империи» обернулся существенным урезанием автономных прав республик и жестким укрощением национальных политико-культурных элит [2, ч.1, с.67]. Действительно, сталинизм предполагал именно такой характер отношений центра и этнополитических образований. В то же время приведенные в монографии Костырченко и исследования других историков факты и обстоятельства доказывают следующее. На определенном этапе принцип интернационализма в большевистской политике вступил в противоречие с политической практикой, вследствие чего декларировавшееся национальное равенство обернулось в действительности вытеснением евреев и представителей других нетитульных нацменьшинств из региональной культурно-политической элиты.

Политический антисемитизм большевики использовали как важный инструмент подрывной деятельности, а установление полной идеологической монополии и нового режима власти сопровождалось «решением» еврейского вопроса по всем направлениям – упразднением утративших смысл таких этнополитических организационных звеньев, как Евсекция¹, искоренением правого и левого сионизма,

---

¹ *Евсекции – еврейские коммунистические секции, существовавшие в 1919–1930 гг. как при ЦК РКП-ВКП (б), так и в Компартиях Украины и Белоруссии. Функционировали*

гонениями на ивритскую культуру и иудаизм. О том, что просопография – ценная часть методологии Г.В.Костырченко, говорит включенный в книгу ряд замечательных иллюстраций, прежде всего фото-портреты исторических персонажей. Благодаря комплексному исследованию механизмов организационно-политической, идеологической, социально-экономической деятельности властных структур создается масштабное и целостное представление о сущности и последствиях «тайной политики Сталина». Весьма показательной в этом плане служит история Южного проекта² и его последующей альтернативы – Еврейской автономии на Дальнем Востоке, отразившая не только перипетии «трудовой перековки» евреев СССР, но и логику реализации сталинской территориальной модели формирования социалистической нации и советского нацистроительства. Борьба против антисемитизма в конце 1920-х гг. была, как показал историк, частью общеполитических проблем и составила одну из коллизий верхушечной борьбы за власть. Эти, по сути, популистские элементы политики Сталина были частью его инструментария, использовавшегося потом при создании в СССР системы государственного антисемитизма, формировавшегося на фоне инспирированной вождем межклановой борьбы в верхах партии. Адаптация же социально многослойной этноидентичности народов СССР к изменявшимся условиям существования в сталинской империи проходила, как проанализировано на примере евреев, на фоне часто противоречивого сочетания естественного внутри- и межэтнического развития с нарастающим «закручиванием гаек» государством в административно-территориальной, социальной и образовательной, научной и художественной, международной сферах.

коммунистические секции и других нацменьшинств.

² Южный проект – предпринятая в начале 1926 г. попытка создания еврейской республики на территориях северного Крыма, юго-восточной Украины и ряда других местностей. Инициатор проекта – старый большевик и председатель Центрального совета Всесоюзного общества по земельному устройству трудящихся евреев СССР Ю.Ларин. Хотя проект и был поддержан Сталиным («Я действительно за то, чтобы создать на территории Советского Союза Еврейскую советскую республику с компактным большинством из евреев, используя для этого переселенческое движение еврейских трудовых масс»), от него вскоре пришлось отказаться из-за резко негативной реакции в обществе. Альтернативой Южного проекта стала еврейская автономия на Дальнем Востоке [8].

Во взаимоотношениях Советского государства и еврейских граждан Костырченко выделяет три исторических этапа:

- от Октября 1917 до середины 1930-х гг.;
- с 1936 года до смерти И.В. Сталина;
- и затем – до окончания советской исторической эпохи [2, ч.1, с.67].

Характерные поначалу для первого периода этнокультурный прогресс евреев, их активное служение новой власти и участие в развитии страны обернулись затем наклеиванием на ряд еврейских культурных деятелей ярлыка «буржуазного националиста», при том, что некоторые другие нацменьшинства подверглись в это время массовым репрессиям. Политическая юдофобия, указывает автор, проявилась уже на излете «большого террора» 1937–1938 гг. Но основное внимание в монографии уделено последующим годам, ибо именно тогда антисемитизм стал официальной политикой, основанной не столько на интернационализме, сколько на национализме.

Как показано в монографии, еврейское национальное меньшинство более других народов СССР было подвержено интернационализации-советизации. В силу неравномерности межэтнических интеграционных процессов это привело к тому, что в 71-м проценте случаев обвинения в космополитизме были направлены против евреев. Разжигание в условиях холодной войны ксенофобии, изоляционизма и антисемитизма являлось важным способом самосохранения сталинского режима, чья верхушка отлично знала, что малопонятный термин «космополит» отождествляется в массовом сознании с евреем [2, ч.2, с.61–62]. Главным объектом пропагандистско-репрессивного удара сверху стала интеллектуально-творческая элита, причем «раболепствующими» перед Западом «космополитами» объявлялись не только евреи, но и представители других национальностей. Так подавлялись исходившие от интеллигенции импульсы к общественной демократизации и большей открытости миру.

И потрясающие по аморальной сущности власти детали «дела Аллилуевых» и гибели Соломона Михоэлса, и подробно изученная судьба Еврейского антифашистского комитета вскрывают антисемитский характер политического сыска и чиновнической касты в сталинском СССР и подтверждают: решение еврейского вопроса изначально не предполагало реального курса на сохранение еврейской этнокультурной идентичности и тем более ее полноценного государственно-политического обеспечения. В этом контексте симбиоз помощи СССР евреям Ближне-

го Востока в создании собственного государства с подавлением стихии национальной активности советских евреев совсем не кажется парадоксальным. Но вовлечь вновь образованный Израиль в сферу своего влияния Советскому Союзу так и не удалось. Причины этого и составившая их взаимосвязь внутри- и внешнеполитических факторов показаны в монографии весьма обстоятельно и ярко.

Приводя многочисленные цифровые данные, автор уточняет численность советских евреев, арестованных и осужденных госбезопасностью в 1937–1953 гг., и их долю в общем количестве советских граждан, арестованных за «политику», национализм и клерикализм. Как удалось выяснить автору, эта резко увеличивавшаяся с 1949 г. доля в среднем не превысила 3% [2, ч.2, с.621–622].

Особенно ценной является трактовка Г.В.Костырченко эволюции советской бюрократии и ее кадровой политики, выстроенная в проблемно-аналитическом ключе. Выявленные исследователем сведения о представительстве евреев в советской номенклатуре в 1945–1952 гг. и воспроизведенная в связи с этим детальная событийная канва, включающая в себя и «дело врачей», показывают, что чистке в основном подвергся средний слой управленцев и творческой интеллигенции еврейского происхождения, несмотря на их значительное обрусение. Баланс между кадровым антисемитизмом в партийно-государственном аппарате и его более или менее нормальной работоспособностью поддерживался высшей властью в основном за счет целенаправленного снижения культурного уровня нового поколения бюрократии и манипулирования сознанием этой главной социальной опоры режима.

Большое место автор отвел вскрытию внутренних импульсов и мотивации в поведении ключевых фигур правящего класса страны – это одно из несомненных достоинств книги. Несмотря на недавние серьезные исследования существа сталинской системы власти и механизмов ее функционирования [5; 6; 7], новая версия «Тайной политики Сталина» дает возможность уточнить ход и причины перемен в аппаратной иерархии и конъюнктуре, смысл и последствия действий Сталина в окружении членов правящей элиты, не только бесконечно и безусловно ему преданных, но и подспудно ведущих собственную игру. Теперь ясно, что избыточная патриотическая пропаганда и этнонационализм способствовали инфицированию власти антисемитизмом, который с конца 1940-х гг. приобретал все более иррациональный характер [2, ч.2, с.614–615].

С одной стороны, продемонстрированное автором скрупулезное препарирование нюансов внутривнутриполитической жизни советского руководства помогает понять, какими средствами и какой ценой удалось создать и развивать огромное государство, управлять сложносоставным обществом, в т.ч. судьбой разных групп советских евреев.

С другой стороны, исследование Г.В.Костырченко также подтверждает, что созданная Сталиным система оказалась весьма непрочной и нестабильной [6, с.450]. Вот почему двуединый процесс – деградация лишенной демократических регуляторов центральной власти и ослабление под бременем государствообразующей миссии консолидирующего потенциала русского народа – автор увязывает с политической активизацией «младших» окраинных народов, сумевших благодаря многолетним преференциям со стороны центра нарастить собственный экономический и культурный вес. Как резюмирует автор, сочетание данных обстоятельств в конечном счете и предопределило крушение СССР.

Труд Г.В.Костырченко убедительно демонстрирует, что упрощенные линейные подходы к решению этнонациональных проблем консолидации поликультурного общества в нашей стране непродуктивны, а иногда даже опасны. Он ценен еще и потому, что является отличным примером преемственности в развитии лучших традиций отечественной исторической науки, когда ученый не просто сохраняет верность основополагающим «производственным» постулатам своей профессии, но и трепетное, уважительное отношение к родной истории и стране, к научному наследию поколений предшественников. Естественная рефлексия в связи с глубоким проникновением и даже вживанием в ткань нашего прошлого, замечательного и трагического, не подавила, а отшлифовала мастерство историка. Кажущаяся простота изложения, полное отсутствие намеков на постпостмодернистские терминологические изыски, модных и почти всегда не оправданных смыслом и даже стилистикой англицизмов лишь укрепляют достоинства книги.

Библиографический список

1. Гинцберг Л.И. Тайное становится явным // Вопросы истории. 2002. №2. С.164–166.
2. Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм (Новая версия). В 2 ч. М.: Международные отношения, 2015. Ч.1. От царизма до победы во Второй мировой. – 504 с.; Ч.2. На фоне холодной войны. – 672 с.

НОВОЕ О ФЕНОМЕНЕ СТАЛИНИЗМА И ЕВРЕЙСКОМ ВОПРОСЕ В СССР

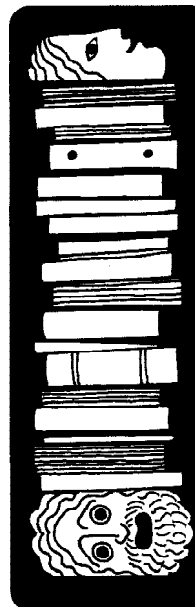
3. Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2001. – 784 с.
4. Мальков В.Л. Рецензия // Новая и новейшая история. 2003. №2. С.229–233.
5. Фицпатрик Ш. В команде Сталина. [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspectivia.net/content/publikationen/shdp/fitzpatrick_team (дата обращения: 30.06.2015).
6. Хлевнюк О. Сталин. Жизнь одного вождя. М.: АСТ, Corpus, 2015. – 462 с.
7. Хлевнюк О., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2011. – 232 с.
8. ЦК РКП (б) – ВКП (б) и национальный вопрос. М.: РОССПЭН, 2005. Кн.1. 1918–1933. – 782 с.
9. Vitenberg B. L'antisemitismo di Stato in Russia e Unione Sovietica // Ventunesimo Secolo. Anno 2. Marze 2003. Roma: Luiss Univ. Press. P.255–265.

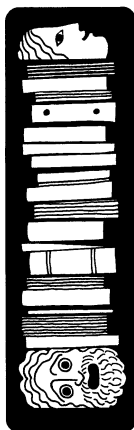
**Сегодня труднее официально
приговорить одного-единственного
человека к смерти на костре,
чем развязать мировую войну.**

Элиас Канетти

**Всякому живому существу,
а также и человеку,
приходится отстаивать
свое существование,
защищать жизнь от смерти.**

С.Н. Булгаков

Нина Хайлова

**ЛЮДИ
ИЗ ПРИМЕЧАНИЙ**

**МАКСИМ МАКСИМОВИЧ
КОВАЛЕВСКИЙ –
АВСТРИЙСКИЙ ПЛЕННИК**

АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ

УДК
929
94”1908/16

Статья посвящена малоизученному периоду в жизни известного ученого и общественно-го деятеля М.М. Ковалевского (1851–1916), связанному с его нахождением на положении интернированного в Карлсбаде (Австро-Венгрия) с июля 1914 г. по февраль 1915 г. Анализ разнообразных источников позволяет не только восполнить пробелы в биографии Ковалевского, но и пролить свет, в целом, на перипетии россиян, оказавшихся в начале Первой мировой войны в схожем положении, тем более, что такие вопросы как адаптация русских пленников к новым тяжелым условиям, их повседневная жизнь, создание и апробация механизма освобождения и возвращения соотечественников на Родину до сих пор недостаточно исследованы.

The article is devoted to a poorly studied period of life of M.M.Kovalevski (1851–1916), the distinguished scientist and public figure. This period is connected with Kovalevski's staying in intern condition in Karlsbad (Austro-Hungary) from July, 1914, to February, 1915. Analysis of various sources allows not only making up gaps in Kovalevski's biography. The analysis also enables to elucidate difficulties experienced by Russians who happened to find themselves in a similar condition at the outbreak of the WWI. That is very important because issues like adaptation of Russian prisoners to new severe conditions, their everyday life, creation and testing of mechanism of prisoners and interns release and repatriation are yet poorly investigated.

Ключевые слова: М.М.Ковалевский; австрийский плен; отношение к войне; положение интернированных россиян в Австро-Венгрии в 1914–1915 гг.

Key words: M.M.Kovalevski; the Austrian captivity; attitude to the war; condition of Russians interned in Austro-Hungary in 1914–1915.

E-mail: nkhalova@yandex.ru

Вплоть до Первой мировой войны отношение правительств воюющих государств к гражданским лицам из числа вражеских подданных, как правило, определялось признанием необходимости соблюдать личные и имущественные права данной категории иностранцев. «Война есть отношение государства к государству... Область частной жизни, сфера гражданского частного права и обязательств частных лиц должны пользоваться полною неприкосновенностью и не могут быть смешиваемы с областью государственной жизни» (Цит. по: [20, с.1]), – так известный юрист Ф.Ф.Мартенс (1845–1909) характеризовал в свое время один из важнейших устоев международного права.

**«Сражаются войска,
побеждают народы»**

Однако постепенно, еще с конца XVIII в., подготавливалась почва для ужесточения противостояния между участниками вооруженных конфликтов. В полной мере новая ситуация дала о себе знать в годы Второй ми-

ровой войны, хотя уже в самом начале XX в. утверждался новый взгляд на современную войну как на глобальное противостояние народов («воюющих наций»), не сводимое к деятельности правительств и армий. «Сражаются войска, побеждают народы», – развивая данный тезис, юрист и видный общественный деятель, генерал В.Д.Кузьмин-Караваев в 1915 г. утверждал: «Факторов успеха на войне много... Но главный из них – человек, его мысль и воля. ...Войну ведет не русское правительство, не русское войско, – ее ведет страна. ...Незримыми путями дух народа питает дух войска... И солдаты творят народную волю» [17, с.40]. По мнению исследователей, формирование негативного отношения к «поданным неприятельских государств» ускорило также под влиянием волны массовой интернационализации конца XIX – начала XX в. [18, с.9–11].

Среди тех, кто уже в самом начале Первой мировой войны ощутил на себе дыхание «железного XX века», были русские военнопленные, а также интернированные гражданские лица, оказавшиеся в тот момент на территории Австро-Венгрии и Германии. Какова была численность данных категорий жертв войны? До сих пор этот вопрос остается открытым, в том числе по причине «размытости» границ между этими группами. Дело в том, что тогда «значительно было расширено понятие "плена", распространявшееся на всех подданных враждебной стороны, чья деятельность признавалась опасной с точки зрения военных интере-

сов государства пленения» [21, с.333]. У историков больше вопросов, чем ответов, и по таким проблемам, как определение динамики пленения и формирования комплекса лагерей для военнопленных и интернированных; вопросы адаптации русских пленников к новым тяжелым условиям, их повседневная жизнь, создание и апробация механизма освобождения и возвращения соотечественников на Родину [21, с.332–335].

В начале Первой мировой войны, пожалуй, самой заметной фигурой среди интернированных россиян являлся М.М.Ковалевский (1861–1916) – ученый-обществовед с мировым именем, крупный деятель либерального движения. Пролить свет на эту малоизвестную ныне страницу его биографии, а также, в целом, на перипетии россиян, оказавшихся в схожем положении, позволяют свидетельства самого Ковалевского и его современников.

**«Вражда и ненависть
охватили собою отношения
народов»**

Начало войны стало тяжелым ударом для ученого. Один из лидеров пацифистского движения¹, он искренне верил в то, что «разум управляет миром». При этом Ковалевский осознавал объективные предпосылки

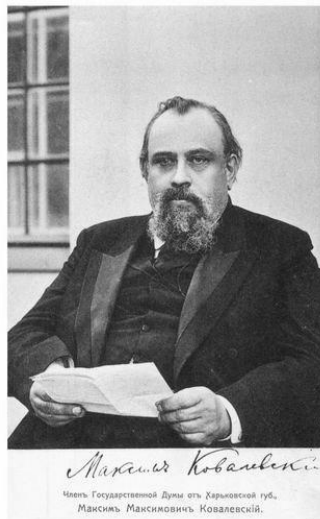
небывалого по масштабам вооруженного конфликта. По его словам, «война создана тем психологическим состоянием, какое вызвано было, с одной стороны, более 40 лет поддерживаемым во Франции желанием воссоединить отнятые у нее провинции, с другой, – вековым стремлением России к открытому морю и участию в мировой торговле, наконец, с третьей, – опасением Англии, что Германия вырывает из ее рук господство над морями и, побеждая ее в сфере промышленности и торговли, грозит захватить в близком будущем не только часть английских колоний, но и главнейших рынков, не исключая и тех, которые лежат в самой Англии». Ковалевский обосновывал мысль об «империализме как о ру-

---

¹ М.М.Ковалевский являлся одним из основателей, председателем Санкт-Петербургского отделения международного Общества мира (учреждено 13 июня 1909 г.). Члены этой организации занимались научной разработкой и популяризацией (в печати и публичных лекциях) вопросов международного права, понятий о международном мире, третейском суде и др. Он также входил в состав русской группы Межпарламентского союза, образованной в III Государственной думе (предс. – И.Н.Ефремов), был избран делегатом (от Санкт-Петербурга) XX конгресса мира (Гаага, август 1912 г.).

ководящем начале современной политики ...ближайшем факторе мировой конкуренции, завершающейся мировой войной, ради обеспечения перевеса одному из противников» [13, с.458, 459].

Характеризуя Первую мировую войну как империалистическую со стороны всех воюющих держав, ученый в то же время был убежден в том, что ее можно было избежать путем мирного улаживания спорных вопросов при условии создания договорного межгосударственного механизма [13, с.483]. А потому вполне понятны его строки, проникнутые болью и тревогой за ситуацию, в которую мир оказался ввергнутым вопреки здравому смыслу: «Вражда и ненависть охватили собою отношения народов... Сыпятся взаимные обвинения. Наименее обидное из прозвищ, какими враждующие осыпают друг друга, – прозвище "варваров". Наиболее смелые и не помнящие родства не отступают и перед словом "людоеды". На моем веку я был свидетелем многих войн: франко-прусской, русско-турецкой, японской. Никогда страсти не выступали так резко; никогда люди разных наций, привыкшие ценить и уважать друг друга, не забывали так охотно взаимных обязательств».

**«немцы не знают
для русских
другого прозвища,
кроме "варвары"»**

В качестве примера Ковалевский ссылаясь на спор по вопросу об Эльзасе и Лотарингии, разгоревшийся в 1871 г., в период Франко-прусской войны, между французским писателем и историком Ж.Э.Ренаном

(1823–1892) и австрийским композитором, дирижером и скрипачом И.Штраусом (1825–1899). Несмотря на диаметрально противоположные позиции, представители интеллектуальной элиты двух враждующих государств вели диалог корректно и уважительно: «Каждый отстаивал свою точку зрения, не умаляя значения противника и того народа, к которому он принадлежит. Ренан продолжал считать своими духовными родителями и Канта, и Гете. Штраус нимало не отрицал услуг, оказанных

романскими народами и, в частности, французами духовному прогрессу человечества. Теперь не то, – констатировал Ковалевский. – В глазах немецких писателей англичане потеряли значение народа-освободителя. Это мелкие торгошники, готовые принести благо человечества в жертву своей страсти к наживе, англичане в свою очередь забыли, что Германия – страна гуманизма, и не видят в ней ничего иного, кроме опасного очага для мира и благоденствия народов Европы и отдаленных континентов. Метерлинк и Роллан говорят о немцах как о новых гуннах, а немцы не знают для русских другого прозвища, кроме "варвары". Цвет науки и искусства забыл, что знание и творчество не ведают географических границ. Члены академий исключают из своей среды иностранцев; на концертах не слышно более музыки враждующих с нами народов, – исключение допускается разве для старых композиторов, как Бах и Бетховен» [11, с.82].

Столь же абсурдным представлялся Ковалевскому и режим интернирования, примененный властями Германии и Австро-Венгрии в отношении гражданских лиц, застигнутых врасплох военной стихией на враждебной территории. В их числе оказался и сам ученый, прибывший на лечение в Карлсбад в июле 1914 г. Непосредственно в день объявления Австро-Венгрией войны России (24 июля / 6 августа) он был арестован, интернирован «по подозрению в шпионстве» [2, с.390]² (осуществлении за границей секретной миссии российского правительства). У него был проведен обыск с целью открыть следы переписки («шифром») с неким «полковником Назимовым», о существовании кото-

---

² По словам В.Д.Кузьмина-Караваева, шокировавшее русскую публику обвинение Ковалевского и других интернированных в «таком малопочтенном занятии, как шпионство», поначалу представлялось «явной нелепостью, простым предложением для бесцельного и никому не нужного издевательства». И только со временем «сообщения русской, французской и особенно английской прессы о том, какая сеть шпионства была раскинута из Берлина по всему земному шару, раскрыли нечто поистине чудовищное». А вслед за тем в России пришло понимание того, что до войны «нам были просто неизвестны широкие слои немецкого общества; мы не знали их этики и тех приемов, при помощи которых они так долго и с таким упорством готовились бросить миру военный вызов. Мы вкладывали в их головы свою психологию и не понимали, какой был смысл изучать причастность к шпионству застигнутых войной на германских курортах светских дам, почтенного возраста сенаторов, профессоров и т.д. А они, как стало ясно после всего уже успешного вскрытия в связи с войной, только прилагали к нашим туристам свои тщательно скрывавшиеся шпионские мерки» [2, с.390].

рого, по словам ученого, сам он до того времени не подозревал. Сыграли роль и подозрения австрийских властей в «панславистском коварстве» русского профессора.

«защитить славянство от поглощения враждебным миром»

Дело в том, что Ковалевский давно уже раздражал определенные влиятельные круги в Германии и Австро-Венгрии своими публичными выступлениями в защиту интересов

славянства, аргументацией вывода о значительно возросшей на рубеже XIX–XX вв. международной роли славянских народов в социально-экономическом развитии, сфере литературы и науки. Как «могущественное средство» для совместной работы «историков, юристов и этнографов всего славянского мира» Ковалевский рассматривал Общество славянского научного единения, созданное под его председательством в Санкт-Петербурге (1912). Он также принимал деятельное участие в работе Общества славянской взаимности, московского Общества славянской культуры, стоял у истоков неославянского движения, основанного на идее политического объединения всех славянских народов против германизма и преследовавшего цель «защитить славянство от поглощения враждебным миром, заставить уважать в нем равноправного члена европейской семьи и этим содействовать большему объединению ее» [23, с.136]. Именно в квартире Ковалевского 8 мая 1908 г. проходило первое заседание сторонников сближения славян между собою, приуроченное к посещению Петербурга делегацией австрийских славян во главе с К.Крамаржем [13, с.426].

Задолго до начала Первой мировой войны в переписке с польским писателем Г.Сенкевичем Ковалевский, по его словам, «отдавая должное творчеству немцев в науке и художественном слове, музыке и пластических искусствах», в то же время «признавал их неспособными к тому ясному пониманию необходимости считаться с законными требованиями конкурирующих с ними народов, какое, напр., англичане обнаружили по отношению к американцам» [12, с.294]. В 1913 г. он откликнулся на просьбу *Neue Freie Presse* («руководящего органа венских либералов, известных своей враждебностью к славянам») высказаться по вопросу о путях улучшения отношений России с Австрией. Суть его предложения сводилась к тому, что «Австрия, как держава, более чем наполовину славянская, должна направлять свою внешнюю и внутреннюю политику не в сторону Германии, а в сторону России». За два месяца до начала

Первой мировой войны (18 / 31 мая 1914 г.) Ковалевский опубликовал в *Frankfurter Zeitung* (по просьбе редакции этой газеты) статью. Признавая долг русской интеллигенции перед немецкой наукой, он призывал к мирному согласованию интересов германского и славянского миров, утверждал, что избежать военного столкновения между ними можно «признанием справедливого запроса славянских народов на беспрепятственное развитие их культурных особенностей, уважительным отношением к их историческому праву, удовлетворением их, вызываемого необходимостью, тяготения к открытому морю», выражал надежду на поддержку немецкой демократией этих целей славянства.

«никогда не видел ни блага славян, ни блага России в искусственном объединении их в единое политическое целое»

По воспоминаниям Ковалевского, его заявления «встречены были холодно» и закрепили за ним эпитет «панславист», впервые появившийся в характеристике ученого на страницах *Vossische Zeitung* («одного из немецких руководящих органов») под впечатлением от его выступлений («в пользу одновременно мирной и дружественной к славянским народностям русской политики») еще в эпоху 1-й Государственной думы. Сам же Ковалевский, подводя итоги своего жизненного пути, утверждал, что панславистом никогда не был, поскольку «никогда не видел ни блага славян, ни блага России в искусственном объединении их в единое политическое целое». Призвание России, по его словам, заключалось «не в порабощении, а в защите средних и малых народностей, связанных с ней по крови, по языку или по единству веры и стремящихся к свету и свободе». Ученый выражал надежду на то, что победа в войне позволит России, опираясь на поддержку союзников, приступить к осуществлению своей исторической миссии [12, с.294–295].

«В бесчувствие я не впадал и слез не лил»

«Фирменный» стиль Ковалевского-мемуариста – это не только умение говорить просто о сложном, но и склонность к иронии и самоиронии. Так, вспоминая перипетии австрийского плена, Ковалевский не упус-

кал возможности снять с себя ореол мученика, созданный в русской прессе³. Несмотря на необходимость подчиниться общим требованиям, обязательным для интернированных⁴, Ковалевский, по его собственному признанию, находился в лучших условиях, чем большинство его «товарищей по несчастью». Он проживал на вилле австрийского адвоката Франка, обеспечивавшего русскому ученому полное содержание в долг. Все свободное время Ковалевский посвящал, «главным образом, литературной работе» – «написал 40 больших тетрадей, преимущественно мемуары личной жизни» ([4]; см.: [13]), «этюды об авторах дневников о французских событиях в царствование Людовика-Филиппа», а кроме того, «серьезно занялся еще чтением всей литературы, вызванной войной, англо-немецким соперничеством, вопросом об Эльзасе и Лотарингии, положением, созданным в Бельгии ее военным занятием, наконец, тем уже с десятков лет определившимся политическим течением германской политической мысли в пользу замены национального принципа империализмом, в котором надо искать действительный источник современной войны». В связи с отсутствием в Карлсбаде научной библиотеки, Ковалевский за плату (весьма значительную) выписывал необходимую литературу из Берлина [14, с.5–6].

Несмотря на относительно благоприятные внешние условия своего вынужденного поселения в Карлсбаде и плодотворность литературных и научных трудов, Ковалевский тем не менее в течение семи с половиной месяцев пребывания в плену чувствовал себя «как бы заживо погребенным, отрезанным от всякого общения с родиной, не способным сказать слова о текущих делах ни в собраниях, ни с кафедры, ни в печати». Письма и телеграммы или вовсе не доходили до него, или доставляемы

---

³ «Заговорили о случившемся со мною обмороке и о пролитых мною слезах, – вспоминал Ковалевский изображение "доброжелательными соотечественниками" обстоятельства его пленения, считая своим долгом представить истинную картину событий того злополучного дня. – В бесчувствие я не впадал и слез не лил, а отправился вслед за обыском на прогулку с двумя прибывшими ко мне из Франценсбада дамами, весьма запуганными не осуществившимся, к счастью, обещанием военного комиссара, что они никогда более меня не увидят. Мы поднялись, разумеется, в коляске, на вершину Аберга, с которой открывается далекий вид на Эрцгебюрге, пили кофе и шутили по поводу всего происшедшего утром» [11, с.84].

⁴ Лишение паспорта, возможности свободно распоряжаться своими деньгами на банковском счете, читать русскую прессу, запрет покидать Карлсбад под угрозой тюремного заключения, обязанность еженедельно являться в полицейское управление.

были «с помарками, по предварительном прочтении их военными и гражданскими властями». Вовсе не стремясь сгущать темные краски, ученый все же отметил тенденцию ужесточения отношения властей к интернированным «в отместку» за «дурное обращение с австрийскими пленными» в России: «запретили выходить из дому после 8 часов вечера и до 8 утра, грозили отнять право показываться в ресторанах и на концертах, запретили банкам выдавать нам из наших вкладов более тысячи крон в месяц. Этим, к счастью, и ограничились».

**«пребывание в курорте
принимало характер
настоящей пытки»**

Допуская самоиронию в описаниях собственной карлсбадской эпопеи, Ковалевский в то же время со всей серьезностью указывал на реальные угрозы жизни и здоровью массы

русских пленников в случае продолжения их заточения во враждебном государстве. «Судьи, адвокаты, железнодорожные служащие, народные учителя, земские деятели, фабриканты и промышленники, люди старые и люди, хотя и не отвечающие 45-летнему возрасту, но свободные от воинской повинности ввиду их болезни», – все они, по словам Ковалевского, «к прочим недугам присоединяют постепенно новый – неврастению». Застрявшие «на теплых водах» без денег или «со скромными подачками из собственных вкладов в размере пяти, много десяти процентов», многие из них испытывали трудности при оплате жилья, покупке самых необходимых продуктов питания, а с наступлением холодов, не имея теплой одежды, вынуждены были «ограничиться подкладкой ваты под пальто» [11, с.82–83, 86].

Потрясенные неожиданным поворотом в своей судьбе, россияне из числа интернированных зачастую оказывались неспособными к какой-либо адаптации в новых условиях. Они «бродили большую часть дня по улицам или в окрестностях Карлсбада, поддерживая друг в друге невольно возникавшие опасения, что не сегодня-завтра их лишат свободы, заставят жить в бараках, кстате воздвигаемых на небольшом расстоянии от Карлсбада, положат в день несколько десятков крейцеров и приставят военную стражу» [14, с.6]. Особенно невыносимым (на пределе возможностей) было положение тех, «кто и без того страдал расстроенными нервами, был оторван от всякой деятельности, не владел немецким языком, не имел поэтому возможности читать единственные доступные нам австрийские и германские газеты и от нечего делать проводил время в бесконечных разговорах о том, как бы выбиться на свободу. Для них

МАКСИМ МАКСИМОВИЧ КОВАЛЕВСКИЙ – АВСТРИЙСКИЙ ПЛЕННИК

многomesячное пребывание в курорте принимало характер настоящей пытки» [11, с.85]. К тому же пленники, ограниченные в средствах, рисковали в конце концов «переселиться» в тюрьму. Предупреждения австрийских властей о том, что «казенная квартира для них готова», побуждали «бывших аптекарей превратиться в цирюльников, и кой-кого из лиц, занимавшихся в нормальных условиях либеральными профессиями, запастись фотографическим аппаратом» [14, с.6].

Карлсбад, 1915 г. Продажа масла на Моравской улице

**«они ездили в Вену,
представляли ходатайства
в нашу пользу»**

Важно заметить, что война и австрийский плен не поколебали веры Ковалевского в прогресс, последовательное утверждение идей гуманизма, развитие общественной солидарности. Он свидетельствовал о противоположных тенденциях, переплетавшихся в реальной жизни. С одной стороны, это «волна искусственно возбужденного ожесточения», которая «смывала приобретения человеческой культуры ...стремясь "обеспомянуть" людское сердце» [16, с.86]. В то же время Максим Максимович приводил многочисленные примеры искреннего сочувствия к русским пленникам, которое было особенно заметным на «низовом» уровне – со

стороны «простых» людей, жителей Карлсбада, а также местной прессы⁵. «Но все их усилия разбились, как о каменную стену, об упрямство венских военных властей» [11, с.84–85].

Что же касается позиции российского правительства в отношении к своим соотечественникам, оказавшимся во вражеском плену, то вплоть до осени 1917 г. решение данной проблемы на государственном уровне отсутствовало. «Общественные организации и стихийно возникавшие комитеты помощи по всей России работали на свой страх и риск в условиях строжайшей военной цензуры» [21, с.334]⁶. Защитой прав и интересов русских подданных в Германии и Австро-Венгрии занимались испанские посольства в этих странах. Однако их деятельность, по словам Ковалевского, была неэффективной (в отличие, например, от усилий американских дипломатов, энергично и быстро добившихся освобождения интернированных англичан и французов). Ковалевский же главную роль в организации широкой кампании за возвращение в Россию военнопленных и заложников и, в частности, его самого отводил прессе (русской и иностранной) и «послушным ее голосу общественным деятелям»: «Недаром печать величают "великой державой"; она останется ею, пока будет служить истине, справедливости и гуманности» [11, с.86].

**«печать всего мира
возвысила свой голос
за освобождение русского
ученого»**

Инициатором международной кампании в защиту Ковалевского стал известный писатель и публицист А.В.Амфитеатов, поместивший в римской газете *Giornale d'Italia* со-

---

⁵ По словам Ковалевского, обращение австрийских врачей с контингентом русских пленников в Карлсбаде «все время было вежливое, отношение жителей уважительное, поведение членов медицинского персонала – активно-сочувственное. Они ездили в Вену, представляли коллективные ходатайства в нашу пользу, как больных, которым для исцеления прежде всего нужно спокойствие духа, невысказанное при неволе. Они настаивали на том, что Карлсбад, как и все лечебные места, должен быть своего рода убежищем. ...Сами владельцы домов и меблированных комнат готовы были оказать нам широкий кредит и ходатайствовать за нас перед властями, не раз высказывая ту мысль, что треть Карлсбада построена на русские деньги. Местная печать не прочь была содействовать нашему освобождению и обнародовать составленный нами протест» [11, с.84–85].

⁶ По свидетельству М.И.Туган-Барановского, показателем горячего сочувствия к Ковалевскому на родине служил порыв молодежи, которая «хотела даже организовать экспедицию для его освобождения» [5].

ответствующее обращение к мировой общественности. В результате «печать всего мира возвысила свой голос за освобождение русского ученого и его товарищей по неволе» [7], доказывала «всю бессмысленность задержки человека возрастного, не годного к военной службе и теряющего время попусту» [11, с.85]. Особую благодарность за помощь и поддержку Ковалевский выражал также чешскому депутату К.Крамаржу (вызвавшемуся снабжать русского ученого деньгами до конца войны), Комитетам помощи гражданским пленным и заложникам:

- в Италии (председатель – сенатор, профессор торгового права Дж.Б.Грасси, члены – премьер-министр Италии в 1910–1911 гг. Л.Луццатти, «ряд других итальянских сенаторов, депутатов, профессоров, писателей и журналистов»);
- в Швейцарии (прежде всего, Бернское бюро);
- и в Германии (где Комитет был образован в Берлине по инициативе русских, находившихся в этой стране);
- а также генеральному секретарю Межпарламентского союза К.Л.Ланге, и др. [11, с.83].

Среди тех, кто высказался в защиту Ковалевского, были: Папа Римский, министр иностранных дел России С.Д.Сазонов, ряд членов Государственного совета и Государственной думы, писатель П.Д.Боборыкин и др. [3; 5].

Благодаря усилиям общественности, Ковалевский был освобожден в феврале 1915 г. Его возвращению в Петроград (18 февраля) искренно радовались многочисленные соратники и почитатели. В приветственном письме председателя Русской группы Межпарламентского союза И.Н.Ефремова говорилось о пленении Ковалевского как акте «пренебрежения к международному праву и международной совести». «Да вознаградит Вас грядущее торжество родной земли, в котором она не сомневается, за перенесенные страдания, – писал Ефремов. – Это торжество в происходящей мировой борьбе неразрывно связано с торжеством идеи права и справедливости в международных отношениях» [1, с.2–2 об.].

**«освободили человека
гораздо менее полезного,
чем многие другие»**

Вместе с тем акция по возвращению Ковалевского в ряде периодических изданий оценивалась критически. Причем это касалось не только черносотенной (*Русское знамя* и др.), но

и либеральной прессы. В последней, в частности, указывалось на неравноценность произведенного властями обмена («ученого – на консулов»), отмечалось, что «освободили человека гораздо менее полезного, чем многие другие, которые остаются в плену» (Цит. по: [7]). Высказывалось предположение, что австрийцы усмотрели в усиленных ходатайствах за М.М.Ковалевского благоприятный для себя повод «поторговаться», с тем чтобы за члена Государственного совета «запросить подороже» [8; 11, с.86]. В результате группа из 16 русских подданных, задержанных в Австрии в начале войны (в т.ч. Ковалевский), была обменена на «10 австро-венгерских консульских чинов: генерального консула в Одессе, консула в Киеве, вице-консула в Одессе, Николаеве, Батуме и др.». Уверенная в том, что свобода Ковалевского куплена слишком дорогой для интересов России ценой, редакция *Утра России* замечала, что «эти господа, по специальному роду своей служебной деятельности, прекрасно осведомлены во всем, что сейчас весьма интересует венский Ballhausplatz⁷. В своих, не поддающихся таможенному контролю мозгах эти дипломатические агенты барона Буриана⁸, несомненно, вывезут массу ценного для Австро-Венгрии материала, не говоря уже о той активной рабочей силе, которую в лице этих "знатоков России" приобретут дипломатическое и военное ведомства двуединой монархии» [8].

По возвращении из плена Ковалевский вновь занял передовые позиции в общественном движении, призывал к «солидарной деятельности всех классов, сословий и народностей России, направленной к отражению врага» [6]. Своим долгом он считал способствовать освобождению и возвращению на родину соотечественников, оказавшихся во власти неприятеля, полагая неотложным делом организацию на государственном уровне обмена гражданскими пленными и заложниками.

Списки этих лиц ежедневно пополнялись людьми, которым «по возрасту и болезням не суждено служить в армии, задержка которых совершенно бесполезна как той, так и другой стране. Придет ли кому в голову... – развивал очевидную мысль Ковалевский, – что генеральша Зеленая, вдова покойного воспитателя Великого князя Константина Константиновича, в роли заложницы может вызвать русское правительство на какие-то серьезные уступки Австрии. Мыслимо ли, что возвращение

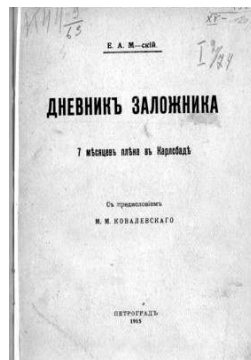
---

⁷ Неофициальное название министерства иностранных дел Австро-Венгрии (размещалось в Вене, в здании на площади Ballhausplatz).

⁸ Иштван (Штефан) Буриан фон Райеж (1851–1922) – министр иностранных дел Австро-Венгрии в 1915–1916 гг.

либерального земского деятеля Екатеринославской губ., [господина] Яковенко, или подвергнутого судебному преследованию за непокорные слова адвоката Гиллерсона так дорого предрежащим властям, что в угоду австрийским требованиям они готовы отпустить даже заподозряемых в шпионстве подданных двуединой Империи. Ведь такое предположение противоречит здравому смыслу...» [14, с.7].

Стремясь в меру своих сил и возможностей облегчить участь поневоле оставшихся за рубежом, Ковалевский участвовал также в поисках пропавших без вести военнопленных, выступал с публичными лекциями⁹. Денежные сборы от лекций поступали в фонд Всероссийского союза городов для оказания помощи больным и раненым воинам, а также в пользу городских лазаретов при Петроградском университете, лазарета для нервнoбольных воинов при Психоневрологическом институте и т.д.

«война заставила нас выйти из обычной косности»

Ковалевский характеризовал войну, прежде всего, «не с точки зрения военных и стратегических успехов, а с точки зрения будущей мирной культурной работы», а потому на результа-

таты ее смотрел, в целом, оптимистически. Он высоко оценивал значение войны для «подъема возвышенных чувств и патриотической активности» в странах Антанты, рассчитывал на более тесное сближение России с Францией и Англией. Сравнивая значение войны для России с «неожиданным ударом хлыста» («она заставила нас выйти из обычной косности и всколыхнула природную апатию»), ученый полагал, что «мы будем ей обязаны реорганизацией нашей национальной промышленности, будут утилизированы материальные силы и инициативы, существования которых мы, казалось, не подозревали». Ковалевский рассчитывал, что война приведет к «преобразованию в нашей администрации... к более полному и более рациональному конституционному режиму... каким он был намечен в императорском Манифесте от 17-го октября 1905 года». Он также возлагал надежды на то, что война послужит «мо-

⁹ «Национальный вопрос и империализм», «Война и солидарность ученых», «Германцы против англичан» и др.

ральному возрождению народа, слишком долго бывшего в рабстве у алкоголя» [10, с.39–40].

или... «новому Эразму придется присоединить новую главу к "Похвале глупости"»?

Опыт пленника, лично пережитый Ковалевским, не оставлял у него сомнений в анахронизме и бессмысленности «нелепого, средневекового института заложников, вызванного из векового сна к новой жизни Габсбургской монархией» и явившегося «причиной бесцельного, глупого держания стариков и инвалидов». Ученый надеялся, что одним из результатов послевоенного устройства мира и пересмотра международного права станет упразднение данного института или... «новому Эразму придется присоединить новую главу к "Похвале глупости"» [14, с.7–8]¹⁰. Однако развитие ситуации в России и за ее пределами серьезно поколебало оптимизм Ковалевского. Незадолго до смерти он признавался, что не видит оснований для ожиданий «всеобщего расцвета» после войны [15, с.187].

«Надо любить Бога, свободу, равенство и прогресс!»

Австрийский плен, длительное отсутствие полноценного отдыха оказались роковыми для Ковалевского, приближавшегося к 65-летнему жизненному рубежу. С осени 1915 г. у

---

¹⁰ Надежды Ковалевского разделяли в ту пору многие прогрессисты. В их числе – его многолетний соратник, один из ведущих публицистов журнала «Вестник Европы», к тому же известный юрист, генерал-майор В.Д.Кузьмин-Караваев. В унисон с Ковалевским он заявлял: «Прямая задача международных конференций при ликвидации войны после того, как "гнездо милитаризма" получит роковой удар, будет состоять несомненно в том, чтобы на будущее время очистить войну и военное дело. Сюда войдет обеспечение от произвола воюющих нейтральных территорий, ограждение от разрушения памятников художественного творчества, действительная, вместо ставшей мнимой, охрана интересов чужеземного мирного населения, действительное недопущение разрывных пуль и т.д. Сюда же войдет определение границ допустимой и недопустимой разведки как по месту, так и по времени и по условиям производства. Что касается до шпионства в мирное время ("отвратительное из отвратительных преступных деяний", "порождение милитаризма и один из крайних его эксцессов"), то должно надеяться, будут найдены такие формы взаимоотношений в области военного дела, при которых такое шпионство станет ненужным» [2, с.394].

МАКСИМ МАКСИМОВИЧ КОВАЛЕВСКИЙ – АВСТРИЙСКИЙ ПЛЕННИК

него стала стремительно развиваться болезнь сердца. 10 февраля 1916 г. он в последний раз выступил с речью в Государственном совете в защиту законопроекта о подоходном налоге, отстаивая интересы малоимущих слоев населения, а спустя ровно месяц в последний раз присутствовал на заседании верхней палаты, в котором обсуждался данный законопроект. По свидетельству близких, Ковалевский до последних часов жизни продолжал интересоваться «политикой, войной, [Государственным] Советом и Думой». «Надо любить Бога, свободу, равенство и прогресс!» – с этими словами-завещанием он покинул этот мир 23 марта 1916 г. [22; 19, с.47].

Из многочисленных откликов на смерть Ковалевского приведем лишь два. М.И.Туган-Барановский замечал, что со времени ухода Л.Н.Толстого русское общество не переживало другой столь же крупной потери [19, с.51]. Член Левой группы Государственного совета А.В.Васильев признавал весной 1916 г., что «сознание незаменимости М.М.Ковалевского будет особенно чувствительно в ближайшее время, когда, после ужасов кровавой войны, народы Европы почувствуют наконец повелительную необходимость приступить к организации своих отношений на дорогах покойнику началах права и свободы. ...Ковалевский был бы незаменимым судьей и советником при решении сложных и многотрудных вопросов, связанных с будущей организацией Европы и всего мира. Тесно связанный узами дружбы со многими выдающимися и влиятельными представителями французской и бельгийской демократии, пользующийся большим уважением в ученом мире англосаксонской расы и говорящих по-английски народов, Ковалевский широтою своих гуманных воззрений не мог бы не импонировать и освобожденной от гипноза милитаризма немецкой интеллигенции» (Цит. по: [9, с.220]).

Максим Максимович Ковалевский похоронен в Петербурге, на Никольском кладбище Александро-Невской лавры; могила сохранилась.

Библиографический список

1. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф.103. Оп.2. Д.90.
2. Вестник Европы. 1914. №11.
3. Речь. 1915. 17 февраля. №46.
4. Речь. 1915. 19 февраля. №48.
5. Речь. 1915. 26 февраля. №55.
6. Речь. 1915. 8 марта. №65.
7. Речь. 1915. 15 марта. №72.
8. Утро России. 1915. 4 февраля. №35.

9. К 10-летию 1-й Государственной думы. 27 апреля 1906 – 27 апреля 1916: Сборник статей переводимцев. Пг.: Огни, 1916. – 231 с.
10. Ковалевский Е.П. Черты из жизни Максима Максимовича по семейным и личным воспоминаниям // Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. 1851–1916: Сб. ст. Пг.: Артист. заведение т-ва А.Ф.Маркс, 1917. С.5–47.
11. Ковалевский М.М. В плену // Невский альманах. Жертвам войны – писатели и художники. Пг.: О-во рус. писателей для помощи жертвам войны, 1915. С.82–86.
12. Ковалевский М.М. Германцы против англичан // Вестник Европы. 1915. №5. С.280–296.
13. Ковалевский М.М. Моя жизнь: Воспоминания. М.: РОССПЭН, 2005. – 781 с.
14. Ковалевский М.М. Предисловие // М-ский [Могиленский] Е.А. Дневник заложника. 7 месяцев плена в Карлсбаде. Пг., 1915. С.5–8.
15. Кондратьев Н.Д. М.М.Ковалевский как учитель // Вестник Европы. 1916. №5. С.175–188.
16. Кони А.Ф. М.М.Ковалевский в Государственном совете // Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. 1851–1916: Сб. ст. Пг.: Артист. заведение т-ва А.Ф.Маркс, 1917. С.69–86.
17. Кузьмин-Караваев В. Кто победит? // Невский альманах. Жертвам войны – писатели и художники. Пг.: О-во рус. писателей для помощи жертвам войны, 1915. С.40.
18. Лор Э. Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М.: НЛЮ, 2012. – 301 с.
19. М.М.Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. 1851–1916: Сб. ст. Пг.: Артист. заведение т-ва А.Ф.Маркс, 1917. – 274 с.
20. Розенберг В.В. Современные правоотношения к неприятельским подданным. Пг.: Ред. период. изд. М-ва фин.: «Вестн. финансов» и «Торг.-пром. газ.», 1915. – 134 с.
21. Симонова Т.М. Российские военнопленные и интернированные в лагерях Германии и Австрии в 1914–1922 годах // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: Мат-лы Междунар. науч. конф. 7–8 сент. 2004 года / Отв. ред. В.П.Козлов. М.: Наука, 2006. С.331–336.
22. Сорокин П.А. Памяти дорогого учителя и обожаемого друга // Русские ведомости. 1916. 24 марта. №69.
23. Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. М.: Наука, 1991. – 231 с.

Наши авторы

Кургинян Сергей Ервандович

кандидат физико-математических наук, политолог,
Президент Международного общественного фонда
«Экспериментальный творческий центр», главный редактор
журнала «Россия XXI», главный режиссер театра «На досках»

Максимычев Игорь Федорович

доктор политических наук, посланник в отставке,
главный научный сотрудник Института Европы РАН

Киселев Михаил Александрович

кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории
и археологии Уральского отделения РАН

Ранчин Андрей Михайлович

доктор филологических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова

Марьина Валентина Владимировна

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института славяноведения РАН

Медведев Жорес Александрович

кандидат биологических наук, биохимик-геронтолог,
почетный член Биохимического общества, член Американского
геронтологического общества, историк, публицист

Мильков Владимир Владимирович

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Института философии РАН

Аманжолова Дина Ахметжановна

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Центра истории народов России и межэтнических отношений
Института российской истории РАН

Хайлова Нина Борисовна

кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник
Центра «История России в XIX–начале XX в.»
Института российской истории РАН

Our authors

Kurginyan Sergey Ervandovich

Ph.D. in physics and mathematics, specialist in political sciences,
President of the International Public Foundation
“Experimental Creative Center”, Editor-in-chief of “Russia XXI”,
Chief producer of the Theatre “On the Boards”

Maksimychев Igor' Phedorovich

D.Sci. in political sciences, Minister extraordinary
and plenipotentiary (ret.), the Chief researcher of the Institute of Europe,
Russian Academy of Sciences

Kiselev Mikhail Aleksandrovich

Ph.D., historian, researcher, Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of Russian Academy of Sciences

Ranchin Andrey Mikhailovich

D.Sci., philologist, Professor, Moscow State University

Mar'ina Valentina Vladimirovna

D.Sci. in history, Professor, the Chief researcher of the Institute
of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

Medvedev Zhores Aleksandrovich

Ph.D. in biology, biochemist-gerontologist, the honorary member
of the Biochemical Society and of the American Gerontological Society,
historian, publicist

Mil'kov Vladimir Vladimirovich

D. Sci., philosopher, head specialist, Institute of Philosophy
of Russian Academy of Sciences

Amanzholova Dina Akhmetzhanovna

D.Sci. in history, leading researcher of the Center “History of the peoples
of Russia and inter-ethnic relations”, Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences

Khailova Nina Borisovna

Ph.D., historian, assistant Professor, a senior fellow researcher
of the Center “History of Russia in XIX-early twentieth century”,
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2015 г.

Теория и практика политических игр

- Бялый Ю.В. *Экономический фронт: краткий экскурс.* №1. С.6
Бялый Ю.В. *Глобальная экономика и мировой кризис: США, Европа, Россия.* №2. С.6
Кургинян С.Е. *Чудо выживания и новые угрозы.* №5. С.6
Кургинян С.Е. *Самосохранение. Вызов времени.* №6. С.6
Мяло К.Г. *В стороне от главной улицы.* №4. С.6

Геоглобалистика

- Александров О.Б. *Перспективы стратегического альянса России и Китая в Арктике.* №2. С.24
Зимонин В.П. *Расчеты и просчеты. Как геостратегия стала заложницей геополитики.* №3. С.6; №4. С.36
Максимычев И.Ф. *Есть ли будущее у германо-российского сотрудничества?* №6. С.28

Грани катастрофы

- Ранчин А.М. *Апокалипсис нашего времени/Apocalypse now: предварительные итоги реформ российского образования.* №6. С.66
Тополянский В.Д. *Кризис медицины.* №4. С.178

Ресурсы нации

- Келлер А.В. *Петербургский портной – законодатель мод первой половины XIX века.* №1. С.92
Келлер А.В. *«...он был большой охотник до роскоши и великолетия». Петербургский портной в XVIII веке.* №4. С.140
Киселев М.А. *«Отворить вход к благополучию дарованиям природным»? Словная проблематика проектов образовательных реформ И.И.Шувалова и М.В.Ломоносова на рубеже 50-х – 60-х годов XVIII в.* №6. С.30

Ярлыки и мифы

- Петрова Н.С. *«Субститутные» элементы в религиозных практиках (по воспоминаниям заключенных ГУЛага 1920-х – 1940-х годов).* №4. С.166
Эрлих С.Е. *«Брат лермонтовской бабушки»: история одного из реликтов декабристского мифа.* №1. С.52
Юрганов А.Л. *«Мещанство» и «пошлость» в литературно-философских спорах модернистов и позитивистов начала XX века.* №2. С.38; №3. С.30

Современные утопии

- Парсамов В.С. *ВАК и высшее образование: современные споры и их истоки.* №1. С.28

Россия в мире

- Давтян В.С. *Энергетическая политика России на Южном Кавказе: трубопроводные войны.* №4. С.62
Миронова Е.М. *«Мы, признанные союзниками представителями России...» Деятельность русской меньшевистской дипломатии в период гражданской войны (1917 – конец 1920 г.).* №1. С.144

Европейские параллели

- Гриценко С.А. *Прогерманские настроения в Швеции в начале Первой мировой войны (1914–1915 годы).* №2. С.102

Пути духовных исканий

- Мильков В.В. Древнерусские представления об ином мире. №5. С.64; №6. С.134
Мироненко-Маренкова И.К. «Безумные Христа ради» и «мирская святость» в Древней Руси. Классический текст франкоязычной историографии о русском юродстве. №5. С.92

Страницы истории

- Агеева Е.А. Роскошь. Кризис. Государство. Государственное регулирование российского рынка роскоши в период кризиса 1916–1917 годов. №4. С.92
Белозерская К.А. «Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений»: из истории журналистики для детей. №4. С.76
Готовцева А.Г. Литература и литераторы в первом русском журнале. «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». №2. С.172
Дезюев В.В. К вопросу о предыстории кавказской войны XIX века. №1. С.70
Костырченко Г.В. Авиастроение накануне и в годы Великой Отечественной: под жесткой дланью Сталина. №2. С.120
Марына В.В. Густав Гусак: Словакия, Чехословакия, СССР. Взгляд из 1945 года и не только. №6. С.86
Медведев Ж.А. Опасная профессия. №3. С.84; №4. С.110; №5. С.38; №6. С.110
Орлик И.И. В балтском подполье, 1941 – 1944 годы. Документальный очерк. №2. С.146
Савин А.И. «Мы беззаветные герои все...» Феномен социальной мобильности советского общества в свете его героизации (1920-е – 1930-е годы). №3. С.56
Савин А.И. «Ордена и отличия нам нужны...» Роль наград в формировании советской идентичности. №5. С.28

Актуальный архив

- Довжик Н.Н., Репников А.В., Симиндей В.В. Москва – Каунас – Вильнюс в 1940–1941 годы: между геополитикой и социальным вопросом. №5. С.142
Ван Кай Ю. Киевская публицистика Михаила Кольцова 1918–1919 годов: Материалы к биографии. №1. С.172
Журавлев В.В., Лазарева Л.Н. «Важная фаза мирного наступления Москвы». По материалам Международного экономического совещания 1952 года. №3. С.134
Киянская О.И., Фельдман Д.М. «Дело сатириков» и журнал «Крокодил»: из истории советской журналистики 1930-х годов. №2. С.64
Мальков В.Л. «Челночная дипломатия» Гарри Гопкинса. К истории письма И.В.Сталину. №3. С.110
Репников А.В. Василий Шульгин и «украинский вопрос». №1. С.146
Розенталь И.С. Вокруг одного письма. Еще об интеллигенции накануне Февраля 1917-го. №5. С.116
Хайлова Н.Б. Люди из примечаний. Максим Максимович Ковалевский – австрийский пленник. №6. С.170

Редакционная почта

- Аманжолова Д.А. Новое о феномене сталинизма и еврейском вопросе в СССР. №6. С.160
Максимычев И.Ф. Две Германии. Впечатления от посещения Берлина в мае 2015 года. №3. С.170
Тараторкин Ф.Г., Юрганов А.Л. Любовь пространства. №5. С.170

The List of All Published Materials in 2015

Theory and Practice of the Political Games

- Byaly Yu.V. *Economic Front: a Brief Excursus*. №1. P.6
Byaly Yu.V. *The Global Economy and the World Crisis: USA, Europe, Russia*. №2. P.6
Kurginyan S.E. *Miracle of Survival and New Threats*. №5. P.6
Kurginyan S.E. *Self-preservation. Challenge of the Time*. №6. P.6
Myalo K.G. *Off the Main Street*. №4. P.6

Geopolitics and International Policy Issues

- Aleksandrov O.B. *Prospects of the Russian-Chinese Strategic Alliance in the Arctic Region*. №2. P.24
Maksimychev I.Ph. *Is there any Future for German-Russian Cooperation?* №6. P.28
Zimonin V.P. *Calculations and Miscalculations. How Geo-Strategy Became a Hostage of Geopolitics*. №3. P.6; №4. P.36

The Faces of Catastrophe

- Ranchin A.M. *Apocalypse of our Times: Preliminary Results of the Russian Education Reforms*. №6. P.66
Topolyansky V.D. *Crisis of Medicine*. №4. P.178

Resources of Nation

- Keller A.V. *Tailor in St. Petersburg – Trendsetter in First Half 19th Century*. №1. P.92
Keller A.V. *“...He Was a Great Lover of Luxury and Splendor”: Saint-Petersburg Tailor of the 18th Century*. №4. P.140
Kiselev M.A. *“Open the Gateway to Well-Being for Natural Talents”? The Estate Problem in Educational Reforms Drafts Suggested by I.I.Shuvalov and M.V.Lomonosov at the Turn of the 1750s and 1760s*. №6. P.30

Labels and Myths

- Erllich S.E. *“Lermontov's Great-Uncle”: History of One of the Ancient Artifacts from the Decembrist Myth*. №1. P.52
Petrova N.S. *“Substitute” Elements in Religious Practices (Based on Recollections of GULAG Prisoners in the 1920 – the 1940s)*. №4. P.166
Yurganov A.L. *“Philistinism” and “Platitude” in Literary-Philosophical Controversies of the Modernists and the Positivists in the Early 20th Century*. №2. P.38; №3. P.30

Modern Utopia

- Parsamov V.S. *The Higher Attestation Commission for Academic Degrees and Titles and the Higher Education: Current Debates and their Origins*. №1. P.28

Russia in the World

- Davtyan V.S. *Energy Policy of Russia in the South Caucasus: Pipeline Wars*. №4. P.62
Mironova E.M. *“We, Recognized as Representatives of Russia by the Allies...” Activities of the Russian non-Bolshevik Diplomacy during the Russian Civil War*. №1. P.144

European Parallels

- Gritsenko S.A. *Pro-German Feelings in Sweden in the First Years of World War I (1914–1915)*. №2. P.102

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

- Mil'kov V.V. *The Ancient Russian Notions of the Other World*. №5. P.64; №6. P.134
Mironenko-Marenkova I.K. "Insane for Christ" and "Wordly Holiness" in Ancient Rus. *The Classical French Historiography Text on the Russian "Foolishness for Christ"*. №5. P.92

Pages of History

- Ageeva E.A. *Luxury. Crisis. State. The State Regulation of the Russian Luxury Market during the Crisis of 1916–1917*. №4. P.92
Belozerskaya K.A. *A Magazine for Military Educational Institutions Students Reading: "Glimpses of Journalism for Children"*. №4. P.76
Gotovtseva A.G. *Literature and Men of Letters in the First Russian Magazine. "Monthly Essays for Use and Entertainment"*. №2. P.172
Degoev V.V. *On the Pre-History of the Nineteenth Century Caucasian War*. №1. P.70
Kostyrchenko G.V. *Aircraft Industry on the Eve and During the Great Patriotic War: under Stalin Hand of Rigid*. №2. P.120
Mar'ina V.V. *Gustav Husak: Slovakia, Czechoslovakia, the USSR. A Glance from 1945 and not Only Just That*. №6. P.86
Medvedev Z.A. *A Dangerous Profession*. №3. P.84; №4. P.110; №5. P.38; №6. P.110
Orlik I.I. *In Balta Town Underground, 1941–1944. Documentary Essay*. №2. P.146
Savin A.I. "We All are Do-or-Die Heroes Here..." *Phenomenon of the Soviet Society Social Mobility in Light of Its Glorification (1920–1930)*. №3. P.56
Savin A.I. "We Need Orders and Distinctions..." *Role of Awards in the Soviet Identity Formation*. №5. P.28

Topical Archive

- Dovjick N.N., Repnikov A.V., Simindei V.V. *Moscow – Kaunas – Vil'nyus in 1940–1941. Between Geopolitics and Social Issue*. №5. P.142
Khailova N.B. *People from Footnotes. Maxim Maximovich Kovalevski as an Austrian Captive*. №6. P.170
Kiyanskaya O.I., Fel'dman D.M. *The "Satirists' Case" and "The Crocodile" Magazine: from the History of the Soviet Journalism of the 1930s*. №2. P.64
Mal'kov V.L. "Shuttle Diplomacy" Harry Hopkins. *On the History of the Letter to Stalin*. №3. P.110
Repnikov A.V. *Vassily Shulgin and the "Ukrainian Question"*. №1. P.146
Rosental' I.S. *Thoughts Caused by a Letter. Once More about Intelligentsia on the Eve of February, 1917*. №5. P.116
Wan Kai Yu. *Mikhail Kol'tsov's Political Articles Written and Published in 1918–1919 in Kiev: Materials to Biography*. №1. P.172
Zhuravlev V.V., Lazareva L.N. "An Important Phase of the Peace Offensive of Moscow" *Based on Materials from the International Economic Conference 1952*. №3. P.134

Readers' Letters

- Amanzholova D.A. *The New Research of the Phenomenon of Stalinism and the Jewish Question in the USSR*. №6. P.160
Maksimychev I.Ph. *Two Germanies. Impressions Gained During a Visit to Berlin in May of 2015*. №3. P.170
Taratorkin P.G., Yurganov A.L. *Love of Space*. №5. P.170

ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ

в редакции

Тел. (495)691-74-79

E-mail: russia21@ecc.ru, kurilenkova@ecc.ru

123001, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

ЖУРНАЛ МОЖНО ЗАКАЗАТЬ

с доставкой по всей России (или приобрести)

в книжном интернет-магазине «Русская деревня»

www.hamlet.ru

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:

Подписные индексы:

39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»

Для иностранных читателей

подписка проводится через агентство «МК-Периодика»:

тел. (495)672-70-12, e-mail: info@periodicals.ru

Подписка на электронную версию журнала

оформляется через Научную электронную библиотеку:

www.elibrary.ru

ISSN 0869–8503

Учредитель: Международный общественный фонд

«Экспериментальный творческий центр»

(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.

Регистрационное свидетельство №011074.

© «Россия XXI», 2015. Цена свободная.

Адрес редакции: 123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Телефон (495)691-74-79, факс (495)694-17-54 E-mail: russia21@ecc.ru

сайт <http://www.russia-21.ru>

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,

ссылка на «Россию XXI» обязательна.

Подписано в печать 16.12.2015. Формат 60x88 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 12,25 печ. л.

Тираж 1500 экз. Заказ № .

Отпечатано в ООО «Полиграфторг»

428019, г.Чебоксары, пр.И.Яковлева, 15.

Тел. 8(8352)28-77-98, 57-01-87

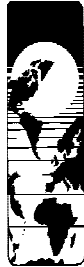
6.2015 november-desember

Theory and Practice of Political Games

Sergey Kurginyan

Self-preservation. Challenge of the Time _____ **6**

Geopolitics and International Policy Issues

Igor' Maksimychev

Is there any Future for German-Russian
Cooperation? _____ **28**

Resources of Nation

Mikhail Kiselev

“Open the Gateway to Well-Being for Natural
Talents”? The Estate Problem in Educational
Reforms Drafts Suggested by I.I.Shuvalov
and M.V.Lomonosov at the Turn
of the 1750s and 1760s _____ **40**

The Faces of Catastrophe

Andrey Ranchin

Apocalypse of Our Times: Preliminary Results
of the Russian Education Reforms _____ **66**

Pages of History

Valentina Mar'ina

Gustav Husak: Slovakia,
Czechoslovakia, the USSR.
A Glance from 1945 and not Only
Just That _____ **86**

Zhores Medvedev

A Dangerous Profession
(the end) _____ **110**

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Vladimir Mil'kov

The Ancient Russian Notions
of the Other World (the end) __ **134**

Readers' Letters

Dina Amanzholova

The New Research
of the Phenomenon of Stalinism
and the Jewish question
in the USSR _____ **162**

Topical Archive

Nina Khailova

People from Footnotes.
Maxim Maximovich Kovalevski
as an Austrian Captive _____ **172**

ИХХ
ВН
СН
Р
О
С
С
И
Я
Х
Х
И